

АВГУСТ | 2020

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КОТЛОВАН

глубиной в жизнь
Андрея Платонова

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

НЕ НАДО ЛОМАТЬ ИСТОРИЮ

ГЛЯДЯ НА ТО, КАК СЕЙЧАС ПОД НАПОРОМ ВПАВШИХ в непонятный раж и безумие толпы в Америке сносят памятники тем, кто еще недавно считался «отцами-основателями» или, по крайней мере, уважаемыми столпами ее истории, невольно вспоминается: а ведь и у нас такое поветрие было. И после революции 1917 года, и после распада СССР в 1991-м.

Посносили в последний раз относительно немного. Потом, словно одумавшись, взяли паузу. Может, с кем-то погорячились? Как оставить «для истории» только тех, кто был совсем без греха и «однозначен» в своей положительности? Нет ответа, опустеет тогда история. Нет в ней абсолютных праведников. Зато нас теперь раздражает и оскорбляет, когда соседи начинают, переписывая свою недавнюю историю, сносить памятники тем, кто их освобождал от нацистской оккупации. И тогда мы за свои памятники стали держаться, кажется, еще сильнее. Потому что не надо ничего сносить впопыхах и в угоду политической конъюнктуре.

Тем более в угоду толпе погромщиков. Надо дать возможность Ее Величеству Истории разобраться. Иногда ей нужно очень много времени на это. Иногда десятилетия. Иногда века. И иной раз – тысячелетия. Она никуда не торопится. И не надо ее подгонять. ❀

СИТУАЦИИ

06 ЧАЗы против посредников

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

10 Петя
из Сибири18 Дар чувствовать
время24 Помни
мое лицо

ИНТЕРВЬЮ

32 Главная
стратегическая
операция40 В поисках
брата

ИСТОРИЯ

44 Тайная
экспедиция
Петра Великого52 Чудо
братоубийства

ВЛАДИМИР ВДОВИГРИЯ НОВОСТИ

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

58 Серебряные ноги

НАСЛЕДИЕ

64 Путешествие
в человечество72 Встретимся
у Гостиного

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

80 Спортивный характер

МИХАИЛ ТУРГИЕВ/РИА НОВОСТИ

84 Поморский «Пилигрим»

КУЛЬТУРА

88 Модницы и щеголи прошлого

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Дмитрий ЗЛОДОРОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Алексей МАКЕЕВ
Анастасия МАК КЕЙБ
Татьяна НАГОРСКИХ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Юлия ЭГГЕР
Мария ЯКУБОВИЧ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

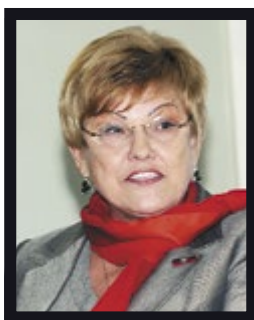
Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.

Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.

Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.

Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ИТАР-ТАСС

ЧАЗЫ ПРОТИВ ПОСРЕДНИКОВ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ В РОССИИ РЕЗКО ВЫРАСТЕТ КОНКУРЕНЦИЯ ЗА РАБОЧИЕ МЕСТА. ЭТО ОДНО ИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ. ПРИЧЕМ СИТУАЦИЯ УСЛОЖНЯЕТСЯ НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ.

НЕВЕСЕЛАЯ СТАТИСТИКА: по данным Росстата, из-за пандемии потеряли работу 4,5 миллиона россиян. По прогнозам того же ведомства, к осени показатель безработицы может составить 11 миллионов человек. Помимо этого в России без работы и средств к существованию осталось свыше 3,5 миллиона мигрантов. К тому же более 60 процентов мигрантов, успевших уехать зимовать домой, хотят вернуться в нашу страну на заработки. Таковы данные Главного управления по вопросам миграции МВД РФ. Есть еще и те, кто застрял в полевых лагерях между границами России и других стран. Таковых, по разным подсчетам, от 500 тысяч до миллиона человек. И около половины из них тоже готовы вернуться на заработки в РФ. Однако мало того, что им не на что жить, нечем платить за жилье и нет денег на билет, ситуация усугубляется тем, что многие сферы экономики, где традиционно велико присутствие иностранной рабочей силы, только приходят в себя после карантинной паузы. К тому же на вакантные места в этих сферах уже претендуют безработные российские граждане.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

– С открытием границ потоки трудовых мигрантов увеличатся, вырастет социальная конкуренция за рабочие места, – говорит эксперт Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, советник руководителя Федерального агентства по делам национальностей Виктория Леденёва. – Многие уехавшие мигранты хотят вернуться на рабочие места. А в связи с ростом безработицы федеральное правительство объявило приоритетным трудоустройство российских граждан. Как общество справится с новым вызовом – неизвестно. В этой ситуации государство взялось за регулирование рынка: указы президента РФ от 18 апреля и 15 июня продлили патенты на работу и статус пребывания тех мигрантов, что не смогли уехать. Пока – до конца 2020 года. С теми же, кто после 1 июля желает вернуться на заработки, теперь будут работать ЧАЗы – частные агентства занятости. С 2016 года они занимаются вербовкой иностранных рабочих по заявкам работодателей. Теперь ЧАЗы – обязательный фильтр организованного набора иностранных рабочих. Иначе в Россию трудовым мигрантам не попасть: принцип организованного набора с июля–августа 2020

года стал обязательным. Он включает прохождение обязательной медицинской комиссии и сдачу теста на знание русского языка. В медкомиссию входят анализы на гепатит, туберкулез, ВИЧ и СПИД, а также два теста на коронавирус. Тест на знание языка не столь уж сложен: достаточно простого знания разговорного русского с последующим посещением обязательных языковых курсов и сдачей экзамена, если того требуют та или иная специализация или работодатель. Таким образом, ГУ по вопросам миграции МВД РФ намерено регулировать потоки иностранной рабочей силы и сократить ее давление на российскую экономику, особенно – на социальный сектор. По данным исследований РЭУ имени Плеханова, в 2019 году в РФ было зарегистрировано рекордное число мигрантов – 12 миллионов, или 8 процентов от 146,8-миллионного населения страны. Таким образом, Россия заняла четвертое место в мире по числу мигрантов на душу населения после США, Саудовской Аравии и ФРГ. Хотя еще в 2010 году Россия была второй в мире после США по числу трудовых мигрантов. – Ситуация постепенно меняется, – отмечает член Совета при Президенте РФ по международным отношениям и Экспертно-консультативного совета при ГУ по вопросам миграции МВД РФ Николай Курдюмов. – Россия не закрывается от трудовых мигрантов, Россия ограничивает их въезд в пользу трудоустройства сначала российских граждан, затем квалифицированных рабочих иностранных государств по списку специальностей, представленных отечественными работодателями, и лишь в последнюю очередь – неквалифицированной рабочей силы, если в ней есть необходимость. В новых условиях мы отказываемся от услуг посредников – часто нелегальных или полунелегальных структур – в пользу организованного набора мигрантов. Однако по ряду причин частные агентства занятости пока

IMMIGRATION CONTROL
ФМС
РОССИИ

Ма-ра	Па-ша	Са-ша	Ла-ра
Шура, ○		У мамы рамы.	
Маша, ○		Сушу рамы.	
На, Лара, ○		У Шуры шары.	
Наша Шура мала.		Мама мыла рамы.	
На, Шура, 2 шара.		Саша сама мыла	☺

буксуют, говорит Николай Курдюмов. В первую очередь потому, что ЧАЗы не предлагают мигрантам и работодателям гарантий социальной защиты (жилье, соцпакет, гарантированная оплата труда) и преференций (гарантии соответствия квалификации рабочих). К тому же у персонала ЧАЗов в странах выезда часто нет профессиональной подготовки: они присылают не запрашиваемых специалистов, а неквалифицированную «рабсилу», половину из которой работодатели часто возвращают за ненадобностью. В некоторых странах выезда в ЧАЗах нередко работают все те же нелегальные посредники. К примеру, ЧАЗы Таджикистана и Узбекистана, где наиболее высок процент нелегальных посредников в агентствах, предпочитают отдавать организованным наборам рабочих в Японию, Южную Корею, Турцию и на Ближний Восток (Иордания, Катар и Саудовская Аравия). Дело в том, что «вахта» в эти страны короче, а вознаграждение поступает по разным причинам быстрее и – напрямую ЧАЗам. В случае же с Россией, согласно межправительственным соглашениям, деньги сначала отчисляются в госбюджеты стран выезда, и только потом ЧАЗы получают свой процент. К тому же работу группы мигрантов в странах дальнего зарубежья сопровождают, как правило, один-два переводчика. А для работы в России нужно готовить всю группу рабочих: сначала дома на курсах русского языка, а потом в России – для сдачи экзамена на разговорный русский язык. Часто курсы внутри стран выезда формальны. В итоге около 30 процентов молодых людей в возрасте до 25 лет сами сбегают из компаний в первый месяц пребывания. Они нелегально устраиваются разнорабочими на рынки или в систему общепита к соотечественникам. Основных причин перебежек две: они вообще не говорят по-русски и их обманули ЧАЗы, представив по документам теми или иными «специалистами», хотя беглецы не имеют никаких профессий.

ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА

Для решения проблем ГУ по вопросам миграции МВД РФ приступило к созданию сервисов ЧАЗов не только при госструктурах стран выезда, но и на базе объединения работодателей разных регионов России. Самые востребованные курсы профессиональной подготовки иностранных рабочих – при строительных организациях и системе ЖКХ для Москвы, Красноярска, Владивостока, Новосибирска, Санкт-Петербурга. Аналогичные проекты планируется запустить еще в 12 городах и регионах. Кроме того, идет подготовка кадров и организация курсов повышения квалификации для специалистов, занимающихся вербовкой иностранных рабочих для конкретных предприятий и работодателей.

– Здравая идея, но запоздавшая, – считает профессор Государственного университета управления, член Экспертно-консультативного совета при ГУ по вопросам миграции МВД РФ Владимир Волох. – Она приходит на смену такого рудимента, как РВП – разрешения на временное проживание. Он давно заменил собой подготовку специалистов негласными протекциями, запретами и поборами. Известно, что РВП – источник коррупции, к которому виртуозно приспособились нелегальные вербовщики. РВП и процедуру его получения-переоформления они частично превратили в способ мафиозного контроля за теми или иными этническими общинами трудовых мигрантов. Поэтому, я надеюсь, что его отмена, о чем мы настоятельно просим МВД РФ, вопрос ближайшего времени. Другое дело, что подготовка кадров при РАНХиГС после пандемии натолкнулась на ряд трудностей. Наши студенты и аспиранты из стран СНГ, где родители либо потеряли работу из-за пандемии, либо по иным причинам ее лишились, просят разрешить им совмещать работу и учебу, чтобы ее оплачивать. Особенно от этого страдают студенты из Афганистана, стран Африки, Индии. Студентам-иностранцам нужно разрешение на работу в стране пребывания и раз-

решение от Минобрнауки учиться и работать одновременно.

Еще одна новация ГУ по вопросам миграции МВД РФ – пилотный проект «Цифровая платформа мигранта», запущенный в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

– Мигрант скачивает на любой гаджет базу данных о наличии работы, требованиях к его квалификации и степени знания русского языка, там же есть адреса жилья или условия для семейного проживания и получения образования для детей, – говорит руководитель рабочей группы по миграции Ленинградской областной торгово-промышленной палаты Валерий Шинкаренко. – Базу данных мы распространяем и у себя, а также выстраиваем сетевую программу в странах выезда. Это вызывает недовольство в среде нелегальных вербовщиков. Мы зарегистрировали несколько попыток распространения от нашего имени фейковых баз данных в Киргизии и Узбекистане с несуществующими местами работы и проживания. Значит, мы на верном пути.

К концу 2020 года к «Цифровой платформе мигранта» подключатся сразу 12 российских регионов. Все они будут действовать через сеть местных торгово-промышленных палат. «Цифровая платформа мигранта» стала продолжением курса федерального правительства на установление квоты по приему мигрантов на работу в отдельные отрасли экономики так, чтобы не отнимать рабочие места у российских граждан. Например, платформа исходит из того, что в пассажирском и автомобильном грузовом транспорте допустимая доля мигрантов разрешена на уровне в 26 процентов от общей численности сотрудников, в сегменте выращивания овощей и фруктов – 50 процентов (исключение – Приморский край и Астраханская область, где обязаны принимать на такую работу исключительно граждан России). Самым «гостеприимным» сектором экономики остается строительство: в этой сфере доля приезжающих на работу иностранцев может достигать до 80 процентов. ■

ПЕТЯ ИЗ СИБИРИ

АВТОР

ЮЛИЯ ЭГГЕР

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 19 АВГУСТА 1945 ГОДА В ЦЕНТРЕ АВСТРИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ, НА ПЛОЩАДИ ПЕРЕД ДВОРЦОМ КНЯЗЕЙ ФОН ШВАРЦЕНБЕРГ, БЫЛО МНОГОЛЮДНО. КРАСНОАРМЕЙЦЫ И ВЫСШЕЕ СОВЕТСКОЕ АРМЕЙСКОЕ НАЧАЛЬСТВО, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВОЙСК СОЮЗНИКОВ, ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СТРАНЫ, ГОРОДСКОЕ РУКОВОДСТВО И МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ – ВСЕГО ОКОЛО 2 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК – СТАЛИ УЧАСТНИКАМИ ЦЕРЕМОНИИ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКА СОВЕТСКИМ ВОИНАМ.

М ЕМОРИАЛ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ – ПЕРВЫЙ В ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЕ – БЫЛ ПОСТРОЕН ВСЕГО ЗА НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ, ХОТЯ АВСТРИЙЦЫ ПРОГНОЗИРОВАЛИ, ЧТО НА ВОЗВЕДЕНИЕ МОНУМЕНТА УЙДЕТ НЕ МЕНЕЕ ГОДА.

ГОД ЗА ТРИ МЕСЯЦА

Еще в апреле 1945 года в Вене появилось объявление, что для строительства памятника требуются каменщики, плотники, лепщики. Денег не обещали, но гарантировали двухразовое горячее питание, что для голодной Вены было неплохим вознаграждением. Об этом в своем дневнике упомянул 30 апреля 1945-го местный чиновник Йозеф Шёнер. Венцы гадали, кому и где будет поставлен па-

Для изготовления 12-метровой статуи солдата потребовалось 15 тонн бронзы, 20-метрового мраморного цоколя – 300 квадратных метров мрамора различных сортов. При строительстве было выкопано 2500 кубических метров земли
©Юлия Эггер

ник князю Карлу Шварценбергу – союзнику Русской армии в наполеоновской войне. К тому же, кроме дворца Шварценбергов, частично пострадавшего во время войны, на площади не было разрушенных зданий. Постановление Военного совета 3-го Украинского фронта о сооружении памятника датировано 30 мая 1945 года. Документ утверждает два проекта, надписи на колоннаде и плоскостях памятника. На работы отводилось всего два месяца: в постановлении говорится, что строительство должно быть окончено 25 июля 1945 года. Дата торжественного открытия мемориала в постановлении не упоминается. Но подготовка к возведению памятника началась еще до взятия Вены. В одном из послевоенных интервью начальник строительства памятника инженер-майор Мендель Зусевич Шейнфельд вспоминал: «Еще во время боев за Вену штаб армии искал пять офицеров, которые по гражданской профессии были скульпторами или архитекторами и имели опыт работы в строительстве. Им было дано задание в течение 24 часов создать эскизы памятника Победы». Многие считают, что стилистика мемориала, официально названного «памятником советским воинам, погибшим при освобождении Австрии от фашизма», скорее, выражает не столько скорбь по погибшим, сколько триумф победы: советский воин-победитель венчает архитектурный ансамбль, на левом и правом крыльях колоннады – бойцы с оружием во время боя. Как рассказывал Шейнфельд, комиссия получила в срок карандашные эскизы памятника. В итоге были выбраны эскизы инженер-майора архитектора Сергея Галактионовича Яковлева и младшего лейтенанта скульптора Микаэла Аваковича Интизарьяна, до войны работавшего в мастерской Веры Мухиной. Известно, что свои работы на конкурс представил и младший сержант Василий Александрович Климушкин, до войны

мятник. Ленину? Сталину? В разрушенном во время боев парке развлечений Пратер? На площади Карлсбирхе? Кстати, существует не подтвержденная документально версия, что площадь Шварценберга выбрал и утвердил сам Сталин, который был знаком с топографией Вены: ведь он довольно долго жил здесь до революции. Однако все руководители стройки приписывают выбор места себе. Шварценбергплац – одна из самых больших и необычных площадей в центре Вены. По сути, это улица длиной почти полкилометра, которая завершается сквером и круглой площадью. И с точки зрения идеологии, и с эстетической стороны место было подходящим: в начале площади находится конный памя-

Строительство мемориала длилось всего три месяца
©Коллекция ИЦ «Память»

окончивший архитектурный институт. Все авторы проектов вошли в группу, которая отвечала за возведение памятника. Макеты солдата и колоннады, вероятно, были созданы позже. Микаэл Интизарьян выполнил 12 моделей. Его вдова рассказывала, что первые макеты из-за отсутствия пластилина и глины он лепил из хлеба, сала и шнапса, а остовом была бутылка.

Менделя Шейнфельда назначили начальником строительства памятника. Как считал сам инженер, его выбрали потому, что он строил памятник в Венгрии в честь форсирования Дуная, а значит, справится и с задачей строительства мемориала в Вене. Идеино-политическое руководство было поручено Дмитрию Трофимовичу Шепилову, который в 1952 году стал редактором газеты «Правда». Обывателю он хорошо известен по появившемуся в 1957 году клише «и примкнувший к ним Шепилов». Тогда Молотов, Маленков и Каганович начали кампанию по смещению Хрущева, и Шепилов тоже выступил с критикой в адрес Никиты Сергеевича. Летом 1945-го в Вене Шепилов отвечал за содержание мемориальных надписей на памятнике. На фронтальной стороне мемориала выгравирован приказ Верховного главнокомандующего И.В. Сталина от 13 апреля 1945 года о взятии Вены. Автор стихотворных строк – Сергей Михалков, находившийся в момент строительства в Вене в качестве корреспондента «Сталинского сокола».

С австрийской стороны к возведению мемориала привлекли не только рабочих, но и ландшафтного дизайнера Альберта Эша, специалиста по керамике Йоханнеса Крейчи и специалиста по бронзе Рудольфа Бурга, который во время войны отливал на венском заводе памятники, заказанные гитлеровским бюро пропаганды. В создании скульптуры принимал участие и австрийский скульптор Фердинанд Вельц. Он известен современникам, скорее, по монетам, самая знаменитая

Еще во время строительства была изготовлена копия памятника, которую в августе 1945 года передали в Музей Красной армии в Москве. Через семьдесят лет она экспонировалась в Вене на выставке документов из российских архивов к 70-летию Победы и 60-летию со дня подписания госдоговора
©Юлия Эггер

Стихотворные строки принадлежат Сергею Михалкову
©Юлия Эггер

из которых послевоенный шиллинг с эдельвейсом. Кроме того, Шейнфельд вызвал из Венгрии опытного строителя памятников по фамилии Ковач. Всего в строительстве принимало участие около 500 человек – на такое число людей рассчитывались нормы продовольствия. Чтобы начать строительство мемориала, отливку солдата и изготовление элементов скульптуры, подготовить бетон, искусствен-

ный мрамор для колоннады и натуральный камень для облицовки, советским войскам пришлось спешно восстанавливать несколько австрийских предприятий. В общей сложности к строительству привлекли 10 местных фирм и заводов.

Еще во время строительства из гранита, мрамора и бронзы была изготовлена копия памятника в масштабе 1:10, которую в августе 1945 года передали в Музей Красной армии в Москве. Через семьдесят лет она экспонировалась в Вене на выставке документов из российских архивов к 70-летию Победы и 60-летию со дня подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии.

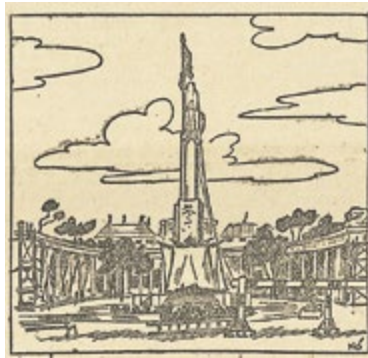
ОТКРЫТИЕ

За сутки до открытия мемориала Шейнфельду пришлось подняться по раскладной пожарной лестнице, дабы удостовериться, что полотнище, которое должно было упасть с памятника в день открытия, прикреплено правильно. Возможная заминка, по мнению Шепилова, могла спровоцировать насмешки недоброжелателей и даже международный скандал.

Торжественное открытие памятника состоялось 19 августа 1945 года. Церемония открылась митингом с участием высшего армейского, государственного и городского руководства, затем – салют, парад войск, в ко-

тором приняли участие части советской, американской, британской и французской армий, и демонстрация населения. Каждое воинское подразделение возложило к памятнику венки. На ленте венка от американских солдат и офицеров было написано: «От армии Соединенных Штатов в честь их боевых товарищей – бойцов Красной армии, павших в борьбе за свободу». Газета «Правда» напишет на следующий день: «Перед взорами всех предстало величественное сооружение из мрамора и бронзы... В память павших героев был произведен трехкратный артиллерийский салют. Оркестр исполнил гимн Советского Союза». Радио, которое, в отличие от Германии, было запрещено в Австрии с апреля всего на несколько недель, транслировало церемонию открытия. В программу вошла и речь государственного канцлера австрийского временного правительства доктора Карла Реннера. «Я преклоняюсь перед гигантским памятником великим делам, которые как в истории Европы, так и в истории всего мира определяют повороты в развитии человечества. Здесь, на земле нашей республики, были даны завершающие бои, которые наряду с другими боями решающим образом повлияли на исход войны. Грядущие счастливые поколения будут стоять перед этим памятником и восхищаться героическими делами и подвигами Красной армии, самоотверженностью советского солдата, мастерским руководством генералиссимуса Иосифа Сталина. Их действия привели к свержению проклятого режима фашистской кабалы и к установлению длительного мира между народами всего мира. Все человечество находится в долгу у Красной армии», – цитировали слова канцлера все австрийские и некоторые советские газеты. Акт передачи памятника на хранение был торжественно вручен временному австрийскому правительству.

Руководитель строительства Мендель Шейнфельд вспоминал трогательную историю, случившуюся на параде. Он встретил в Вене украинскую девушку-врача, пережившую ужасы фашистских концлагерей. Инженер пригласил ее работать в его команде. Украинка пришла на парад в качестве гостыи. Мимо гостей маршем шли колонны военнослужащих. В строю шагал красноармеец, который узнал в ней свою сестру. Он безуспешно искал ее много лет и решил, что сестры нет в живых. Солдат очень хотел покинуть строй, но не стал нарушать порядка. Они встретились только вечером. «Эта встреча была лучшим моментом этого дня», – вспоминал потом редко бывающий сентиментальным военный инженер.

Впервые сообщение о памятнике в австрийских СМИ появилось 10 августа 1945 года и было проиллюстрировано не фотографией, а рисунком ©Иллюстрация из газеты Oesterreichische Stimme/коллекция ИЦ «Память»

19 августа 1945 года. Открытие памятника ©Газета Neues Oesterreich/коллекция ИЦ «Память»

МИФЫ И БЫЛИ

«Ты пойдешь к Алеше?» – этот вопрос часто звучит в русскоязычном сообществе Австрии в преддверии Дня Победы. Так, по аналогии с памятником в болгарском Пловдиве, прообразом которого был рядовой сводной роты 3-го Украинского фронта Алексей Иванович Скурлатов, часто называют и венский монумент.

Для венского памятника скульптору позировал красноармеец Петр. Имя модели упоминается в интервью Милы Интизарьян австрийскому журналисту и переводчику Эриху Клайн. Вдова скульптора рассказала, что на обратной стороне одной маленькой фотокарточки с изображением человека, позировавшего для памятника, было написано «Август 1945. Петя из Сибири». Но в доступных на сегодня документах ни имя, ни фамилия модели не называется. Венцы часто говорят, что мемориал строили исключительно австрийские военнопленные. На самом деле в работах принимали участие и венгерские военнопленные. За обеспечение их охраны во время строительства памятника медалью «За боевые заслуги» был награжден рядовой Александр Гринько. Кстати, документы о награждении развенчивают еще один миф – о том, что награды за строительство памятника якобы получило лишь высокое начальство 4-й гвардейской армии. Как минимум 11 человек, в том числе шоферы, охранники, хозработники, обеспечивавшие питание строителей и доставку материалов, были награждены за участие в строительстве советского мемориала медалями «За боевые заслуги», орденами «Отечественной войны» первой и второй степени и Красной Звезды. Среди награжденных и скульптор Микаэл Интизарьян. Еще одна награда за строительство памятника была присуждена ему в 1987 году – он был удостоен звания «заслуженный художник РСФСР».

Часто участники празднования Дня Победы, который каждый год проходит у памятника, шепчутся о том, что у колоннады находится кладбище, где похоронены 52 красноармейца, имена которых указаны на памятнике. А заодно поговаривают, будто именно эти 52 человека освободили Вену, а значит, боев здесь вовсе не было. Но это всего лишь городские легенды. По подсчетам историков, в боях за город погибло около 18 тысяч солдат и офицеров. Но на памятник действительно нанесены имена погибших, и даже существует послевоенный документ 1948 года с указанными на цоколе именами, который озаглавлен «Кладбище на Шварценбергплац». Эта формулировка ошибочна. На двух гранях памятника под надписью «Погибли при освобождении Вены» выгравированы имена 52 офицеров и рядовых – участников Венской наступательной операции, уроженцев России, Украины, Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана. Многие из них действительно погибли при освобождении города. Двадцать похоронены в Вене, остальные – в других населенных пунктах Австрии, а также в Венгрии и Словакии. В списке – имена четырех Героев Советского Союза.

Но советское кладбище в архитектурном ансамбле монумента все-таки было. Через дорогу от мемориала располагалась самоходная артиллерийская установка СУ-100, экипаж которой погиб в боях за Вену и был похоронен на Центральном кладбище города. А рядом с ней находились могилы трех воинов, первоначально захороненных в других местах Вены. В октябре 1956 года по согласованию с советскими властями самоходную установку отправили в Музей военной истории Вены в Арсенале, а останки красноармейцев перенесли на Центральное кладбище.

Еще один миф связан с объемным гербом СССР, который

Высота солдата составляет 12 метров
©Юлия Эггер

красноармеец придерживает левой рукой. Внимательные туристы, разглядывающие герб, насчитывают на нем 16 лент и считают, что это ошибка скульптора. Ведь их должно быть 15 – по количеству союзных республик. Но на август 1945 года в состав Советского Союза входила и Карело-Финская ССР, а значит, республик было 16.

Изображение Сталина, выполненное на холсте, было короткое время размещено между двумя колоннами мемориала
©Коллекция ИЦ «Память»

Некоторые экскурсоводы рассказывают о том, что предпринималась попытка снести памятник советскому солдату, который на момент распада СССР стал восприниматься как символ сталинизма. Разговоры об этом действительно были. 11 февраля 1992 года австрийская газета «Стандарт» опубликовала результаты опроса Института Гэллапа: 71 процент венцев знают этот памятник, 59 процентов высказались за его сохранение.

Еще один миф связан с именем Сталина. Площадь Шварценберга почти через год после открытия монумента, 11 апреля 1946 года, была переименована в площадь Сталина. И якобы на памятник над приказом к переименованию площади был нанесен его профиль. Портрет генералиссимуса действительно на короткое время появился на мемориале. Картина, выполненная на холсте, была размещена между двумя колоннами мемориала: Сталин был изображен в полный рост. Прежнее название площади вернули 18 августа 1956 года.

Нередко обсуждают и фонтан перед памятником. Одни считают, что советские войска построили его для красоты, другие – что фонтан перед памятником был сооружен австрийцами для того, чтобы его струи, бьющие почти на высоту монумента, скрыли за собой скульптуру красноармейца. На самом деле фонтан был сооружен в 1873 году как символ современного водоснабжения города. Но «русский след» в нем все-таки есть: советские военные власти во время строительства монумента отремонтировали любимый венцами фонтан «Высокая струя», ставший задолго до начала войны мотивом множества открыток. Его включили в день открытия памятника. И это стало сюрпризом для венцев. А в День Октябрьской революции, 7 ноября 1945 года, несмотря на осень, струи фонтана заиграли разными красками.

Марка с изображением памятника вышла в России в 2005 году ©Коллекция ИЦ «Память»

ФИЛАТЕЛИЯ, ФИЛОКАРТИЯ И НУМИЗМАТИКА

На марках, открытках и конвертах венский памятник появлялся как минимум 15 раз.

В первые месяцы после войны в Австрии по-прежнему были в ходу марки и конверты времен аншлюса, правда, с закрашенным портретом фюрера. Потом в каждой из союзнических зон появились свои марки. А 24 ноября 1945 года напечатали первые знаки оплаты почтовых сборов, действительные для всех зон, серии «Пейзажные рисунки» по эскизам Альфреда фон Хмеловски. Этот австрийский художник и график стал автором первого изображения советского памятника на почтовой продукции. 9 апреля 1946 года – к первой годовщине взятия Вены – была погашена очередная марка Пейзажной серии. На ней рисунок Хмеловски – парк и венская ратуша, а мотивом для почтового блока и штемпеля стали колоннада и силуэт памятника советскому солдату.

Автором первой почтовой карточки с изображением памятника советским воинам, погибшим при освобождении Австрии от фашизма, тоже стал австриец. Социалист Франц Грисслер был одним из ведущих австрийских плакатных

художников-графиков и руководил крупнейшей венской фирмой, которая занималась изготовлением и размещением рекламных плакатов. После аншлюса художник, как многие австрийцы, стал членом НСДАП. Однако в Австрии после войны рядовые члены нацистской партии, в отличие от ее активных функционеров, освобождались от преследования. Грисслер оказался в их числе и продолжил заниматься графикой.

В победный год в Вене вышел открыточный блок «Разрушенная Вена» с рисунками Грисслера и его авторской подписью.

Австрийская почтовая открытка. Мемориальный комплекс на Шварценберг-плац. Не ранее 1975 года ©Коллекция ИЦ «Память»

Австрийский художник и график Альфред фон Хмеловски стал автором первого изображения советского памятника на почтовой продукции ©Коллекция ИЦ «Память»

Одна из 14 открыток серии – карандашный рисунок с изображением венского советского памятника на фоне частично разрушенного здания дворца Шварценбергов.

Через год ту же серию немного подкорректировали: добавились новые мотивы, с изображением восстановленных Красной армией мостов и зданий, и подписи на немецком и русском языках на лицевой стороне открытки. Карточку с памятником Грисслер отрисовал заново. На ней изменился задний план – дворец без следов разрушений, на площади у фонтана появилось больше людей.

Но уже в конце 1946 года жизнь художника кардинально изменилась. Как унтер-офицер немецкого вермахта, он должен был предстать перед судом в качестве обвиняемого в расстреле советских военнопленных. Грисслеру удалось тайно покинуть Австрию. Спустя много лет его ученики упоминали Грисслера в мемуарах, в США вышло несколько журнальных статей, посвященных его работам. Известно, что последние двадцать лет своей жизни он провел в основном на Гавайях. Изображение памятника советским воинам, погибшим при освобождении Австрии от фашизма, есть и на монете. В 2016 году в серии «Города – столицы освобожденные советскими войсками от немецко-фашистских захватчиков» Центробанк России выпустил монету номиналом 5 рублей с рельефным изображением здания венской ратуши и советского мемориала.

КРИМИНАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ

Советский мемориал впервые появился в криминальной хронике Вены летом 1947 года. Два 19-летних венца – Карл Кочанда и Отмар Шваб – с 1946 года планировали взорвать памятник, после того как войска стран-союзниц покинут Австрию. Когда это произойдет, в 1947-м не знали даже представители высшего армейского руководства четырех армий, находившихся на австрийской территории.

Кочанда подружился со Швабом еще во время войны. Оба были членами молодежной организации НСДАП «Гитлерюгенд». После войны Карл работал в казарме французской зоны стекольщиком и заодно потихоньку тащил домой со склада гранаты и взрывчатку. О планах взорвать памятник молодой человек рассказал на одной из вечеринок своей новой знакомой, 25-летней Гертруде Заутер. Для троих задуманное казалось настолько романтическим, что они обсуждали планы вслух и даже начали искать сообщников в одном из ночных клубов Вены. И таковые, как казалось молодым людям, нашлись.

Альфред и Рудольфине обсуждали вместе с ними план взрыва памятника, поддержали молодых людей в их стремлении стать членами запрещенной диверсионной группы «Вервольф» и даже намекнули на то, что те могут стать участниками восстания, результатом которого будет свержение австрийского правительства. «День мести настанет», – говорил Кочанда. Эти слова Рудольфине и передали полиции, тайным агентом которой она являлась. Девушка вместе с коллегой Альфредом наблюдала за посетителями клубов. В полиции слова Кочанды сначала восприняли как глупую молодежную болтовню, но агенты получили задание продолжать общение с тройкой «поджигателей». А когда Рудольфине увидела взрывоопасный склад дома у Кочанды, то дело приняло серьезный оборот: Карла, Отмара и Гертруду арестовали.

На левом и правом крыльях колоннады бойцы во время боя
©Юлия Эггер

Металлический куб с названием мемориала был установлен у памятника в 1980 году
©Юлия Эггер

На суде они отрицали свою вину. По мнению экспертов, собранный для подрыва монумента арсенал вряд ли мог бы его разрушить, но точно серьезно повредил бы памятник. Кочанда и Шваб получили реальные тюремные сроки – пять и три года строгого режима, а Гертруду отпустили в зале суда. Заметим, изначально обвинение настаивало на смертной казни. В апреле 1958 года, через десять лет после окончания первого процесса, памятник стал косвенным участником еще одного резонансного скандала, результатом которого могло быть введение в Австрии смертной казни за преступления на сексуальной почве. Дело в том, что в ночь на 14 апреля 1958 года у памятника было совершено убийство. 21-летняя Хелена Илона Фабер, студентка, манекен-

щица, дочь высокопоставленного чиновника, возвращалась ночью из кинотеатра «Шварценберг». Тело девушки обнаружил караульный на территории мемориала. Жертву изнасиловали и задушили. Подозреваемый, 30-летний безработный, уже известный полицейским по мелким правонарушениям, был задержан через трое суток. Дело было резонансным, о нем несколько недель писали все австрийские газеты. На фоне шумихи в прессе тогдашний министр торговли Фриц Бок даже потребовал введения смертной казни за преступления, совершенные на сексуальной почве. На суде было представлено несколько вещественных доказательств, четверо присяжных заседателей назвали подозреваемого виновным, еще четверо его вину не признали, посчитав, что улики явно недостаточны. И дело было закрыто.

Через несколько десятилетий появилась новая косвенная свидетельница убийства, называвшая преступником другого человека – своего бывшего мужа, с которым она развелась через два года после происшествия. Женщина заявила, что бывший супруг признался ей в убийстве сразу после совершения преступления. Криминальная полиция снова под-

На двух гранях памятника под надписью «Погибли при освобождении Вены» выгравированы имена 52 офицеров и рядовых – участников Венской наступательной операции, уроженцев России, Украины, Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана ©Юлия Эггер

няла документы, подключила детективов, но новых фактов и улик найдено не было. Поэтому мнение криминалистов не изменилось: ранее оправданного подозреваемого они по-прежнему считали вероятным виновником, хотя, по сути, убийство осталось нераскрытым.

И, наконец, еще один эпизод из криминальной хроники. В августе 1962 года на пьедестале монумента с задней стороны на высоте 4–5 метров была найдена спортивная сумка с взрывным устройством. Целью подрыва был советский мемориал. Через год еще несколько мест в Австрии было заминировано по похожей схеме и с помощью подобных взрывных устройств. Одно из них взорвалось при разминировании, погибли люди. Все улики указывали на связь организаторов терактов с итальянской лево-радикальной группировкой и обострение ситуации вокруг

проблемы автономии Южного Тироля. Это дало основание считать все эти случаи звеньями одной цепи. Несколько подозреваемых были задержаны спустя шесть лет после покушения на советский памятник. Суд проходил в Вероне. Самый большой срок – 9 лет и 4 месяца – получил главарь банды.

В последние годы памятник часто попадал в криминальные хроники как объект вандализма. Расходы по его восстановлению всегда несла австрийская сторона, поскольку по государственному договору именно Австрия обязана охранять памятники и захоронения стран-союзниц антигитлеровской коалиции. Осквернение памятника всегда было неприятной темой как для российской, так и для австрийской стороны. Народная инициатива русскоязычных жителей Австрии об обработке памятника антивандальным составом поддержки не получила. За счет

австрийского бюджета памятник отмывали снова и снова.

Поскольку после распада СССР именно Российская Федерация стала правопреемником Советского Союза в отношении советских военных мемориалов в Европе, российские дипломаты приложили немало усилий для того, чтобы убедить австрийские власти внести поправки в закон о полиции безопасности, позволяющие вести видеонаблюдение на площади у монумента. Камеры были установлены в апреле прошлого года. Они работают постоянно. И не зря. 8 мая нынешнего года памятник осквернили. В прессе появились фотографии вандала, но задержать его пока не удалось. А 9 мая, несмотря на карантин и запрет массовых мероприятий в Австрии, ковер из цветов снова покрыл все основание венского памятника советским воинам, погибшим при освобождении Австрии от фашизма. 🇷🇺

ДАР ЧУВСТВОВАТЬ ВРЕМЯ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

МНОГО ЛЕТ НАЗАД В СОЮЗЕ ХУДОЖНИКОВ ПЕТЕРБУРГА МЕНЯ, ТОГДА НАЧИНАЮЩУЮ ЖУРНАЛИСТКУ, ПОПРОСИЛИ ВЗЯТЬ ИНТЕРВЬЮ У СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА СПИЦЫНА. ЕГО НАЗЫВАЛИ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ТАЛАНТЛИВЫХ ЖИВОПИСЦЕВ, ГРАФИКОВ И КНИЖНЫХ ИЛЛЮСТРАТОРОВ.

ОН БЛЕСТЯЩЕ ОКОНЧИЛ Академию художеств, но отказался от карьеры живописца-реалиста, став учеником опального, отсидевшего в ГУЛАГе Владимира Стерлигова. Стерлигов учился у Малевича, а его супруга Татьяна Глебова – у Филонова. В их доме в Петергофе

собирался узкий круг художников, в числе которых был и Сергей Спицын. Вместе со Стерлиговым он создал чуть позже «Старопетергофскую школу», ее участники не выставляли работ официально, ограничивались «квартирниками». На фронт Спицын пошел добровольцем, сражался на Невском

пятачке. Даже те, кто не особенно интересуется историей Великой Отечественной, слышали о страшных боях на Невском пяточке осенью 1941-го. Потом Сергей Спицын стал связистом. Дошел до Праги.

И вот я приехала к Сергею Николаевичу в Старый Петергоф под Петербургом, где он жил с супругой Раисой Яковлевной, огромной собакой Агатом и дымчатым котом. Позже я бывала в гостях у этой семьи неоднократно, вплоть до смерти художника в 2014 году. Я записывала воспоминания Сергея Николаевича о войне. Часто приходилось их прерывать. Солдат Великой войны, рассказывая о погибших друзьях, слишком волновался, не мог продолжать. Пришло время поделиться его воспоминаниями.

Сергей Николаевич Спицын очень редко надевал боевые награды. Он сам говорил: «Вот весь мой приклад, а самая дорогая медаль – «За оборону Ленинграда»

ДОБРОВОЛЕЦ ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО БАТАЛЬОНА

«Я оканчивал десятый класс вечерней школы, а утром учился в художественном училище на Мойке. Когда сдавал экзамены, бомбежек еще не было, но периодически объявлялась воздушная тревога. В конце июня все экзамены сдал, а уже через две недели я был в истребительном батальоне по месту жительства. Это такая полувоенная организация была, состояла в основном из учеников старших классов, преподавателей, работников почты, железнодорожников, по той или иной причине не попавших в армию. У нас не было формы, мы носили гимнастерки и синие штаны. Зато были винтовки. Задача была такая: охранять объекты, регулировать движение, рыть дзоты. А если противник выбросил бы неожиданный десант, мы должны были его задержать. Подобного ни разу не случилось. И хорошо. Мы ведь были практически не обученные: по два раза метнули гранату, один раз в тире были. Я тогда впервые стрелял из боевой винтовки. Как можно было усидеть дома? Мои друзья работали на Кировском заводе и сразу записались в Кировскую дивизию. Нельзя было оставаться в стороне, да и девчонки бы засмеяли. Я – сын репрессированного по политической статье отца, погибшего на Соловках. И тем не менее в первые дни войны у меня не было сомнения в правильности того, что я пошел добровольцем. Это завещано с детства. Прежде всего – Родина, честь. Так отец мне внушал. Никакого злорадства по поводу режима не было, все это отступило на задний план.

Сначала мы были в Лигове, рядом с нашими домами. 4 августа нас перевели в Красное Село, ночевали мы под колокольной Троицкого собора. Фронт подошел к Красному Селу, 10 сентября немцы взяли Дудергоф, на следующий день Красное Село. 12 сентября наш истребительный батальон

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Еще во время войны Спицын думал о том, что, если суждено будет выжить и стать художником, он будет рисовать войну. Офорт «Отступление»

отступал из горящего Красного Села, шли к Лигову. Вечер, красное зарево в полнеба. Нас обстреляли «мессершмиты», мы рассыпались, шли по полю, по картошке. Потом снова вышли на дорогу. И тут нас остановила машина, ехавшая за нами из Красного Села. Это был длинный открытый «линкольн», в котором могли сидеть шесть-восемь человек. Из машины вышел молодой офицер и спросил, кто мы. Командир нашего отделения сказал: «Мы – истребительный батальон Красносельского района, днем начальство нас бросило, уехало в город. Я командир взвода (он был сержант, участник Финской войны, у него медаль «За отвагу» была). Я принял на себя добровольное командование, вот веду ребят в Лигово!»

Пока он это объяснял, меня приятель толкает – посмотри. Я взглянул и обомлел. В «линкольне» на втором сиденье в сером плаще, подняв воротник, сидел Климент Ворошилов. Когда мы были в Красном Селе, то там говорили, что приедет Ворошилов. С ним должен был быть и Жуков. В тот день Ворошилов сдавал командование фронта Жукову, но Жуков тогда был нам незнаком, мы запомнили Ворошилова.

Отступали мы по шоссе к Ленинграду. Лигово чуть в стороне, а мы же сами из Лигова. И мы с другом Валькой решили зайти домой. Мой дом был на замке, я заглянул в свою комнату – там на столе лежали бумаги. Я решил, что, может быть, это записка мне. Разбил прикладом окно, посмотрел, оказалось, ничего не написано. В это время раздалась автоматная очередь. Я выскочил и вижу: мимо наших ворот пробежал немецкий автоматчик. Я побежал к дому моего приятеля... Грустная история, это был мой лучший друг, мы вместе учились в художественной школе и записались в истребительный батальон... Когда я прибежал, то увидел, что семья друга прячется в узком окопе. Мой друг вышел, на нем висят мать и сестренка. Он покраснел и говорит мне: «Сергей, ты иди, я с ними прощаюсь и догоню!» Я ответил: «Прощай, Валя!» Я понял, что он никуда не пойдет. И пошел. Правда, иногда оглядывался: а вдруг

В 1950-х годах работы Сергея Спицына о войне всякий раз руководство Ленинградского отделения Союза художников встречало критически

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

он все-таки догонит? И когда я в очередной раз обернулся, то увидел, что какой-то человек выбежал на дорогу и дал по мне очередь из автомата. Это был немец. Я прыгнул в канаву. Ничего героического. Лигово было пустое, все шли по Красносельскому – теперь это Таллинское – шоссе. Я дошел до спуска и увидел страшную картину. Из Стрельны шел, звеня, последний, простреленный пулеметами трамвай. Он шел без остановки, внутри кричали люди... Немцы вышли на Петергофское шоссе в районе Володарской. Они брали Лигово в кольцо.

Я пришел в Ленинград, там формировался 9-й полк 20-й стрелковой дивизии народного ополчения. Месяц я там на Ржевке обучался».

НЕВСКИЙ ПЯТАЧОК

«4 ноября 1941 года ночью нас переправили на левый берег Невы. Что такое Пятачок? 500 метров в глубину и 2 километра в ширину. Он весь простреливался. Была дана команда окопаться, я начал рыть, наткнулся на тряпку какую-то, а это – шинель, человек лежит. Я стал в другом месте рыть – там каска, тоже человек лежит. Больше я не копал. Я не мог окопаться. Весь берег был в погибших. Сейчас уже официально говорится, что на Невском пятачке на один квадратный метр площади приходилось 17 смертей. Я остался под каким-то деревом, там и переночевал. А утром нас собрали и зачитали приказ: «В Ленинграде осталось продовольств на две недели. Полная блокада, город погибает. Вперед, на передовую!» Атака наша была неудачная, иной она и не могла быть. Небольшая артподготовка, потом бомбежка. Все это длилось минут пятнадцать, наши пушки замолчали. Рассеялся дым, встал командир, вынул наган из кобуры: «За Родину, за Сталина!» И мы побежали... Мне было 18 лет, но я все понимал. Что так атаки не делают. Немцы как начали частить... И мины, и пули. 150 метров мы пробежали, и нас

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Спицын пошел на фронт добровольцем со школьной скамьи. Он рассказывал: «Спирт нам выдавали, но мы с другом Валькой не пили, брали сахаром!»

прижали к земле. Смотрю – рядом со мной никто почти не бежит. Я залег за чей-то труп. В нашей атакующей части никого почти не осталось. Я слышал, что потом за эту атаку командиры поплатились. Шутка ли, таким батальоном прорваться на встречу с Ленинградским фронтом? Мы там все-таки окопались и сидели. На второй день не осталось воды, я на ремень нацепил несколько фляжек и пополз к берегу. Вдруг окрик: «Красноармеец, сколько тебе лет?» Смотрю – стоит на берегу в нижней рубашке мужчина с куском мыла в руке. Подполковник. Это я понял, потому что рядом лежала его гимнастерка. Он дал мне мыло, я снял гимнастерку и стал умываться. И по тому, какая с меня вода потекла в реку, я понял, как я выглядел. Мы ведь в землянке использовали для освещения телефонные провода: поджигали их, и такой вонючий язычок пламени по ним полз. Я вымылся, а он говорит: «Теперь вижу, что тебе 18». Самое главное, что он мне сказал и что я на всю жизнь это запомнил: «Не смей опускаться, всегда помни, что ты русский солдат!» Не говорили в ту пору так. За слово «солдат» можно было наказание получить. Говорили: боец, красноар-

меец. И по тому, что он назвал меня русским солдатом, и по тому, что лет ему было около 60, я понял, что он был офицером еще в царской армии.

На Невском пятачке я пробыл четыре дня, там я встретил преподавателя строительного института, он был командиром саперного взвода. Он взял меня к себе. Мы строили блиндажи и перевозили наших бойцов на Пятачок. Туда шло 80 бойцов, обратно – один-два раненых. В середине ноября все труднее было на левый берег Невы перевозить людей и боеприпасы. Я спустился однажды в окоп, вырытый в полный рост. И тут рядом разорвался снаряд, я был ранен и контужен».

ПОБЕДА

Раненых допризывников отпускали домой, так Сергей Спицын оказался в Ленинграде. В блокадном городе Спицын встретил свою учительницу рисования. Она посоветовала ему поступить в школу при Академии художеств, там был интернат и хоть как-то кормили. Это невероятно, но знаменитая Средняя художественная школа еще действовала, в интернате рядом с главным зданием жили ученики и преподаватели. Спицын туда поступил, нарисовав композицию на военную тему. А в марте 1942 года школу эвакуировали по Дороге жизни в Самарканд. Сергей был настолько слаб, что товарищи буквально втащили его в грузовик. А в августе 1942-го в Самарканде его призвали в армию. Летом 1943-го он был уже на фронте – в 27-й гвардейской минометной бригаде, в составе которой и встретил Победу. Командиром отделения радиосвязи дивизиона он дошел до Праги. «Насчет героизма... Трудно сказать, кто был больше герой. Человек, который шел в атаку, или сапер, который строит переправу под непрерывной бомбежкой и обстрелом. Все – герои... Это было на стыке трех границ – Польши, Германии, Чехословакии, город назывался «Морав-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ская Острова», на его окраине был небольшой пригород Троппау. Я был уже в гвардейской минометной части, и тут меня послали на дорогу регулировать движение машин, которые ушли за снарядами. Слышу – со стороны фронта – а это примерно в 2 километрах – стрельба идет трассирующими пулями вверх. Не бой. А потом отсюда машина идет, и ребята кричат: «Победа!» Но это было не все. На некоторых участках фронта мы воевали до 14 мая. Командующий немецкими войсками генерал-фельдмаршал Шернер нам не сдавался, он пошел сдаваться американцам. Он отступал, огрызаясь, мы его преследовали. Был большой рейд в 200 километров на Прагу. И на этой дороге мы сталкивались несколько раз с отставшими немцами. А поскольку мы получили уже газеты из Москвы с фотографиями на Красной площади, где качают на руках наших солдат, настроение было оптимистичное и не очень осмотнительное. И 11 мая мы направились на немецкую часть с самоходкой и артиллерией, у нас были большие потери. Было очень грустно, что ребята погибают после Победы. Мы остановились в 16 километрах от Праги, в городке Печки. Нас там очень хорошо встретили, девушки были в национальных нарядах, очень вкусно нас угощали. А потом мы пошли домой – 3 тысячи километров до дома».

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

«Мама меня проводила до казармы. И до января 1945 года я ничего о ней не знал. И я считал, что я один, у меня ведь братьев и сестер нет. Отца уже давно не было. И я прикидывал, что я – вольная птица, где угодно могу жить, куда угодно ехать. Весной 1945 года в Польше, в одном маленьком городе, после дежурства на телефоне я сплю. Меня будят: «Сергей, тебе письмо!» Скажу по секрету: солдаты много писали, если была возможность. У меня было много адресатов. Я не взволновался, а меня тормозили. Я приоткрыл глаза, посмотрел на письмо и сразу вскочил. Я узнал почерк матери. В письме мама писала о том, что с ней произошло. Она осталась в оккупации, была учительницей два года в

Офорт «Затишье». Мрачный зимний пейзаж, вдали угадывается Ленинград. Спицын изображал только то, что пережил сам

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Суровая правда войны – такие работы даже в хрущевское время с трудом проходили на выставки. Полагалось изображать победы Красной армии, румяных и сильных, а вовсе не изможденных солдат

Волховском районе. Перед наступлением Красной армии их немцы забрали и вывезли в Нарву, потом в Таллин, пароходом на Ханко, оттуда в Финляндию. И затем на север Норвегии – в Киркенес. Для чего им нужны были люди? Обслуживать аэродромы, чистить снег, выравнивать взлетную полосу. Многих угнали с детьми. А мама была пожилая, работник из нее никакой, и вот она сидела с этими детьми разновозрастными. И была она там до января 1945-го, пока не взяли Киркенес. Они там чуть не погибли: немцы хотели их сжечь, уже заперли в ангар, но не успели. Вернувшись, она сразу обратилась в райцентр, в Наркомпрос. Там она заполняла какие-то документы, и тут выкрикнули ее фамилию: «Спицына!» К ней тут же подошел мужчина: «А вы не мать Сережи Спицына?» У нее потрясение было: «Что с ним?» – «Успокойтесь, жив». Она, конечно, в обморок упала. А мужчина этот был мой школьный учитель. Он по состоянию здоровья не был призван в армию, эвакуировался в Омск. В январе 1945-го вернулся. Тоже пошел в Наркомпрос. Ничего случайного в жизни не бывает... Я у мамы потом спрашивал: «Мама, а как ты про меня думала?» – «Сереженька, я молилась так: «Господи, если ты спасешь моего сына, если сын будет жив, спаси и меня. Если его нет – и меня не надо!» Проще говоря, это называется материнской молитвой...» В ЦАМО хранятся приказы о награждении Сергея Спицына: медали «За оборону Ленинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги». И описания подвигов героя: «13.01 1944 года в с. Лешковка при бомбежке с воздуха расположения дивизиона была порвана связь в нескольких местах, т. Спицын победил исправлять линию. В это время бомбардировщики сделали второй заход. Но он продолжал работу...» «21 января 1944 года т. Спицын будучи связистом, несмотря на сильный

арт-минометный обстрел...». «Начиная с 18.08 44 в дни наступления т. Спицын в любое время сразу же тащил связь и обеспечивал ее бесперебойную работу... не спал трое суток подряд, так как другой телефонист был болен». «...26 января 1945 года в месте ст. Любавна тов. Спицын по пояс в ледяной воде перешел реку и провел связь, сэкономив время вчетверо...». «25 апреля 1945 в районе села Свобода, под сильным арт-минометным огнем противника...». «В ночь на 30 апреля 1945 в районе г. Опава (Троппау) во время проверки оборванной линии был обстрелян двумя диверсантами, перерезавшими линию. Искусно маскируясь, он отвечает им огнем из автомата...».

«Я БЫЛ В ПЕХОТЕ»

«Я окончил Академию художеств в Ленинграде по графике, первой моей работой после окончания института была серия офортов «1941 год». Я когда-то давно дал себе обещание: окончу институт и займусь самым главным, что у меня было в жизни. А это война. Сделал я три офорта – «Отступление», «Бой» и «Затишье». Сидит солдат, устал. Он несет тело пулемета, оно тяжелое. А второй номер, у которого на шее станок пулемета, зовет его дальше. А герой задумался. Я изобразил то, что видел. Войска отступали непрерывной колонной. И в глазах моего героя-пулеметчика недоумение: «Что дальше? За пару месяцев мы прошли от границы почти до столицы...» Лист «Бой». Это как раз то самое место, где край Лигова и начинается Ульянка по Петергофской дороге. Там был основной бой. Окоп – воронка от снаряда. Все вокруг изрешетили пули. 3-й лист – «Затишье». Вдали виден город, Исаакиевский собор. На выставку эти работы прошли с большим трудом. Владимир Серов был председателем выставкома (Владимир Серов – художник-соцреалист, изображав-

Пастель, сделанная под влиянием древнерусской живописи в середине 1990-х. Только на пенсии художник смог рисовать так, как считал нужным. В это же время Спицын стал писать и иконы для храмов Петергофа, где он жил

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ший Ленина, длительное время возглавлял Ленинградское отделение Союза художников. – Прим. авт.) и очень протестовал: «Мрачно! Где Победа?!» Правду можно сказать, но ее нужно изображать художественно. Натурализма искусство не любит. Хотя искусство изображает боль и страдания, смерть, но это должно быть красиво. Как у Шопена – «Траурный марш». Мне был дан дар чувствовать время.

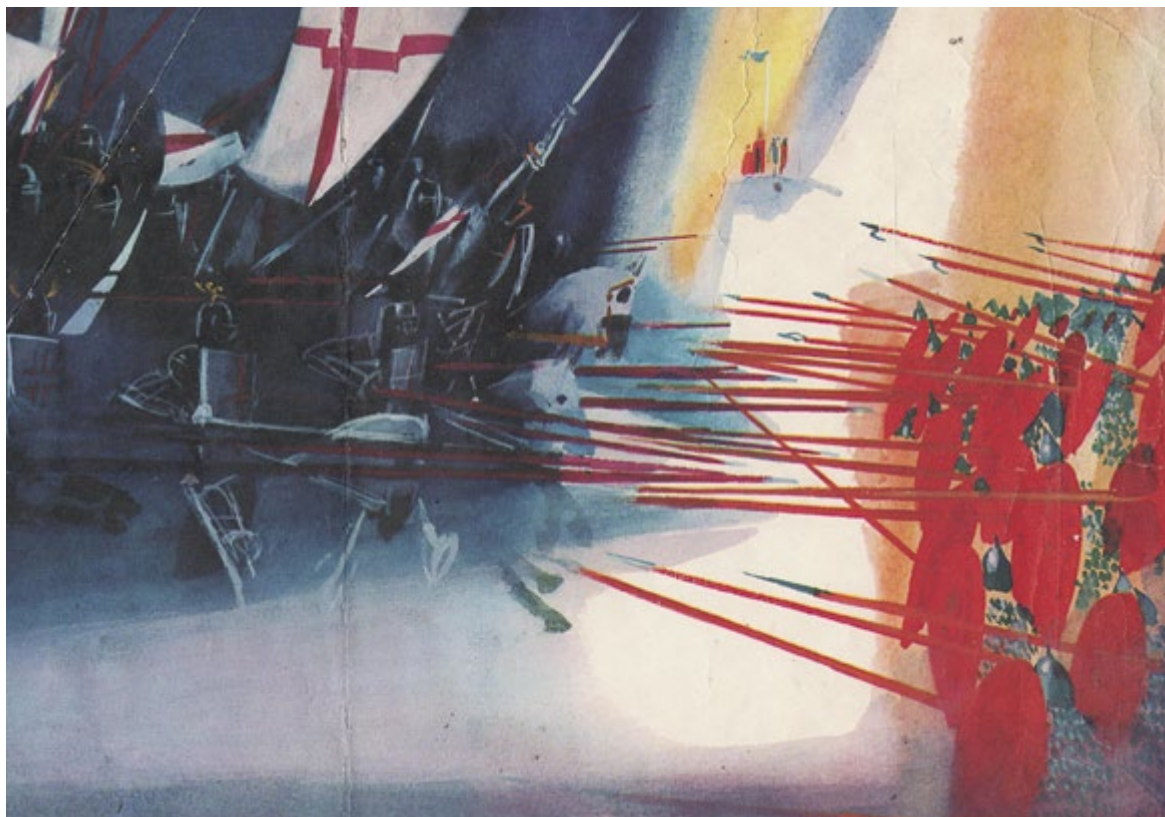
По работам художника обязательно должно чувствоваться время. В Академии художеств мы жили XIX веком и работали именно так, это были классические живопись и рисунок. Когда мы окончили институт в 1954 году, то как раз началось очень интересное время. Мы смотрели итальянское кино, это был неореализм, мы увидели мексиканскую графику. Это было что-то свежее. А мы были по-прежнему связаны академиз-

Сергей Спицын с дочерью Аленой, искусствоведом и журналистом, в своей мастерской в Петербурге

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Художник почти всю жизнь занимался иллюстрациями для детских книг. Акварель к книге об Александре Невском

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мом. Я вошел в круг художников «сурового стиля». Когда была выставка, посвященная 30-летию Союза художников, мои офорты отверг уже Евсей Моисеенко (живописец, народный художник СССР, фронтовик. – Прим. авт.). Это очень жаль, он такой замечательный художник, но он не хотел с обкомом ссориться. А я тогда уже познакомился с Вла-

димиром Стерлиговым и Татьяной Лябовой. И знакомство с ними помогло мне стать современным художником. В Академии художеств была эстетика XIX века, но ведь сколько всего в мире было за это время! С Владимиром Васильевичем мы за короткий срок «прошли опытным способом» импрессионизм, постимпрессионизм, сезаннизм, кубизм, супрематизм –

то, что тогда было в искусстве. А мы не знали путей, которыми шло искусство начиная с 1920-х, это все было закрыто. Открыл нам это Владимир Стерлигов, он единственный из художников XX века взял на себя эту миссию.

Все то, что я сделал в искусстве, – это после знакомства со Стерлиговым, когда я начал работать в его системе. Я зарабатывал на хлеб книжной графикой, иллюстрировал детские книги. Это было интересно и важно, но все же – это чужой текст, целых четыре редактора вносят замечания, все это мешает свободе. Я мало занимался тогда станковой графикой. Главные вещи сделал уже после выхода на пенсию. Мемуары я не писал. У меня судьба – типичная для своего времени...

Вот мой пример, как принято говорить. Медаль «За отвагу», «За боевые заслуги». Но из всех наград мне дороже всего вот эта «медяшка». «За оборону Ленинграда». На Ленинградском фронте я хватил шилом паточки. Я был в пехоте. И я был на Невском пятачке». ❊

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Спицын был любимым учеником опального Владимира Стерлигова, а тот, в свою очередь, учился у Казимира Малевича. Акварель. 1990-е годы

АНДРЕЙ БЕМАШКО

ПОМНИ МОЕ ЛИЦО

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ЕСЛИ, СПУСКАЯСЬ 9 МАЯ ПО ТВЕРСКОЙ В ПОТОКЕ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА, ОГЛЯНУТЬСЯ, ТО СРЕДИ БЕСКРАЙНЕГО ПОТОКА ФОТОГРАФИЙ ГЕРОЕВ, КОТОРЫЕ НЕСУТ ИХ ПОТОМКИ, БУДУТ МЕЛЬКАТЬ ПУСТЫЕ БЕЛЫЕ ШТЕНДЕРЫ. НА НИХ НАПИСАНО ЛИШЬ ИМЯ. ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО В СЕМЬЕ НЕ ОСТАЛОСЬ НИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ ПОГИБШЕГО.

Н О ЕСТЬ КОМАНДА, которая умеет поворачивать время вспять. Взрослый и 15 детей – коллектив архивно-исследовательского проекта «Алексей, Алешенька, сынок...» московской школы №185 им. В.С. Гризодубовой. Они находят в архивах кадры документальной кинохроники, фотографии солдат и записи голосов для передачи их потомкам. Неправильно героям быть безликими. Название проекту, говорит руководитель кружка и учитель истории школы №185 Константин Тимченко, дала известная песня. Поэт Андрей Дементьев

однажды услышал историю: через тридцать лет после Победы в далекое село привезли военную кинохронику. Люди собрались в клубе. Вместе с односельчанами пришла и мать погибшего на войне солдата. Киномеханик вставил в проектор ленту, на экране прямо на зрителей побежали в атаку советские солдаты. В одном из них мать узнала сына. «Алексей, Алешенька, сынок!..» – кричит ему мать, умоляя оглянуться. «Пожалуйста, добеги!» – заклиная односельчане. Там, на пленке, пуля мигает солдата. Мать просит снова повторить кадры, где ее сын бежит в атаку и остается жив...

На стихи Андрея Дементьева потом была написана песня «Баллада о матери». Она-то и зацепила молодого историка Костю Тимченко. «Мне кажется, возвращая неизвестную фотографию солдата в семью, мы выступаем в роли сельского киномеханика из песни. Близкие видят человека, которого давно нет. И чувствую, которые в момент этой встречи испытывают и они, и мы, трудно выразить словами», – признается Константин. Поисковики передают родным распечатанную и вставленную в рамку архивную фотографию. «Конечно, времена изменились, после окончания войны прошло не тридцать, как в песне, а уже 75 лет. Умерли не дождавшиеся сыновей солдатские матери, почти все умерли жены. Но еще живы дети погибших. Есть их внуки и правнуки – наше поколение. Несмотря на время, что разделяет нас, мы ничуть не меньше любим своих героев. Нам также важно увидеть их лица», – убежден Тимченко.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ОДИН ДЕНЬ

У Кости погибли на войне два прадедушки. Тот, что по линии отца, Алексей Панфилович Лаврентьев, два раза был в плену, дважды бежал, был убит 23 апреля 1945 года. Другой, по линии мамы, лейтенант Василий Сергеевич Филимонов, командовал ротой в 242-й стрелковой дивизии, не пережил август 1941-го. Обнаруженное в семейном архиве письмо рассказывало: под Смоленском Василий Филимонов повел свою роту в атаку. Его тяжело ранило, то-

варищи отнесли лейтенанта в рожь, но осколок разорвавшейся неподалеку мины убил его. «У меня были обрывки информации и большое поле работы», – подводит черту Константин. На пятнадцать лет он погрузился в исследовательскую работу. До сих пор помнит, что почувствовал, когда в Центральном архиве Министерства обороны впервые взял в руки послужную карточку своего прадеда, Василия Сергеевича Филимонова. Там была его маленькая, неизвестная семье фотография, под-

Константин Тимченко хотел восстановить жизненный путь своего прадеда, а создал музей славы целой дивизии, отдавая дань памяти 10 тысячам солдат

робная автобиография, повестка, по которой лейтенант запаса Филимонов в 1941 году ушел на фронт. В углу стояла прадедова роспись. «Будто прикоснулся к прадеду рукой. Прошлое и настоящее для меня сшилось», – признается Костя. После этого остановиться в поиске было невозможно.

По архивным документам ему удалось реконструировать последний день жизни своего прадеда. Он нашел карту поля, где погиб Василий Сергеевич. 11 августа к 13 часам батальоны 900-го полка 242-й дивизии по ротам расположились вдоль дороги напротив деревни Ерхово, в которой укрепились немцы. 6-я же рота лейтенанта Филимонова, недавно вернувшаяся со специального задания, отдыхала рядом со штабом полка. Ночью пришел приказ командира дивизии освободить 12 августа деревню Ерхово. Потом Костя нашел донесение командира 900-го полка. В 13 часов 12 августа тот пишет: батальоны перешли в атаку, остатки 6-й роты стоят в резерве. «Так я узнал, что в 13 часов 12 августа 1941 года мой прадедушка был еще жив», – сообщает Константин. А потом был использован и полковой резерв. Письмо от однополчан Филимонова, которое получит его жена, начнется фразой: «Ваш муж со своей ротой был послан в атаку, где и погиб». Каждый год поисков открывал Константину что-то новое в судьбе прадеда. Однако оперативные сводки, добытые в архивах, были слишком сухими. А Косте Тимченко было важно понять, что видел прадед, уходя в свой последний бой. И тогда в самом начале 2000-х он нашел поисковый отряд «Высота имени Дмитрия Сячина», работавший в местах боев 242-й стрелковой дивизии. Поехал с ними в Ярцевский район Смоленской области – искать без вести пропавшего прадеда. Отряд работал на том самом месте, где шел в наступление 900-й полк 242-й дивизии. Поисковики много раз «поднимали» его солдат. В отря-

ФОТО ИЗ АРХИВА

Прадедушка Василий Сергеевич Филимонов (1904–1941)

ФОТО ИЗ АРХИВА

Прадедушка Алексей Панфилович Лаврентьев (1914–1945)

ФОТО ИЗ АРХИВА

де все знали, что у Кости Тимченко есть прадед и он очень хочет его найти. Поэтому каждый раз, когда в лагере открывали найденный солдатский медальон или находили именные вещи, поисковики всегда проверяли, нет ли там сочетания «ФВС» или «ВСФ» – так мог бы подписать свои вещи Василий Сергеевич Филимонов.

«Конечно, – говорит Костя, – я в деталях знаю жизнь моих прадедов – и довоенную, и фронтовую. Знаю их характеры, человеческие слабости, привычки, друзей. И это делает их людьми, присутствие которых я ощущаю сейчас. По возрасту я пережил одного прадедушку, ему было 27 лет, и уже догнал второго, 37-летнего. И конечно, они мне очень помогают. Это как чувствовать почву под ногами. Не будь их, в важной части моей души зияла бы пустота. Я понимал, как не хватает этой опоры не знающим о судьбах погибших на войне близких. Тогда мы с ребятами решили им помочь».

Ребята – это его ученики, участники поискового кружка школы №185, где Константин Тимченко преподает историю. Вместе с ними он создал единственный в России музей 242-й дивизии. Той самой, где служил его прадед. В поисках новых свидетельств о войне, Костя приехал в Российский государственный архив кинофотодокументов. Он искал кинохронику, которая имела бы отношение к судьбе 242-й стрелковой дивизии. Но, лучше познакомившись с архивом, понял, какой бесценный клад он открыл. Архив хранит потряса-

Участники проекта «Алексей, Алешенька, сынок...» школы №185 Христофор Акритиди, Настя Симонова, Ваня Чернобровкин, Арина Щеголева и Лиза Шикина выполняют работу, достойную серьезных историков

Поиски начинаются с работы в архивной картотеке

ФОТО ИЗ АРХИВА

ющую коллекцию кадров кинохроники и фотографий Великой Отечественной войны.

Косте Тимченко действительно удалось найти несколько кадров, на которых были солдаты 242-й стрелковой дивизии. Он узнавал знакомые по поисковой работе места. «Я смотрел на эти снимки и думал: «Может быть, среди уходящих к горизонту солдат по проселочной дороге шагает и мой прадед», – описывает свои чувства Константин. Так пришло осознание: нет никаких безымянных солдат. Не заслужили они быть безымянными. В атаку шли с именем. Их близкие до сих пор продолжают ждать человека, имеющего свое имя. И – лицо.

И тогда он привел в архив собственный Первый отряд, своих учеников. И 12–17-летние подростки вытащили на своих плечах совсем недетское дело.

КТО ТЫ, СОЛДАТ?

Тематический каталог читального зала РГАКФД – длинные ряды ящиков, каждый из которых содержит несколько сотен фотографий. Фотографии разложены по темам: пехота, кавалерия, танки, артиллерия, минометы, летчики, пулеметчики, снайперы, партизаны. Фотографии каждой темы – тщательно, одну за другой – и просматривают ребята. Непременное условие того, чтобы материал взяли в работу, – на карточке должны стоять фамилия и имя солдата. Без них самый интересный сюжет станет бесполезным.

С каким бы носителем информации – фотографией, кинохроникой или записью голоса – ребята ни работали, они всегда указывают место и время съемки, ее автора, подробный сюжет. Они всегда очень пристально просматривают киноплёнку, прослушивают фон записи фронтового радио. Так ищутся дополнительные «улики», которые помогли бы потом идентифицировать солдата. Людей с распространенными фамилиями в базах данных тысячи. Нужно знать, какое у солдата было звание, чем он был награжден, летом или зимой с ним встречался журналист, к какому роду войск он принадлежит. После того как в архиве собрано достаточно мате-

ФОТО ИЗ АРХИВА

риала, приходит время ответа на вопрос – кем был этот солдат?

На этом этапе ребята начинают поиск по общедоступным базам. Если человек воевал всю войну, большая вероятность, что он отмечен хотя бы одной наградой, и тогда его найдут на сайте «Подвиг народа». Если был призван в начале войны, возрастает вероятность, что он сразу погиб и своих наград получить не успел. Тогда его ищут в базе безвозвратных потерь ОБД «Мемориал».

Установив личность солдата, ребята начинают искать его родственников. И тут на помощь приходит Интернет. Очень помогает сайт Бессмертного полка. А если найти солдата ни в одной из открытых баз не удастся, ребята пишут его однофамильцам в социальных сетях. Часто земляки солдата, носящие его фамилию, оказываются и его родственниками. Ну а если и соцсети не помогают, звонят в районные архивы, советы ветеранов, местные школы. Им даже в полиции помогают, отправляют участковых по окрестным деревням опрашивать жителей. «Никогда еще мы не встретили отказа в просьбе – ни на Дальнем Востоке, ни на Кавказе, ни на Крайнем Севере», – говорит Константин.

Сегодня на счету проекта «Алексей, Алешенька, сынок...» более 50 возвращенных домой солдат. Передать фотографию семье солдата Константин обычно доверяет новичкам. Это волнующий момент. На них направлены сотни взглядов, журналистские камеры, полные ожидания глаза родственников солдата – что они сейчас увидят на фотографии? «К мальчику или девочке подходят плачущие, часто уже очень пожилые люди. Обнимают их, говорят столько слов благодарности, сколько, возможно, те в своей жизни еще никогда не слышали. И тогда ребята начинают понимать, насколько на самом деле важна их работа», – делится учитель истории.

Кто они, солдаты, облики и голоса которых московские подростки вернули их родным?

Дочь старшего лейтенанта Сергея Кононовича Карина Любовь Сергеевна Генералова впервые увидела лицо отца через 78 лет после его последнего боя – на фотографии, в окружении односельчан-героев Бессмертного полка

ФОТО ИЗ АРХИВА

В Госархиве фонодокументов ученики школы №185 Костя Сергеев, Паша Чернов и Настя Андарова слушают записи фронтовых радиопередач, чтобы вернуть погибшим солдатам их голоса

ФОТО ИЗ АРХИВА

ТАНКИСТ СЕРГЕЙ КАРИН

На снимке в пустом сельском клубе – строгая немолодая женщина. У нее в руках портрет. Позади, на пустых рядах кресел, стоят другие портреты – собравшиеся на Бессмертный полк. Павшие солдаты Великой Отечественной встречали сослуживца, вернувшегося домой.

На портрете – Сергей Кононович Карин, держит фотографию его дочь Любовь Сергеевна Генералова. Костя и его ребята на этот раз нашли солдата по голосу. Помимо архива кино- и фотоматериалов в Москве есть и архив фонодокумен-

тов. Военные корреспонденты выезжали на фронт и брали для радио интервью у отличившихся в бою бойцов. Одним из них оказался старший лейтенант, командир экипажа тяжелого танка КВ Сергей Кононович Карин. На записи 1942 года он рассказывал журналисту, как прошел бой, в котором его экипаж уничтожил 40 фашистов. Через два месяца после этой записи Сергей Кононович погибнет. В 2019 году московские школьники обнаружат пленку в архиве. Для Сергея Карина начнется путь домой.

Личность танкиста ребята установили быстро. Свои первые награды он получил уже в начале войны. В те годы медали вручали редко, значит, Сергей Карин был заслуженным командиром. По базе данных «Подвиг народа» юные историки нашли в селе Суна Зуевского района Кировской области родную дочь лейтенанта. Связались с ней, договорились о встрече, но ничего не сказали про свою находку. Любовь Сергеевна призналась, что никогда не видела папу. Родилась в 1939 году, а отец, кадровый военный, ушел в армию. Когда он погиб, мама довольно быстро вышла замуж за другого мужчину. В семье не было фотографии отца, дочь даже не знала, когда

у него день рождения. Ушел на войну, погиб – и все. «И так это все грустно выглядело, что мы уже не могли просто приехать, передать запись и этим ограничиться», – признается Константин.

Так что после РГАКФД ребята поехали еще и в Архив Министерства обороны. Там нашлась учетно-послужная карточка Сергея Кононовича. А на карточке – наверное, единственная сохранившаяся фотография Карина. Там же была его биография. Начиная с даты рождения и заканчивая рассказом о командных курсах, которые он прошел накануне войны. Всю историю жизни танкиста Карина поисковики уместили на двух листах. Для почти стертых из семейной памяти солдата – очень много.

А еще ребята попросили волгоградских поисковиков съездить к братской могиле, где похоронен Сергей Кононович. Те записали видео, обратившись у обелиска к дочери солдата. Запечатали в гильзу взятую с могилы горсть земли и отправили в Москву. А москвичи привезли ее под Киров. «В день нашей встречи мы устроили дочке солдата настоящее свидание с папой», – с гордостью рассказывает Константин. Сначала ей рассказали всю его жизнь. Потом она впервые в жизни увидела его, обнаружив удивительное сходство. Затем произошло невозможное: Любовь Сергеевна услышала глуховатый отцовский голос. И наконец, ей вручили гильзу с землей с отцовской могилы.

В день встречи Любовь Сергеевна почти все время молчала. Твердила только: «Ничего не помню. Мне было 2 года, когда он уходил». А на следующий день, когда ребята уже возвращались в Москву, им позвонила директор Сунского Дома культуры, где проходила встреча. Любовь Сергеевна спозаранку прибежала в ДК: «Я только дома осознала, что нашла отца!», и женщины проплакали весь день, вспоминая погибших односельчан.

ФОТО ИЗ АРХИВА

Поисковики нашли последнюю фотографию летчицы. Теперь они ищут точное место ее гибели

КОМАНДИР БОМБАРДИРОВЩИКА МАША ЛАПУНОВА

«Эта фотография мне очень дорога», – признается Костя. На снимке молодая девушка за штурвалом самолета оглядывается через плечо. Даже обозначившаяся на переносице легкая морщинка не портит ее суровой красоты. Может быть, Маша, летчица Мария Михайловна Лапунова, сердится, что военный корреспондент отвлекает ее перед боем? На карточке надпись: «Октябрь 1943 года». 22 октября 1943 года Мария Лапунова погибнет. «Фотографии, сделанные за несколько дней до смерти, отличаются особой пронзительностью», – считает Костя. – Будто на лице солдата записана его судьба». Машу он нашел в архиве, ящик «летчики». Он еще не знал, подписана ли эта фотография и смогут ли они взять ее в работу. Но мурашки по спине у него побежали сразу, признается Костя: «Это был прощальный взгляд». Они пересняли фотографию, прочитали о Марии Лапуновой все, что только можно было найти в Архиве Министерства обороны, и в одной из школ Велико-Новгорода последний снимок

Маши получила в руки ее родная племянница.

Но на этом история красивой девушки с фотографии не закончилась. Мария Лапунова была пилотом бомбардировщика «Петляков-2», «пешки», как в шутку называли эти самолеты. 22 октября 1943 года ведущая правого звена летчик Лапунова вылетела бомбить крупный железнодорожный узел Киреево, на границе России и Белоруссии. Заходя на цель, бомбардировщики попали под сильный заградительный огонь немецких зениток: боевые товарищи писали в рапортах, что в воздухе насчитывалось до 200 разрывов одновременно. Один из снарядов попал в самолет Марии. Сначала экипаж, развернув машину, пытался дотянуть через линию фронта до своих. Но бомбардировщик загорелся, резко пошел вниз, потом перешел в неуправляемое пики и врезался в землю. Летчики сопровождения, описавшие гибель Маши, точно указывали, между какими деревнями это произошло. Один из членов экипажа, пишет свидетель боя, выбросился с парашютом, но его отнесло к немецким позициям. И поскольку никто из летчиков в родную часть не вернулся, они все считаются погибшими 22 октября.

Но Константин Тимченко и его ученики намерены довести историю Маши Лапуновой до конца. Может быть, это она выпрыгнула с парашютом? Тогда какова ее судьба? Они собираются изучить документы немецких частей, которые стояли тогда в районе Киреева, проверить донесения октября 1943 года – брали ли немцы в плен парашютиста? Поскольку здесь проходила передовая, немецкая разведывательная авиация многократно фотографировала этот район. Поисковики заказали эти трофейные снимки в американском архиве – ребята надеются разглядеть на них воронку от самолета, чтобы потом организовать в этом месте раскопки. Пусть Маша вернется к живым не только фотографией, но и местом памяти.

ФОТО ИЗ АРХИВА

СНАЙПЕР КИРИЛЛ БАТУМ

Передо мной – кадр киноплёнки. На ней – эвенк, охотник и легендарный снайпер Кирилл Батум. Сюжет короткого кино постановочный. Сделали из травы манекен, будто на другом берегу ручья сидит немец. Кирилл Батум вычисляет врага и убивает его. У военкора было нелегкое задание: работу снайпера не покажешь вживую, пришлось идти на хитрость. Кирилл Батум уничтожил более 60 фашистов, получил медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. А через полгода после того, как была сделана эта съёмка, Кирилл погиб под украинским городом Изюмом. Родом Кирилл Батум был из Ваннинского района Хабаровского края. Константину Тимченко и его ребятам удалось найти школу, где учился известный снайпер, откуда он уходил на войну. Школа маленькая, чуть более 40 учеников, но местные ребята помнят Кирилла Батума. В школьном краеведческом музее есть уголок его памяти. Во время телемоста, который юные

историки устроили для передачи фотографии, их ваннинские сверстники читали военные письма Кирилла Батума своим односельчанам. Москвичи узнали, что легендарный снайпер, оказывается, однажды был в их родном городе. За отличную учебу его до войны наградили поездкой в столицу. Он прошел по ВДНХ, посмотрел столичные музеи. Но больше юного эвенка тогда поразили московские лифты – он писал, что был готов кататься в них целыми днями. Для фотографии Костя Тимченко и его ребята выбрали стоп-кадр, на котором Кирилл Батум вглядывается куда-то вдаль. Они соединили его с кадром из телемоста, где сестра и племянница солдата так же пристально вглядываются в экран. Получилось, будто близкие люди пытаются разглядеть друг друга сквозь разделившую их завесу в 72 долгих года. Сестра Кирилла Батума через три месяца после этой встречи умерла. Дождалась последнего известия от своего брата и ушла к нему.

На архивной плёнке легендарный снайпер докладывает о выполненном задании

РАЗВЕДЧИК АЛЕКСАНДР ЖУКОВ

Два следующих кадра, которые показывает мне Костя, открывают страшную повседневность войны. Похоже, оператор случайно оставил камеру включенной, иначе ничем не объяснить тот совсем непарадный сюжет, который он заснял. В кадре останавливается подбитая бронемашина, к ней подбегают солдаты и вытаскивают только что убитого старшину роты разведки Александра Жукова. У старшины в голове рана от осколка, из нее течет кровь. Солдаты бережно кладут Жукова на землю, снимают пилотки, в скорбном молчании склоняют головы, вытирают слезы.

Перед тем как передавать родным Александра Жукова плёнку, Костя Тимченко спросил у внучки Александра Николаевича, точно ли она готова увидеть страшные кадры, на которых дедушка погиб несколько минут назад. Она сказала: «Да, это очень тяжело, но такая плёнка должна быть в домашнем архиве, чтобы внуки и правнуки видели, какой дорогой ценой нашей семье и нашей стране далась Победа». Тогда ребята впервые нарушили традицию. Они попросили Людмилу Ивановну сфотографироваться не с найденной фотографией, а с той, где дед живой.

Внучка старшины Жукова Людмила Ивановна Звягина не смогла выбрать для фотографии последний снимок своего деда – слишком страшны были кадры кинохроники

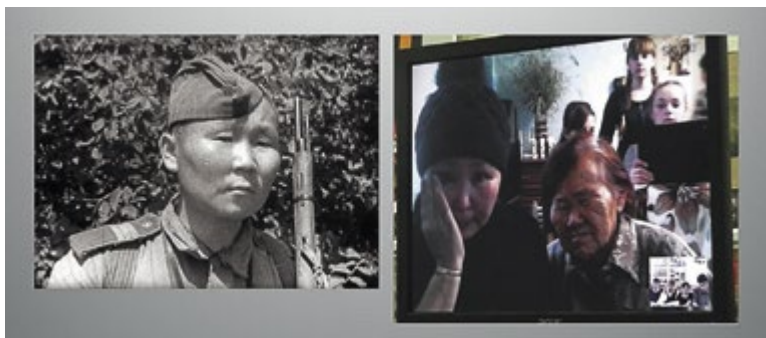

ФОТО ИЗ АРХИВА

ФОТО ИЗ АРХИВА

ФОТО ИЗ АРХИВА

САПЕР ХРУСТАЛЁВ

Истории, которые стоят за найденными в архиве фотографиями, порой складываются в почти литературные сюжеты. В руки ребят однажды попала серия из двух фотографий, которая была подписана: «Боец Хрусталёв в освобожденной деревне Пашниково встречает свою семью». На ней солдат в ушанке и шинели целует маленького мальчика, сидящего у него на руках. Понимая, момент какого человеческого счастья запечатлел фронтовой фотограф, Константин и его помощники решили выяснить – что же это за Хрусталёв и что за деревня Пашниково?

Они искали Хрусталёва среди мертвых – в ОБД «Мемориал». Не нашли. Искали среди награжденных на «Подвиге народа» – безрезультатно. Надпись на фотографии подсказывала: «Бельский район, Смоленская область». Тогда они напрямую написали в газету города Белого, «Бельскую правду». Ребята отослали фотографию, описали историю бойца Хрусталёва: «Ищем родственников солдата, помогите!» Москвичи ждали ответа несколько месяцев, им никто не ответил, и за чередой новых судеб история Хрусталёва начала понемногу стираться. А через полгода в школу №185

пришел конверт, в конверте – вырезка из газеты. «Бельская правда» за 1968 год. Оказывается, местные школьники, краеведы, историки не оставили историю бойца Хрусталёва без внимания. «Они вручную пролистали подшивки газеты за 47 лет, представляете? – с восхищением от гражданского поступка неизвестных ему людей говорит

Потомков бойца
искал весь город
Белый

Опоздай
партизаны на
один день, детей
и женщины на
этой фотографии
не было бы
в живых. Как
и их потомков

ФОТО ИЗ АРХИВА

Константин. – И нашли очень подробное описание встречи, запечатленной на фотографии». Оказалось, Василий Хрусталёв жил в городе Белом со своей женой и тремя детьми. Он ушел на фронт, а жена оказалась в оккупации. Василий знал, что семья в оккупации живет в каком-то селе в Бельском районе, но связь с близкими была потеряна. Когда воинская часть Хрусталёва гнала фашистов на запад, во всех деревнях, которые они освобождали, Василий искал свою семью, не зная, живы ли они. Однажды, когда они вошли в очередную освобожденную деревню, Хрусталёва кто-то окликнул: «Там в землянке женщина с тремя детьми. Не твоя ли?» Оказалось – его. Слушавшийся рядом военкор запечатлел эту встречу. Василию Хрусталёву дали 8 часов на свидание с семьей, и он ушел дальше на запад. Но история эта закончилась грустно. Жена не дождалась Василия. Даже после освобождения жизнь на бывших оккупированных территориях была очень тяжелой. Люди голодали, не было медикаментов, и жена Василия, заболев, умерла летом 1944 года. Василий вернулся домой и один вырастил детей, а в 1968 году журналисты «Бельской правды» написали о нем материал.

СЕМЬЯ ПАРТИЗАНА

Самую трагичную фотографию ребята обнаружили в архивном ящике с надписью «партизаны». В кадре исхудавшая женщина держит на руках изможденного ребенка. Трое донельзя оборванных детей постарше стоят с ней. Надпись на обороте: «Семья партизана деревни Лагеревки Орловской области А.Е. Тарасова, замученного немцами, на одном из московских вокзалов с сыном на руках, которому немцы выкололи правый глаз. Москва. 11.1942 г.». Не солдаты, но те, ради кого солдаты и партизаны шли в бой. Константин Тимченко и его ученики сумели воссоздать историю партизанской семьи. Отец

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ФОТО ИЗ АРХИВА

Ученик школы №2033 Дима Тимченко в Государственном архиве литературы и искусства

живших детей находка вызвала потрясение. Внуки партизана решили во что бы то ни стало узнать судьбу деда. Они забросали письмами Брянский областной архив и в итоге нашли документ, который сообщал, что Алексей Тарасов погиб в бою во время очередной облавы. Он был похоронен с почестями в братской могиле. А дети и внуки, ради которых он погиб, продолжают его линию жизни...

ЛИЦА ГЕРОЕВ

12 августа 2016 года, в 75-ю годовщину гибели прадедушки, Костя повез своих еще совсем маленьких тогда сыновей, 5 и 6 лет, на место последнего боя их прапрадедушки. До поля нужно было идти пешком 8 километров. Младший сын, Даня, весь путь просидел в рюкзаке, старший, Дима, – под дождем, искушенный комарами – шел рядом. «Ты устал?» – спросил отец. «Да, папа, устал. Но прапрадедушка на войне тоже уставал. И терпел. Вот и я терплю», – ответил сын, и лейтенант Филимонов чуть заметно улыбнулся ему из своего небесного далёка...

...Когда снова наступит День Победы и страна выйдет на свой Бессмертный полк, вместо 50 белых квадратов в его нескончаемом потоке точно будет 50 новых лиц, извлеченных из архивных бездн 15 по-взрослому достойными уважения подростками и их настоящим учителем истории. 🇷🇺

семейства, Алексей Тарасов, до войны был председателем колхоза «Лесной простор» деревни Лагеревки в Орловской области. Когда пришли фашисты, ушел в партизанский отряд. Предатель выдал карателям его семью. Немцы пришли к Тарасовым в дом и начали допытываться у хозяйки, где прячется ее муж. Женщина молчала. Тогда, чтобы развязать ей язык, каратели выкололи глаз ее годовалому ребенку. Немцы пообещали вернуться на следующий день. Партизаны в ту же ночь вывезли Тарасовых сначала в лес, а потом отправили самолетом через линию фронта. Так семья оказалась на одном из московских вокзалов (в столице жили дальние родственники), где и попала в объектив

фотографа. Маленький мальчик, сидящий на руках у мамы, так и не смог оправиться от ран войны: после ранения рос болезненным. Семью не завел и умер, не дожив до 40 лет. А две девочки с этой фотографии живы и сейчас. Получать фотографию в музей 185-й школы приезжал сын девочки, которая стоит справа. Он объяснил, что мама не хочет вспоминать войну. Она тогда была уже подростком и помнит многие страшные вещи. Ее дети и внуки знали, что их род едва избежал гибели, но о существовании фотографии не подозревали. У седого человека стояли на глазах слезы, когда ему вручили фотографию мамы и бабушки. Но история на этом не закончилась. В семьях вы-

ГЛАВНАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

БЕСЕДОВАЛА

МАРИЯ ЯКУБОВИЧ

ВСЕГО ЗА ПЕРВЫЕ ТРИ МЕСЯЦА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ БЫЛО
ЭВАКУИРОВАНО 1350 КРУПНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ.
ДО КОНЦА 1941 ГОДА В ТЫЛ БЫЛО ПЕРЕПРАВЛЕНО БОЛЕЕ
12 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК. И ЭТО ТОЛЬКО ЧАСТЬ ЦИФР,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЭВАКУАЦИЮ. ОБ ЭТОЙ ГРАНДИОЗНОЙ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ, БЕЗ КОТОРОЙ БЫЛА БЫ
НЕВОЗМОЖНА ПОБЕДА В КРОВОПРОЛИТНОЙ ВОЙНЕ,
РАССКАЗЫВАЕТ КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТ НИУ ВШЭ АРСЕНИЙ ЕРМОЛОВ.

— **С** ОВЕТ ПО ЭВАКУАЦИИ БЫЛ СОЗ-
дан Постановлением ЦК ВКП(б)
и Совнаркома через два дня
после нападения Германии на
Советский Союз. Существовали ли до начала вой-
ны разработки плана эвакуации в экстренном
режиме?

— Разработка таких планов началась после
Гражданской войны, когда положение Совет-
ского Союза уже упрочилось, но военная угро-
за оставалась. Эти планы исследованы в работе
Алексея Мелия «Мобилизационная подготовка
народного хозяйства СССР». В качестве потен-
циальной угрозы рассматривалась вероятность
нападения со стороны Польши, Румынии, Фин-
ляндии, стран Прибалтики. И военные возмож-

ности СССР в таком случае оценивались как
крайне недостаточные. Особо уязвимыми райо-
нами посчитали тогда Карельскую АССР, Запад-
ную область РСФСР, Белоруссию, Правобережье
Украины и Крымскую ССР. И первым норматив-
ным документом стало Положение Совета труда
и обороны СССР «О вывозе из угрожаемых не-
приятелем районов ценного имущества, учреж-
дений, предприятий и людского контингента»,
утвержденное 3 августа 1923 года. Но первый
эвакуационный план из этих районов, подго-
товленный Наркоматом путей сообщения, был
утвержден только 7 мая 1926 года. Ежегодно он
корректировался.

После захвата Германией Польши Генеральный
штаб РККА в середине мая 1941 года разослал

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

в Прибалтийский, Западный, Киевский и Одесский военные округа приказ разработать план эвакуации. Но на местах сделать это не успели. Совет по эвакуации был создан 24 июня «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей». Председателем стал нарком путей сообщения Лазарь Каганович: было понятно, что основная нагрузка ляжет на железные дороги. Однако уже 3 июля 1941 года его сменил первый секретарь Всесоюзного центрального совета профсоюзов Николай Шверник, а его заместителем стал Алексей Косыгин – заместитель председателя Совнаркома.

– Удалось ли сразу создать общий план эвакуации? Какие предприятия было решено эвакуировать в первую очередь?

– Нет, попытка Совета по эвакуации разработать общий план потерпела неудачу. Еще надеялись на то, что немецкое наступление захлебнется. Планировали в основном перемещать людей из прифронтовых районов в районы ближайшего тыла.

30 июня 1941 года был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО). Председателем ГКО стал Иосиф Сталин, его заместителем – нарком иностранных дел Вячеслав Молотов. И первые от-

дельные разработки эвакуационных вопросов мы видим уже в Постановлении ГКО №4 от 3 июля 1941 года «О программе выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения, плане эвакуации заводов Наркомвооружения и создании новых баз в Поволжье, на Урале и в Сибири». В список вошел и еще только строившийся завод №513 под названием «Калининшелк»: он должен был стать самым крупным предпри-

тием химических волокон в СССР. Его эвакуировали самым первым – в Свердловскую область.

Могу лишь предположить, что Постановление №4 появилось благодаря инициативе снизу, исходившей от главы Наркомата вооружения Дмитрия Устинова. Думаю, он первым из наркомов промышленности оценил уровень опасности, так как единствен-

ный среди коллег имел военное образование (Ленинградский военно-механический институт, ныне БГТУ «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. – Прим. авт.).

Однако необходимо заметить, что уже на второй день войны Сталин предоставил секретарю ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймону Пономаренко свободу действий в вопросе эвакуации. Сам Пономаренко пишет, что он позвонил Сталину 23 июня и получил разрешение начать вывоз государственных ценностей и архивов.

АЛЕКСАНДР БУРБЫЙ

В записке «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» от 8 августа 1941 года он докладывал, что к этому сроку удалось эвакуировать 83 предприятия и их работников.

5 июля 1941 года появилось Постановление ГКО «О создании заводов-дублеров по производству танковых дизелей и моторов и об эвакуации заводов танковых дизелей». В нем оказались дизельные цеха ленинградского Кировского и Харьковского тракторного заводов. Полагаю, нарком танковой промышленности Вячеслав Малышев посчитал, что дизельное производство трудней всего будет восстановить.

И наконец, 11 июля появляется всеобъемлющий план – Постановление ГКО №99сс «Об эвакуации промышленных предприятий». В документе содержался список из 97 предприятий. Из них только два московских и шесть украинских, остальные – ленинградские. Наркомат путей сообщения обязали выделить 40 940 вагонов, но оценка потребностей в транспорте оказалась сильно занижена.

Кроме того, образовалась еще одна проблема: Постановление №99сс, если можно так выразиться, было не «прямого действия». Иными словами, для эвакуации каждого предприятия или группы заводов требовалось отдельное распоряже-

ние. В итоге было упущено время. Сам план был отлично продуман, задачи понятны, документы предусматривали даже количество вагонов и домов для рабочих. Но обстановка так быстро менялась, что директивы запаздывали. Например, Постановления «О металлургических и коксохимических заводах Днепропетровской и Запорожской групп» и «Об эвакуации Днепропетровских алюминиевого, магниевого и электродного заводов» приняли 18 августа. А на следующий день начался обстрел этих заводов. Решение по предприятиям Донбасса было принято 9 октября, когда там уже шли бои.

ных планов по эвакуации и сложившуюся критическую ситуацию, предложил Совету «дать указания соответствующим наркоматам на проработку плана вывоза подведомственных им предприятий». Это письмо было использовано как инструмент в административной борьбе за перераспределение полномочий между наркоматами и Советом по эвакуации, который многие наркомы считали нужным превратить

– Чем в каждом случае был обусловлен выбор места эвакуации – Урал, Казахстан, Средняя Азия, Сибирь, Поволжье?

– 18 июля 1941 года Генштаб Красной армии направил в Совет по эвакуации письмо, в котором, ссылаясь на отсутствие заранее подготовлен-

в орган по сбору информации, а не по принятию решений. Наркоматы создали свои эвакуационные органы, а наркомы сами стали выходить на Сталина и Молотова с соответствующими предложениями. У них было определенное представление о том, где и какие есть площадки для размещения эвакуированных предприятий. За многие тыловые заводы между ведомствами шли споры. Например, 5 июля 1941 года Малышев обратился к Сталину с предложением вывезти танковые цеха Кировского завода из Ленинграда в Нижний Тагил, на Уральский вагоностроительный завод. А УВЗ уже был предназначен для размещения авиационных заводов №380 и 381. Предложение Малышева было принято, хотя в конечном счете в Нижнем Тагиле разместился другой эвакуированный танковый завод – №183 из Харькова.

– По каким критериям отбирались для эвакуации сотрудники заводов? Эвакуировались ли с ними семьи?

– Порядок определило Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 года «О порядке вывоза и размещения людских континентов и ценного имущества». Согласно документу, вывозились «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуированными с фронта предприятиями».

В Постановлении СНК СССР «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий», вышедшем 5 июля 1941 года под грифом «совершенно секретно», рабочие заводов тяжелого машиностроения, военной и металлургической промышленности признавались мобилизованными и не могли уклониться от эвакуации. У меня небольшая выборка по предприятиям, но очевидно, что не все хотели уезжать, искали и находили способы остаться. Есть официальная цифра: вместе с предприятиями были эвакуированы 30–40 процентов работников.

В документах, подготовленных Советом по эвакуации, обязательным пунктом вписывалась эвакуация с семьями. Когда управление процессом перешло к наркоматам, семьи иногда не упоминались, но по косвенным признакам – например, количество вагонов для перевозки людей и размеры планируемого жилищного строительства – могу заключить, что принцип остался неизменным.

– Какое время в первый год войны стало самым критическим?

– Это так называемый «Черный октябрь 1941 года». Одна из самых страшных катастроф Великой Отечественной войны. Речь идет о немецкой операции «Тайфун»: генеральное наступление на Москву, разгром Брянского фронта и образование Вяземского котла. 15 октября ГКО вынес Постановление №801 «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Распространились слухи о сдаче. Вспыхнула паника: сотни тысяч человек пытались выехать из города. Началась обширная эвакуация предприятий из Московского региона: вывезли 523 предприятия и 564 248 работников промышленности и членов их семей. В это же время немцы окончательно выбили Красную армию из Запорожья, заняли Харьков и вторглись в Донбасс. Потоки эвакуации слились, и произошел железнодорожный коллапс – «куйбышевская пробка».

Это же время чуть не стало роковым и для экономики в целом. В ноябре–декабре 1941 года

среднемесячные показатели промышленного производства упали вдвое по сравнению с показателями прошлого года. Встали шахты Донецкого и Подмосквовного бассейнов. Фатально упало производство военной продукции, начались огромные трудности в снабжении фронта оружием и боеприпасами.

29 октября 1941 года СНК СССР вынес Постановление «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан», в котором главам оборонных наркоматов и ведущих отраслей тяжелой промышленности предписывалось к 1 ноября представить сроки первого выпуска продукции и обеспечить предприятия рабочими и инженерами.

– Каким образом удавалось быстро запустить работу на эвакуированных предприятиях?

– Некоторые заводы приезжали на родственные по профилю предприятия, построенные в 1930-е годы, и совмещали мощности. Например, Челябинский тракторный завод принял в октябре 1941 года Харьковский завод №75, производивший дизельные двигатели, ленинградский Кировский завод и еще пять предприятий. В итоге стал Кировским заводом Наркомата танковой промышленности в Челябинске и получил неофициальное название «Танкоград». Уралвагон-

завод принял 11 предприятий, главным из которых был Харьковский танковый завод №183. И стал Уральским танковым заводом им. Коминтерна. Но многие заводы осваивали неприспособленные для работы площади. Иногда предприятия приезжали в «нулевой цикл», когда монтаж оборудования и строительство цехов шли одновременно, днем и ночью, под открытым небом, в морозы. Разгружали поезда, рыли котлованы, заливали фундаменты, подводили железные дороги, монтировали оборудование. Есть описание начала работы завода «Большевик», эвакуированного из Киева на строительную площадку Уральского завода химического машиностроения: привезли в августе 1941 года, ставили станки буквально в лесу, заливали фундамент, подключали электричество. И уже в октябре, хотя еще не было стен, начали выпуск оборудования для выплавки алюминия. В феврале 1942 года приступили к выпуску минометов. А ведь та зима оказалась самой холодной за сто лет: морозы доходили до 30–40 градусов. И, конечно, в таких условиях на плохо подготовленной площадке значимых результатов добиться было нельзя.

– *А как удалось быстро увязать работу смежных отраслей?*

– Первый мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал был утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР 30 июня 1941 года.

Но реальность менялась такими темпами, что уже 16 августа утвердили новый Военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 года и на 1942 год. Он предусматривал развертывание основной военно-промышленной базы в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии. Соответственно предусматривалось и увеличение в этих районах добычи угля и нефти, меди, алюминия, производства электроэнергии, авиабензина, чугуна, стали, проката.

Например, Уральская энергосистема. В первые же месяцы войны укрупнили Челябинскую, Закамскую, Среднеуральскую и ряд других ТЭС, ускорили строительство мелких и средних ГЭС. К концу 1941 года мощность электростанций увеличилась на 10 процентов, но этого было мало. В 1943 году запустили новые ТЭЦ – Челябинскую, Пермскую №6 и ТЭЦ Челябинского металлургического завода, что увеличило мощность сразу на 72 процента. К концу 1941 года

мощности по выработке электроэнергии на Урале оказались в два с половиной раза выше, чем до начала войны. Уральская энергосистема стала мощнейшей в СССР. Но в 1942-м и в начале 1943 года энергодефицит в регионе был серьезной проблемой, особенно в зимнее время. Даже ключевые военные заводы страдали от отключений электроэнергии.

По документам можно заключить, что равномерно не хватало всех ресурсов. Я бы сказал, что наблюдалась высочайшая эффективность планирования со стороны советской власти – Госплана и отделов СНК. Не было ничего, что не использовалось бы. И, конечно, эта связь со «смежниками» во многом держалась на наркомках и директорах заводов, выдвинувшихся в конце 1930-х годов. Молодых, энергичных, волевых – их называли «маленькими Сталиными».

– *В каких условиях жили эвакуированные?*

– Есть данные, что до конца 1941 года в тыл было переправлено, включая население из мест боевых действий, более 12 миллионов человек. Уральское население, к примеру, увеличилось на 10 процентов. Прием и размещение были невозможны трудным делом. Средняя цифра жилой площади на человека была от 0,8 до 3,1 квадратного метра. Квалифицированных работников, приехавших с предприятиями,

старались устраивать получше. Уплотняли местных, давали жилье. Мобилизация вызвала нехватку рабочих рук, в большинстве случаев пришлось решать проблему с кадрами, и это делалось в том числе за счет комиссованных по ранениям бойцов, трудмобилизованных или других эвакуированных с оккупированных территорий. Эти категории жили в куда более плохих условиях: бараках, землянках, даже в цехах.

– *Какие эвакуированные предприятия стали ключевыми в снабжении фронта?*

– Главнейшая отрасль в военном деле – боеприпасы. Эти предприятия были бы наиболее важны. Но оказались слабым звеном. Главным элементом любого боеприпаса тогда был заряд из тринитротолуола (ТНТ), для изготовления которого был нужен толуол. К началу войны СССР производил около 90 тысяч тонн толуола в год, причем половину – из керосина. Это было экономически невыгодно, а с началом войны ста-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ло невозможно: керосин шел на обеспечение армии и оборонной промышленности. Вторую половину толуола получали в результате коксования. Вместе с потерей угольных районов Донбасса производство каменноугольного толуола сократилось на две трети. «Секретный протокол Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании» от 1 октября 1941 года регламентировал, в частности, поставки толуола. В 1942–1944 годах по ленд-лизу поступило 90 тысяч тонн ТНТ и 64 тысячи тонн толуола, предприятия Наркомата боеприпасов произвели около 270 тысяч тонн ТНТ, для чего израсходовали около 160 тысяч тонн толуола. Отсутствие этой помощи привело бы к тяжелейшим последствиям. Мне кажется, нехватка толуола повлияла на приоритетность выпуска оружия, позволяющего экономить боеприпасы. Ключевыми стали танковая и авиационная промышленность. Танки – мобильные орудия, защищенные броней. Чтобы уничтожить пулеметное гнездо, может потребоваться 100 гаубичных снарядов – или один танковый выстрел, или очередь танкового пулемета, или просто гусеницами раздавить. Самым массовым боевым самолетом в истории авиации стал штурмовик Ил-2, их было выпущено более 36 тысяч. Его не случайно называли «летающим

танком», он тоже подавлял огонь противника, отчасти заменяя артиллерию. Уральский танковый завод №183 им. Коминтерна до конца войны выпустил 25 266 легендарных Т-34 – половину от всего их количества, производил бронекорпуса для самолетов Ил-2 и авиабомбы. «Танкоград» произвел 18 тысяч танков и самоходных установок, 48,5 тысячи дизельных танковых двигателей, 17,7 миллиона заготовок боеприпасов, создал 13 типов новых танков. Авиационная промышленность – в первую очередь это Куйбышев. Завод №18, возникший из строящегося куйбышевского авиазавода №295 и эвакуированного из Воронежа завода №18, за время войны выпустил более 15 тысяч Ил-2 и обеспечил 10 процентов от общего производства. Второй куйбышевский завод, №1 – эвакуированный из Москвы старейший русский авиазавод «Дукс», – выпустил 11 863 самолета Ил-2, 1225 самолетов Ил-10, 3122 самолета МиГ-3 и занял нишу в 9 процентов. Новосибирский авиазавод №153 им. В.П. Чкалова принял заводы №23 и 388 из Ленинграда, №43 из Киева, №51 – ОКБ Н.Н. Поликарпова – из Москвы, №301 из Химок и выпустил 15 797 истребителей ЛаГГ-3 и Як-7, Як-9 и Як-9У. Это 11 процентов от общего производства. Московский авиационный завод №22 был эвакуирован в Казань

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

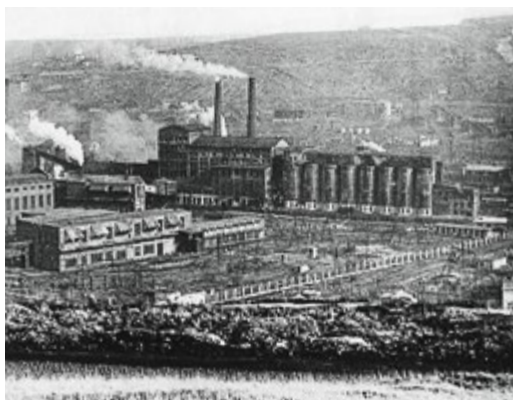
на территорию завода №124 имени Г.К. Орджоникидзе, стал Казанским авиационным заводом №22 им. С.П. Горбунова и выпустил более 10 тысяч пикирующих бомбардировщиков Пе-2.

– Сколько в итоге было эвакуировано предприятий и людей? И в какие сроки?

– Весь процесс эвакуации можно поделить на два этапа. В 1941 году из Москвы, Ленинграда, Белоруссии, Прибалтики, с Украины были эвакуированы 2593 промышленных предприятия: 667 – на Урал, 308 – в Среднюю Азию и Казахстан, 226 – в Поволжье, 244 – в Западную Сибирь, 78 – в Восточную. С Украины перевезли 550 предприятий, из Москвы и Подмосковья – 498, из Белоруссии – 109, Ленинграда – 92. Эвакуировали все танковые и около 30 авиационных заводов, около 300 заводов боеприпасов и вооружения, 150 – машиностроительных, 94 – металлургических, 40 – электротехнической промышленности. Вывоз 1350 крупных предприятий произошел в первые три месяца войны. В 1942 году из южных районов европейской части СССР вывезли 150 крупных предприятий, включая оборудование майкопских и грозненских нефтепромыслов. Всего до августа 1942 года в тылу начали работу 2743 предприятия.

– В августе 1943 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». С освобождением Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Ростовской области, Донбасса началась «резэвакуация». Все ли предприятия в итоге были возвращены?

– В процентном отношении резэвакуировалось немного. Я видел данные по Белоруссии: из порядка 100 эвакуированных предприятий вернулось лишь 10.

По сравнению с эвакуацией резэвакуация проходила гораздо более организованно и планомерно. ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) выносили решения для предприятий по мере освобождения территорий. Возвращавшиеся заводы обычно везли коллективы полностью, но некоторые – частично, оставляя

на месте эвакуации оборудование и персонал. Большинство заводов оборонного значения резэвакуации не подлежало. Конечно, были исключения. Тульский оружейный завод в октябре 1941 года эвакуировали в Медногорск, уже мало оставалось удобных мест, и им тяжело пришлось: захолустье, а нужна была площадка экстра-класса. Есть воспоминания работников, что руки примерзали к станкам. Его частично резэвакуировали уже в мае 1942 года.

Работники оставались вместе с заводами. Я читал многочисленные письма, для многих это стало трагедией. Многие хватались за любую возможность вернуться. Поскольку возвращение людей без предприятий оголяло остававшиеся производства, оно регулировалось государством и учитывались причины: в помощь освобожденным районам, по вызовам министерств, предприятий, правительственных и партийных органов. В местах эвакуации велась огромная работа по замене кадров.

– *Чем после возвращения компенсировалось уничтоженное или пострадавшее оборудование?*

– Как правило, большая часть оборудования эвакуированных предприятий оставалась на новых местах. Обратно ехало эвакуированное, но не использованное оборудование и новое, произведенное в эвакуации. Но и его недоставало. Отчасти помогли ленд-лиз, репарации, но еще и прямой импорт. Посмотрим статистику на примере металлорежущих станков. Весь импорт, включая ленд-лиз, с 22 июня 1941 года по 1 сентября 1945 года –

44 605 единиц. Примерно 33 тысячи – из США, 10 тысяч – из Британии, несколько сотен из Канады. По советским меркам это немного: например, на заводе №183 было 3878 станков. Кроме того, весь импорт станков за войну был примерно равен их годовому выпуску в СССР и составлял примерно 7 процентов от на-

личествовавших на конец войны 670 тысяч станков собственного производства.

Из Германии поставки были больше – 340 тысяч станков. Конечно, часто их вынимали из руин, неаккуратно грузили, отсутствовала документация, распределялись они довольно бессистемно, да и жалоб на бесхозяйственное использование этой техники сейчас обнаружено много. Поэтому не ясно, насколько реально пользу принесло это огромное количество.

– *Можно ли сопоставить советскую эвакуацию с чем-то аналогичным в истории?*

– В истории нашей страны есть два примера промышленной эвакуации. Эвакуация в 1915 году, в Первую мировую войну, не была решена на общегосударственном уровне, оказалась затяжной и стихийной, много предприятий досталось неприятелю.

В 1918 году промышленная эвакуация велась из Петрограда, Царицына, Одессы. Решение по эва-

куации из Петрограда и переносу столицы в Москву оказалось ошибочным: Петроград так и не был занят войсками интервентов или контрреволюционными соединениями Гражданской войны. Эвакуация не спасла промышленность, а дезорганизовала ее.

Эвакуация во время Великой Отечественной войны по организации, результатам и особенно масштабу не имеет исторических precedентов.

– *Где-то мне попало утверждение, что с экономической точки зрения это была главная стратегическая операция в войне.*

– Я уверен: эвакуация важнее любой стратегической операции вооруженных сил. Если б ее не было, не было бы ни Сталинградской, ни Курской битвы. Нечем было бы биться.

В материалах Нюрнбергского процесса есть «Документ СССР – 35»: «Немецко-фашистские захватчики... разрушили 31 850 промышленных предприятий, вывели из строя металлургические заводы, на которых до войны выплавлялось около 60 процен-

тов стали, шахты, дававшие 60 процентов добычи угля в стране; разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи и 4100 железнодорожных станций... Разрушены, уничтожены или похищены 175 тысяч металлорежущих станков, 34 тысячи молотов и прессов, 5 миллионов кет мощностей электростанций, 62 доменные печи, 213 мартеновских

печей, 45 тысяч ткацких станков. Нанесен материальный ущерб ценнейшим основным промышленным фондам СССР».

Работу промышленности восстановили в кратчайшие сроки. Но еще важнее – быстро перестроили экономику на военные нужды. Эвакуация кардинально решила многие вопросы. Вывозили гражданский завод, а по размещении он включался в новый производственный комплекс, ориентированный на войну.

– *Как спустя 75 лет можно оценить итоги этой эвакуации?*

– Теперь, когда в наших руках все документы, совершенно точно видно: если бы эвакуация не завершилась таким успехом, нам не удалось бы сохранить экономику, создать сверхэффективную тыловую промышленность и обеспечить достаточный выпуск продукции для снабжения фронта. Победить в Великой Отечественной войне нам бы не удалось. ❁

В ПОИСКАХ БРАТА

БЕСЕДОВАЛА

АНАСТАСИЯ МАК КЕЙБ [ДАНДОЛК, ИРЛАНДИЯ]

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ СКАЗОЧНИК АЛЕКСАНДР АРТУРОВИЧ РОУ, НА ЧЬИХ ФИЛЬМАХ ВЫРОСЛО НЕ ОДНО ПОКОЛЕНИЕ ДЕТЕЙ, РОДИЛСЯ В СЕМЬЕ ЭМИГРАНТОВ. ЕГО ОТЦОМ БЫЛ ИРЛАНДЕЦ АРТУР РОУ, А МАТЬ, ЮЛИЯ КАРАГЕОРГИЙ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ИМЕЛА ГРЕКО-РУМЫНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ. У АЛЕКСАНДРА АРТУРОВИЧА РОУ В ИРЛАНДИИ ДО СИХ ПОР ЖИВЕТ МНОГО БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ, КОТОРЫЕ ЕГО ЛЮБЯТ И ПОМНЯТ. В СВОЕ ВРЕМЯ ОНИ РАЗЫСКИВАЛИ ЕГО В СССР, А ЗАТЕМ, УЗНАВ О ДОСТИЖЕНИЯХ РОУ В КИНЕМАТОГРАФЕ, С ЭНТУЗИАЗМОМ ПРЕДСТАВЛЯЛИ ЕГО ФИЛЬМЫ В ИРЛАНДИИ. О СЕМЕЙСТВЕ РОУ МЫ РАССПРОСИЛИ ДВОЮРОДНОГО БРАТА ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО РЕЖИССЕРА – ДЭВИДА РОУ, КОТОРОМУ В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ИСПОЛНИЛОСЬ 100 ЛЕТ.

— ДЭВИД, РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О ВАШЕЙ СЕМЬЕ И ОБ АРТУРЕ РОУ – ОТЦЕ АЛЕКСАНДРА АРТУРОВИЧА.

— Артур Роу – брат моего отца Чарльза Роу и сын моего деда Томаса Роу, владельца мельницы и мукомольного производства в Уэксфорде – городе, откуда мы родом. Артур родился в 1872 году, работал у отца на мельнице, затем инженером в британской компании Henry Simon. В Россию Артур отправился, скорее всего, в 1904 году с проектом по установке британских мукомольных машин. Уже в России Артур познакомился с Эйли Кэраджордж (Юлией Карагеоргий. – Прим. авт.). Женившись на ней, устроился на работу на мукомольное предприятие в городе Юрьевце Костромской губернии (ныне – Ивановская область. – Прим. авт.).

У Артура и Юлии было два сына: Георгий и Александр. Георгий умер в младенческом возрасте. Александр родился 8 марта 1906 года, но вот где это произошло, в Юрьевце или в каком-нибудь другом городе, нам неизвестно. Юрьевец – красивый русский город, но небольшой, там проживало 12 тысяч человек или что-то около этого. Тогда там была большая мельница, процветали текстильное производство, лесная промышленность...

Мы также не знаем, почему и когда точно семья покинула Юрьевец – произошло это где-то между 1914 и 1917 годами. Сохранилась пасхальная открытка без даты, отправленная Юлией Саше в Одессу. В ней Юлия писала, что наконец вышла на улицу, гуляла по Тверской и очень устала. Возможно, Саша жил в это время у родственников Юлии в Одессе, ему должно было быть лет 10–11, значит,

Томас Говард
Роу, дед
Александра Роу

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

это был 1916 или 1917 год. Юлия, видимо, тогда болела, гуляла по Тверской, а это значит, что она была в Москве. Где в этот момент был Артур – непонятно. Юлия приложила к поздравительной открытке свою фотографию: элегантная женщина на московской улице, в белом платье, в большой черной шляпе с перьями. Много вопросов возникает...

– *Навещал ли Артур Роу семью в Ирландии в то время, когда он еще жил в России?*

– Да! Моя сестра Хейзел рассказывала, как дядя Артур приезжал с Юлией и Сашей в Ирландию в 1909 году. Тогда они навещали семьи братьев Артура: Говарда Роу в Арклоу и моего отца, Чарльза, в Уэксфорде. Хейзел вспоминала, что Артур приезжал к своим родителям и позже, но уже без жены и сына. А Александр Роу в Ирландию больше не вернулся.

– *Дэвид, известно ли, почему Артур Роу покинул Россию?*

– Сам дядя Артур говорил, что уехал из России из-за случившейся там революции. Он рассказывал моему отцу, что бежал из России через Владивосток, часть пути простояв между вагонами поез-

да. А потом его попутчиком в купе поезда оказался будущий президент Чехословакии Томаш Масарик, с которым Артур играл в карты. Возможно, дядя Артур занимался распределением беженцев по вагонам... (Масарик уехал из Москвы в марте 1918 года. Возможно, тогда же покинул Россию и Артур Роу. – Прим. авт.)

Артур вернулся в Уэксфорд только в 1924 году. В начале 1920-х в Ирландии шла гражданская война, которая затронула и Уэксфорд, и нашу мельницу. Дядя Артур в это время находился в Британии. После отъезда из России он сначала жил в Лондоне, где, по его рассказам, в течение трех лет встречал приходившие эмигрантские поезда, надеясь, что Юлия с сыном к нему все-таки приедет. Затем Артур переехал в Уэльс, где жил с женщиной, которая родила от него ребенка. Я не думаю, что дядя Артур предпринимал хоть какие-то стоящие попытки привезти Юлию с Сашей на Запад.

Почему Юлия с сыном не поехала с ним – мы точно не знаем. Я помню, в семье говорили о том, что Юлия не могла оставить старика-отца, сама была больна. Еще многие вспоминали пристрастие Артура к водке, возможно, появившееся в России. Дело в том, что в нашей семье все были методистами (методистская церковь – протестантская конфессия, отделившаяся от англиканской церкви. – Прим. ред.), то есть у нас всегда придерживались очень строгих правил. Может, пристрастие Артура к алкоголю стало причиной размолвок в семье? Юлия была интеллигентной, образованной и глубоко религиозной женщиной. В 1924 году дядя Артур жил у нас в Уэксфорде. Мне тогда было 4 года, и помню я его только как «зловонного дядю». Наверное, это был запах алкоголя. Мой отец, как потом мне рассказывали, время от времени должен был оплачивать счета Артура из бара.

А потом дядя Артур уехал в Канаду. Думаю, отец был рад от него избавиться. Контакт они, по моему, не поддерживали. Говорят, Артур какое-то время работал в редакции газеты, но умер в нищете. Последние годы жизни зарабатывал на хлеб, подметая улицы. Вот такая жизнь – из опыт-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Артур Роу, отец
Александра Роу

Чарльз
и Виктория
Роу, родители
Дэвида

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ного инженера стал уличным уборщиком мусора. Наверное, алкоголь тому виной.

Из Канады мой отец однажды получил письмо от женщины, написавшей, что Артуру очень неловко и стыдно обращаться за помощью, а тем более пытаться наладить контакт с его бывшей женой и сыном в России. Она попросила финансовой помощи у брата Чарльза, но отец тогда нуждался и сам, деньги не отправил.

– Дэвид, что вы знали о жизни Александра Роу в Советском Союзе?

– О, долгое время – совсем ничего. Наверное, Юлии и Александру приходилось непросто. Юлия одна, с ребенком, муж неизвестно где... Они действительно жили в нищете. Я позже узнал, что Саша после седьмого класса школы пошел торговать спичками и расческами, копил деньги на дальнейшее обучение... Но затем Александр Роу вышел из тени и стал, возможно, самым выдающимся представителем рода Роу.

Мой дед Томас Роу умер в 1920 году, завещав все свои сбережения, мельницу и пекарню детям и ближайшим родственникам. Видимо, он думал, что достаточно богат. Мне кажется, дед не был хорошим предпринимателем, но он был активным общественным деятелем, поддерживал Ирландскую парламентскую партию, объединившую ирландских националистов. Томас Роу был мэром Уэксфорда в 1911–1912 годах. Но дела у производителей муки после Первой мировой войны шли плохо, так что, когда дед умер, наследники его бизнеса не смогли расплатиться со всеми его кредиторами. Бизнесом деда тогда занимался его единственный сын, который остался в Уэксфорде, – мой отец Чарльз Роу. Отцу бы пришлось продать весь бизнес, чтобы расплатиться со всеми долгами, на чем настаивал дед в своем завещании. Тогда Чарльз собрал всех наследников Роу, что жили в Ирландии в 1920 году, и на семейном совете они отказались от каких-либо претензий на наследство. Они сделали это, чтобы спасти дело семейства Роу.

В начале 1960-х, незадолго до смерти, мой отец продал весь бизнес крупному производителю муки в Ирландии за 5 тысяч ирландских фунтов. Сумма, кстати, небольшая, даже по меркам того времени. Я тогда подумал, что будет правильно последовать просьбе отца и завещанию деда: разделить эти деньги со всеми наследниками или их потомками, с теми, кто в 1920 году был указан в завещании Томаса Роу, но отказался от претензий. Среди наследников в 1920-м был назван Артур Роу и, соответственно, его сын Александр Роу. Я же бухгалтер, мне надо было все аккуратно распределить! Я не очень надеялся на чудо, юрист был уверен в бесполезности расходов, протестовал против них, но мы дали объявление в советской газете «Известия» о том, что ирландские родственники ищут гражданина Александра Роу. И Александр ответил! Спросил, по какой надобности его

Дети Чарльза и Виктории Роу и их друг Артур Шафт. Сидят: Хейзел с Дэвидом Роу на руках, Нэнси, Виктор. Стоят: Артур Шафт и Джим. 1920 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ищут. Так мы узнали, что сын Артура жив. А затем и о том, что он стал известным кинорежиссером. Я тогда перевел 300 фунтов в Советский Союз на имя Александра Роу. Александр деньги получил, но потом нам не писал. Я ему – тоже. Думаю, родственники в Ирландии и контакты с ними в те годы в СССР могли навредить известному режиссеру.

Много лет спустя я познакомился с актером Сергеем Николаевым, который снимался в фильмах Александра Роу. Только тогда мы узнали, что из тех 300 фунтов после государственных вычетов Александр смог купить себе пальто и фотоаппарат. Зато в разговорах с друзьями шутил, что получил наследство в виде двух пароходов и публичного дома! Этот слух разошелся по всей Москве. У Александра было явно ирландское чувство юмора!

– Вы так никогда и не встретились с ним лично?

– Я – нет. Но в начале 1970-х двоюродная сестра моей жены Вероники, Элеонора Уилтшаер, работала в английском офисе «Интуриста». Ей удалось посетить Москву и навестить Александра Роу. Он жил в квартире недалеко от Киностудии Горького. Александр Артурович встретил Элеонору в длинном красном халате: доброжелательный, улыбчивый, он почему-то напомнил ей... ожившего Будду. Она запомнила в квартире полки с игрушками – возможно, реквизитом для съемок. Александр тогда

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Игрушка-реквизит, подаренная Александром Роу своим ирландским племянникам

Вероника
и Дэвид Роу
на отдыхе
в Ирландии

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

вручил ей три деревянные игрушки и попросил передать их моим трем детям – своим ирландским племянникам. Александр Роу умер в 1973 году, и я с ним лично, увы, так и не встретился.

– *Когда вы впервые увидели фильмы Александра Роу?*

– Первый раз я увидел фильм двоюродного брата на канале ирландского телевидения 7 марта 1976 года – накануне его дня рождения. RTE показал фильм «Морозко». Тогда же в дублинском Тринити-колледже состоялась выставка, посвященная кинематографу Ирландии и всем кинематографистам, кто был как-то связан с нашей страной. Конечно, мы представили в этой экспозиции фильмы Александра Роу. Случилось все это – показ фильма «Морозко», экспозиция в Тринити – благодаря помощи нашего друга Лиамы О’Лири, кстати, тоже выходца из Уэксфорда. Тогда в Тринити-колледже я впервые увидел русских – советских дипломатов. Их было трое. Они шли плечом к плечу, этакой непробиваемой бригадой. В начале 2000-х моя племянница, Джин Роу, отправилась в Москву как участник проекта Красного Креста по обмену опытом по уходу за пожилыми людьми. Русская коллега Джин, Ольга Зиновьева, так обрадовалась встрече с ирландскими родственниками Александра Роу, что решила помочь в поисках наших родственников в России. Через передачу «Жди меня» нам удалось найти внука Александра Роу, Алексея Рыбникова, который живет в Санкт-Петербурге. Он, правда, отказался участвовать в передаче и контактов с нами не поддерживает.

– *Дэвид, а вы сами бывали в России?*

– Да! Ольга Зиновьева организовала наш визит. Я, моя жена Вероника и Джин ездили в Россию в 2010 году. Мы были в Юрьевце, посетили школу

Александра Роу, его могилу, Киностудию Горького... О, русские такие доброжелательные! Это был самый теплый прием! Вы знаете, в Юрьевце нас встречали герои сказок Роу. Это было незабываемо!

– *А затем вы организовали еще один показ фильмов Роу в Ирландии?*

– Правильно. В 2011 году в рамках арт-фестиваля Уэксфорда в Ирландии мы показали фильм «Варвара-краса, длинная коса», организовали творческую встречу с актером Сергеем Николаевым, лекцию о жизни и творчестве Александра Роу. Нам надо продолжать эти фестивали! Сейчас так мало хороших детских фильмов. Александр Роу был уникален. Новатор своего времени в кино. А сказки, которые он экранизировал, такие добрые!

– *Ирландский род Роу очень старинный, не так ли?*

– Ну, не такой уж и старинный. Моя жена Вероника из ирландского рода О’Брайн, так она с вами в этом поспорит. Мне известна линия нашего рода с XVII века, и пришел он в Ирландию, возможно, из Англии. Моему предку, Роберту Роу, уже в Ирландии в 1612 году был предоставлен родовой герб Роу. Наверное, мы были сначала католиками, затем стали методистами.

Мой дед и отец занимались мукомольным бизнесом. Я стал бухгалтером. У нас с Вероникой трое детей. Дочь Орла – тоже бухгалтер.

– *Дэвид, вам, наверное, часто задают этот вопрос: в чем секрет долголетия, как вам удается в 100 лет так хорошо выглядеть?*

– Да, точно. Задают этот вопрос часто! Очень часто! Я познакомился со своей будущей женой в клубе любителей горных восхождений. Мы очень любили походы в горы. Наверное, быть активным всегда и во всем – это и есть секрет долголетия. 🍷

ТАЙНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

А. Шхонебек.
Корабль русского
флота «Божье
предвидение»,
построенный
Петром I
на воронежской
верфи

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ЛЕГЕНДА СВЯЗЫВАЕТ ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ПЕТРА I С ТАИНСТВЕННЫМ ЗАВЕЩАНИЕМ. НОЧЬЮ 28 ЯНВАРЯ, ЧУВСТВУЯ ПРИБЛИЖЕНИЕ СМЕРТИ, ИМПЕРАТОР ПОТРЕБОВАЛ ПОДАТЬ ЕМУ ГРИФЕЛЬНУЮ ДОСКУ. СЛАБЕЮЩЕЙ РУКОЙ ОН НЕРАЗБОРЧИВО ВЫВЕЛ НА НЕЙ: «ОТДАЙТЕ ВСЁ...» СИЛ ДОПИСАТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И УКАЗАТЬ ПРЕЕМНИКА У САМОДЕРЖЦА УЖЕ НЕ ОСТАЛОСЬ. ОН ПОТЕРЯЛ СОЗНАНИЕ И СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ СКОНЧАЛСЯ. В РОССИИ НАЧАЛАСЬ ЭПОХА «ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ»...

О ДНАКО СУЩЕСТВОВАЛО и другое завещание великого императора – не менее легендарное. Европа узнала о нем зимой 1812 года, когда в Париже вышла в свет книга Шарля-Луи Лезюра с многообещающим заглавием «О возрастании русского могущества с самого начала

его и до XIX века». Ссылаясь на последнюю волю Петра I, французский публицист и сотрудник Министерства иностранных дел сделал достоянием общественности невероятные подробности замыслов российского императора, о которых на рубеже XVIII–XIX веков писали деятели, связанные с польской политической эми-

грацией: эмигрант и редактор Gazette de Pologne Н. Томбёр, поляк Парадовский, якобы служивший у фаворита Екатерины II Платона Зубова и будущий наполеоновский генерал, полковник польских легионов Яна Домбровского в Италии. Никто из них, правда, никогда не видел подлинника документа, и передавали они только «резюме» его общего замысла. Не держал в руках документ и сам Лезюр, своими словами изложивший внешнеполитическую доктрину императора – геополитический наказ, предусматривавший установление мирового господства России. По мнению французского журналиста, смерть Петра предотвратила гибель Европы и ее неминуемое поглощение Москвией. Однако, умирая, властный самодержец оставил написанные им самим тайные бумаги, в которых изложил секретный план завоевания Россией мирового

господства. В основу его положен коварный замысел: сея распри между мировыми державами и «поддерживая русский народ в состоянии непрерывной войны», русские цари с помощью жестоких и жадных до наживы «азиатских орд» должны были добиться гегемонии в Европе. А затем, захватив Константинополь, достичь Персидского залива, а там и Индии. За сенсацией, разумеется, стояли политические цели: накануне похода Наполеона в Россию нужно было продемонстрировать миру агрессивность и экспансионистскую сущность варварской и дикой Московии.

Наибольшую известность «Завещание» получило после публикации в 1836 году Фредериком Гайярдом, соавтором Александра Дюма, апокрифических мемуаров тайного агента, дипломата и трансвестита шевалье Шарля д'Эон де Бомона, трижды побывавшего в России в царствование Елизаветы Петровны. Во время приезда в Петербург в 1755 году д'Эон, якобы пользовавшийся безграничным доверием императрицы и уверявший, что был приставлен к ней в качестве чтицы, проник в тайные архивы Петергофского царского дворца. Там, роясь в бумагах, он и обнаружил «План европейского господства, составленный Петром Великим своим преемникам», снял с него копию, которую и доставил в Версаль Людовику XV.

С тех пор прошло двести лет, а загадка «Завещания» так и не разгадана. Может быть, пресловутое завещание – фальшивка, искусно состряпанная оборотистым авантюристом, может быть, документ подлинный и Петр I незадолго до смерти собственной рукой выправил и отредактировал его? Не исключено, однако, что рассказанное д'Эоном отчасти правда. Мы пришли к этому заключению, внимательно сопоставив текст завещания и цепочку событий, воссозданную по архивным материалам. Разворачивалась эта удивительная история зимой 1723/24 года в Финском заливе...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.Н. Никитин.
Петр I
на смертном
ложе. 1725 год

НАМЕКИ ИМПЕРАТОРА

Прорубив окно в Европу и добившись господства России на Балтике, Петр I не собирался останавливаться на достигнутом. После заключения в 1721 году Ништадтского мира, завершившего Северную войну, император был полон сил и разрабатывал новые планы возвышения созданной им империи. Иллюзий в отношении европейских «партнеров» самодержец не питал, понимая, что никто из великих держав не собирается считаться с варварской Московией как равным партнером в «большой игре». Распорядившись, например, постановкой празднования нового, 1720 года, Петр повелел возвести в Сенате среди прочих декораций одинокую скалу, над которой возвышалась фигура Правосудия с весами в одной руке и мечом в другой. Он разъяснил гостям

П. Пикарт.
Русско-шведская
граница
по Ништадтскому
миру. 1722 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

смысл аллегии, заявив: «Сердце его верно, как эти весы <...> он никогда никого не обманывал (намек на его союзников. – Прим. авт.) <...> если другие принимают меры, противные их собственным обязательствам, то меч, которым вооружена фигура, сумеет защитить его против того, кто окольными путями старался повредить ему». Спустя два года, готовя фейерверк в честь заключения Ништадтского мира, Петр рядом с «Правосудием» приказал разместить «две персоны: первая змеи в руках и на главе вместо власов имеющей изобразу есть злобу; другая лице девиче, тело крокодилово, хвост змеиный, лапы орловы, криле мыши летучей являет зависть с подписанием всегда победим являет тех, которые благополучию российскому завидели и всяко оному мешали и злобствовали по правде, яко божие оружие победило оных сим благополучным миром». Также среди аллегорий, символизировавших победу в Северной войне, присутствовал «Меркуриус летящий, от севера к югу держащий жезл в одной руке з змеями, явля есть промысел, а что от севера летит значит окончание вестей тамо», а возле него стоял «мешек с денгами с надписанием: плоды мира знаменует сей благополучный мир торгами и иными делами может с помощью божиею принести России богатство». Европейские масштабы императора уже не устраивали – он видел свою морскую державу посредником мировой торговли. В мечтах он уже представлял, как русские корабли бороздят океанские просторы, прокладывая пути в Индию, Китай и Америку с их сказочными богатствами. Ко времени окончания Северной войны снаряжаются экспедиции в Сибирь – разведывать золотые россыпи на Иртыше, нащупывать из устьев Оби дороги в Индию и Японию. Российские дипломаты сближаются с Испанией, владевшей ключами к золоту Америки, собирают сведения об алжирских корсарах, голландских китобой-

ных флотилиях, французских военных портах и английских колониях в Вест-Индии. В сентябре 1723 года по мирному договору с Персией к России отходят прикаспийские области с Дербентом и Баку и области на юге Каспия. Тогда же заложены военный порт в Астрахани, адмиралтейство в устье Волги, в преддверии возможной войны с Турцией возобновляется судостроение на Дону и Днепре. Все эти параллельные шаги Петра были призваны развернуть европейскую торговлю в российском направлении.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Среди насущных задач на первый план выдвигалась необходимость нового, современного порта на Балтике, откуда открывались бы дороги в океан. Внимание Петра привлек небольшой залив к западу от Ревеля, со всех сторон окруженный неприступными скальными утесами. Не считаясь с доводами своих советников, в частности генерал-адмирала Федора Апраксина, полагавшего, что постройка здесь порта под названием «Рогервик» – выброшенные в воду миллионы, Петр ясно видел его несравненные преимущества перед Кронштадтом и Ревелем. Во-первых, отсюда флот мог летом раньше выходить в море, а зимою позднее возвращаться. Во-вторых, в обширной гавани Рогервика могло поместиться несколько сот военных кораблей. В-третьих, в залив вел «один только вход и если построить здесь надежный мол, он будет охранять корабли от штормов». Кроме того, вода здесь была соленая, а не «смешанная, как в Кронслоте», с его мелководной и сильно опресненной акваторией, насыщенной микроорганизмами, из-за которых быстро прогнивала подводная часть деревянного корпуса судов. Именно в Рогервике началась таинственная история, которая по сей день не дает покоя исследователям Петровской эпохи. Серым декабрьским днем 1723 года, спешно миновав Ревель,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Панорама
Ревеля.
Гравюра
1656 года

Рогервик.
С карты конца
XVIII века.
Исторический
архив Эстонии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сюда прибыл небольшой государев санный обоз из Санкт-Петербурга. Сопровождавший его прокурор Адмиралтейской коллегии Иван Козлов представил верительные грамоты полковнику Емельяну Маврину, осуществлявшему руководство строительством в Рогервикской гавани, и в тот же день явился к нему на квартиру в сопровождении неизвестного человека, одетого в черный камзол без офицерских галунов. Следуя указаниям из Петербурга, незнакомца поселили «тайно в особливых покоях» и в те-

чение следующих дней его «не токмо другим кому видеть, но и означенный полковник Маврин не видал». 15 декабря он спешно покинул свое убежище, переправившись на фрегат «Декронделивде», прибывший накануне из Ревеля. Через несколько часов в гавань вошло другое судно, фрегат «Амстердам-Галей», также пришедшее из Ревеля. Вечером в капитанской каюте «Декронделивде» состоялось совещание, на котором присутствовали Козлов, таинственный незнакомец и командиры фрегатов. Козлов объявил офицерам, что они поступают в распоряжение незнакомца, и предупредил их, чтобы все его приказы выполнялись без промедления, а корабли готовились к выходу в море.

На Балтике между тем гуляли шторма. Стояла промозглая холодная погода, задувал сильный ветер с дождем и снегом. Плавание же явно замыслилось дальше: грузили доски и крылья для абордажного боя, продовольствие заготавливали на несколько месяцев. Было отдано распоряжение в 10-дневный срок укомплектовать фрегаты лучшими матросами и солдатами, а «указ содержать секретно». Корабли замаскировали под торговые суда. Им предписывалось плыть без вымпелов и «от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большом) удаляться». На флагманском фрегате «Амстердам-Галей» находились полные

комплекты флагов, гюйсов и вымпелов различных морских держав: Великобритании, Пруссии, Нидерландов, Дании и Швеции, а также «остинской флаг». Фрегаты снарядили «без промедления», но в полнейшей «конфузии», все делалось как придется, и едва можно было бы «поверить, что морской человек оные отправлял». Перед выходом в море не были даже осмотрены и отремонтированы днища фрегатов, а грузы размещались как придется. Матросы вконец обносились, пресную воду, провиант и лекарства собирали по крохам. Командир Ревельского порта, посетовавший на отсутствие в городе необходимых медикаментов, тут же получил из Петербурга исчерпывающую резолюцию: «Лекарств, которых не имеетца, прикажите тот час или купить или другим каким ни есть способом достать... Имейте крепкое старание и весьма того бойтесь, ежели требующее при Ревеле, что есть до вас, тем исправлено не будет. Оное взыщется жестоко все на вас, и никакие отговорки не примутца».

Офицеры кораблей отчетливо видели погрешности, допущенные при подготовке, капитаны жаловались руководителю плавания. Да он и сам находил массу недоделок. Однако чья-то высшая воля нависла над всеми, и мнение участников плавания, по-видимому, никого не интересовало.

В субботу 21 декабря в 6 часов утра фрегаты подняли якоря и пошли в открытое море. Но куда?

Единственным, кто знал о целях и маршруте плавания, был человек, назначенный руководителем экспедиции, – загадочный незнакомец, проживавший в строгой изоляции у полковника Маврина. Станным и таинственным было его поведение в Рогервике. Он не выходил из дома и ни с кем не разговаривал. Даже когда он в своем черном морском колете появился на причале порта, никто не услышал от него ни единого слова.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПЕРЕГОВОРЫ С ПИРАТАМИ

Только посвященные в Петербурге знали секрет незнакомца. Им был вице-адмирал датчанин Даниил Якоб Вильстер. Родился он в 1669 году в Копенгагене и там же окончил Королевское мореходное училище. Свои первые плавания Вильстер совершил в Вест-Индию и Ост-Индию, после чего воевал на голландском, датском и шведском флотах. С юных лет Вильстер подавал большие надежды, обещал со временем стать хорошим офицером и медленно, но неуклонно повышался в чинах. Вот только характер у него был тяжелый. Этот державшийся независимо своенравный человек постоянно ссорился с начальством, на него то и дело

Пиратская стоянка. С гравюры XVIII века

Так представляли пиратскую фортецию английские иллюстраторы в начале XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

строчили жалобы и доносы. Он часто впутывался в сомнительные истории и не всегда ладил с законом. В 1712 году за просчеты при ведении боевых действий против шведов датский военный трибунал приговорил его, уже контр-адмирала, к тюремному заключению. Это наказание было впоследствии заменено почетной отставкой, но служить в Дании Вильстеру больше не привелось. Он перешел на сторону бывших противников и, воюя теперь против датчан, в одном из сражений потерял ногу, но отличился и был произведен в вице-адмиралы.

Многое в жизни этого человека окутано завесой тайны. Корабли, которыми он командовал, выходили в море под разными флагами, и Вильстер, словно вечный скиталец, кочевал из страны в страну. Не прижился он и в Швеции, откуда по неизвестным причинам бежал, чтобы на время осесть в Гамбурге. Там он скрывался от шведов и там вступил в секретные переговоры о переходе на русскую службу. В 1721 году Вильстера приняли на Российский флот, и он прибыл в Петербург, на свое последнее место службы. В России карьера вице-адмирала складывалась как будто успешнее. После полутора лет рутинной службы все лето 1723 года он провел с флотом на маневрах в Балтийском море. Он встречался с Петром, стремился заручиться его благоволением и не раз вел с императором доверительные беседы. Тогда-то он, видимо, и рассказал Петру об одной тайной странице шведской дипломатии.

По словам Вильстера, в самый разгар Северной войны Карл XII вел переговоры со странными людьми, прибывшими с далекого Мадагаскара. Появились они в 1713 году. К секретарю шведского посольства в Ганновере Иоганну-Габриэлю Верфлингу явились два человека из Южных морей – некий капитан Симон Сен-Лежер с сыном Самюилом, которые от лица тамошних пиратов предложили

в обмен на шведский протекторат передать в казну Карла XII 500 тысяч фунтов и прислать 25 кораблей. «Среди нас очень мало шведов, и никогда мы не нападали ни на один шведский корабль», – заявили пиратские эмиссары. Предложение заинтересовало штатного секретаря иностранных дел Швеции Даниила Никласа фон Гепкина, который распорядился выбрать для разбойников подходящее убежище на юго-западном побережье Швеции – небольшой порт Кунгсбакка, откуда можно было контролировать перевозки по проливу Каттегат. Однако Карл XII в это время находился в Османской империи, и переговоры прервались.

У пиратов между тем были все основания для тревоги. В Индийский океан докатывались волны войны с пиратством, объявленной военно-морскими державами. В Вест-Индии, на Багамских островах и у побережья Северной Америки безжалостная охота на морских грабителей шла уже несколько лет и заставила пиратские группировки уходить из Атлантики в Индийский океан и искать укромные базы вокруг острова Мадагаскар, и в первую очередь на острове Сент-Мари. Теснимые со всех сторон, осевшие здесь головорезы, «ушлецы из Европы», решили «легализовать» свою деятельность и, получив охранную грамоту, принять подданство одной из держав. В первую очередь они рассчитывали на поддержку Швеции, Дании и Османской империи.

Главной «наживкой», с помощью которой они рассчитывали получить протекцию, стали якобы найденные ими пресловутые сокровища. Об этих накопленных пиратами сокровищах в Европе ходило немало разговоров. Например, в донесении от 23 июля 1722 года генерал-губернатор одного из островов в Вест-Индии, маркиз Леон Дюэль де Сорель, откровенно признавал, что «из всех пиратов <...> наименее богатые имели при себе до 5 тысяч

Карл XII.
Портрет работы
И.-Г. Ведекинда.
1719 год

Триумфальная
процессия
правителя
Голконды
Абдаллы
Кутбшаха.
Миниатюра
середины
XVII века

фунтов в пиастрах, что позволяет нам предположить, что они могли завезти на остров сумму до 100 тысяч пиастров, которая там бы осталась и пошла бы на благо колонии». В лондонских тавернах спорили о том, можно ли верить слухам, что правительство готово простить морских бродяг при условии, что они передадут в казну четверть из награбленных ими несметных сокровищ, масштабы которых выходили за все мыслимые границы и якобы доходили до 20 миллионов фунтов. Перед такими суммами трудно было устоять. Весной 1715 года шайка из 100 французов и 90 англичан под руководством некоего ирландца заявила на французскую Мартинику, чтобы заключить сделку с местным гу-

бернатором. Последний, узнав, что пираты готовы заплатить за амнистию миллион фунтов, встретил их с распростертыми объятиями. В рискованной игре в амнистию «сильные мира сего» с морскими разбойниками в средствах не стеснялись: печатали манифесты об амнистии и вывешивали их в церквях или раздавали на рынках, а то и вовсе запечатывали тексты в бутылки, которые бросали в гавани, где пираты пополняли запасы пресной воды.

В декабре 1709 года вопрос о прощении пиратов с Мадагаскара обсуждался в лондонской палате общин. Инициатором выступил известный политик из партии тори вице-адмирал Перегрин Осборн, маркиз Кармартен. Поводом стала информация о состоянии дел на острове, полученная от Джона Бенбоу, сына вице-адмирала Джона Бенбоу. Потерпев крушение возле южного побережья Мадагаскара, он попал в плен к туземцам, умудрился бежать и добрался до Форт-Дофина, откуда на голландском судне возвратился в Англию. По словам Бенбоу, пираты не только хотят вернуться на родину, но и готовы оплатить свою амнистию. Как раз к парламентским слушаниям подоспела и петиция, поданная женами и родственниками мадагаскарских пиратов, подписанная некоей Мэри Рид и еще 47 товарками. Маркиз Кармартен направил королеве Анне «мемориал», в котором изложил причины, руководствуясь которыми следует искать решение о прощении пиратов на самом высоком уровне. Справиться с пиратской угрозой, прибегнув к сугубо военным средствам, по его мнению, вряд ли удастся, так как пираты, благодаря дружбе с туземцами, всегда могут найти безопасное прибежище где-нибудь в глубине острова. Наилучшим решением станет королевское прощение, тем более что четверо из пяти пиратов, обретающихся на острове, говорят по-английски. Моральный аспект, связанный с амнистированием тех, кто много лет грабил тор-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

говые суда, Кармартена совершенно не смущал. По мнению бравого адмирала и известного дельца, в свое время добившегося от царя Петра табачной монополии, на подобные вещи можно смотреть сквозь пальцы. «Несмотря на то, что их сокровища захвачены путем разбоя, – утверждал маркиз, – сомнительно, чтобы они когда-либо могли бы быть возвращены собственникам, так как они были захвачены (полностью или большей частью) у подданных Великого Могола и сейчас, закопанные где-то на Мадагаскаре или рядом с ним, не приносят никакой пользы». Гораздо полезнее, по мнению маркиза, воспользоваться кладами пиратов самому правительству, перевезя их в Англию; пиратов же нужно принять на службу в британский флот. Только, разумеется, им следует предоставить гарантии безопасности, а также направить к ним вместе с эскадрой из четырех или пяти судов «хорошо им известного человека».

«КОРОЛЬ МАДАГАСКАРА»

Подобные посредники уже давно обивали пороги европейских столиц. Среди них выделялся некий Жозеф Жумар, «главнокомандующий морями Америки и Африки», он же граф де Линанж и «герцог Ангелпонга, Мадагаскара и Офира», появившийся в 1715 году в Нидерландах. Граф был хорошо известен французским властям как кальвинист и противник «тирании» Людовика XIV, когда-то пытавшийся с помощью англо-голландских войск возвести на престол герцога Лотарингского. Поплатившись за свои дерзкие замыслы пятью годами заключения в Бастилии, граф де Линанж умудрился бежать из заключения и странствовал по Европе, по слухам, он даже некоторое время служил Петру I. В Гаагу он прибыл разодетый словно вельможа, в сопровождении темнокожих слуг в шикарных ливреях, секретарем при нем состоял прожженный финансист раввин Исаак Мензес д'Акоста. На переговорах

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

с местными банкирами и политиками де Линанж поведаль, что выбран королем Мадагаскара и под его управлением пребывает около 100 тысяч пиратов. В обмен на протекторат Гааги граф предложил передать пиратские сокровища и выступить посредником в налаживании торговли с Востоком.

Колоритно выглядел и компаньон графа де Линанжа, некий Филипп де Жантиль, маркиз де Лангалери, I барон де Сантонж. Происходил он из знатного лимузенского рода и дослужился до чина генерал-поручика французской армии. Перейдя на службу в имперскую армию, маркиз принял кальвинизм, некоторое время обретался в Берлине, Гамбурге и Бремене, а в 1711 году собирался возглавить вос-

Остров
Мадагаскар.
Карта XVII века

Маркиз
де Лангалери

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

стание против турок в Черногории. В Нидерландах Филипп де Жантиль вынашивал планы религиозной войны с Ватиканом и пытался с помощью принца Гессенского организовать колонию протестантов на Мадагаскаре.

В Гааге граф с маркизом нанесли визит турецкому послу Осману-аге, предложив помощь «20 тысяч храбрецов» и 60 кораблей для борьбы против папы римского Климента XI. В их планы входило похищение понтифика и оккупация Рима турецкими войсками совместно с освобожденными из рабства протестантами. В обмен на помощь османов авантюристы рассчитывали получить от Стамбула несколько островов в Греческом архипелаге, на которых планировали расселить «флибустьеров и корсаров» с Мадагаскара. Кроме того, при поддержке еврейских общин Амстердама, Альтоны и Гамбурга они собирались создать близости от Святой земли еврейскую колонию.

Похождения «мадагаскарских королей» закончились печально. По приказу императора и с согласия короля Великобритании Георга I маркиза де Лангалери арестовали в Штаде под Бременом и отконвоировали в Вену, а затем заточили в камеру замка Рааб, где он скончался, заморив себя голодом. Задержан был и граф де Линанж: его посадили в Шпильберкский замок в Моравии, и больше о нем никто ничего не слышал.

В 1716 году в Европе появился еще один «переговорщик» с Мадагаскара. Это был некий Ян Генрих Пюетан, граф Гульденштайн, вступивший от имени пиратов в секретные контакты с датской короной и представивший меморандум с предложением помочь датским властям провести колонизацию Мадагаскара. Переговоры велись также и с курфюрстом Саксонским, королем Польским Августом II. Но главной фигурой, привлекавшей пиратских эмиссаров, стал шведский король Карл XII.

В июне 1718 года в Стрёмстад, где находился Карл XII, прибы-

ли очередные «пиратские» эмиссары: бывший офицер британского флота Джаспер Уильям Морган («Капитан Морган») и его компаньон Жан Монери. Они получили от короля охранную грамоту, датированную 24 июня 1718 года, согласно которой Морган назначался губернатором Сент-Мари. Его прекрасную гавань предполагалось превратить в шведскую военную базу, а пираты становились подданными короны. Они также обещали передать королю часть накопленных сокровищ – около полумиллиона фунтов стерлингов. В соответствии с планами короля в Индийский океан должна была направиться секретная экспедиция под командованием подполковника Карла фон Врангеля, однако добраться до Мадагаскара ей не удалось.

Спустя три года, в 1721 году, уже после гибели короля под стенами крепости Фредрикстен, его преемница, королева Ульрика-Элеонора, направила на Мадагаскар вторую экспедицию. Ее возглавил генерал-адъютант командор Карл Густав Ульрих, который должен был добраться до испанского Кадиса, где была назначена встреча с «Капитаном Морганом».

Словно командующий диверсионным отрядом, Ульрих на флагманском фрегате «Яррамас» в сопровождении четырех небольших, замаскированных под купеческие военных судов скрытно вел свой отряд, избегая заходов в порты и не поднимая военного флага. В октябре 1721 года он добрался до испанского Кадиса, по пути подвергшись нападению алжирских корсаров. Однако «Капитана Моргана» в Кадисе не оказалось, не слышали здесь и о «мадагаскарских пиратах». Когда же в феврале 1722 года Морган объявился, то начал делать Ульриху «всякие разные удивительные тайные предложения» и, по словам командора, так повернул дело, «чтоб невозможно дознатца», а затем и вовсе уехал в Геную. Тем временем на шведской эскадре начали происходить странные события: сначала

Адмирал граф
Ф.М. Апраксин.
Литография
И.П. Фридрица.
1840-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ла была утеряна королевская инструкция, якобы упавшая в море, затем на кораблях «внезапно» поднялся мятеж. Офицеры отказались подчиняться командующему, что вынудило Ульриха вернуться в Швецию, где он был обвинен в провале всей операции, отдан под суд и едва избежал смертной казни.

Трудно сказать, откуда Вильстеру были известны эти сведения и насколько они были достоверны. Шведы могли обращаться к нему за консультациями, зная, что он плавал в Индийском океане. К тому же он был знаком с несколькими шведскими офицерами, участвовавшими в экспедиции Ульриха, и те, возможно, были с ним излишне откровенны. Как бы то ни было, рассказ Вильстера пришелся как нельзя кстати и подтолкнул Петра I к тому, чтобы начать свою игру в Индийском океане...

Пират Генри
Эвери на фоне
захваченного
корабля
Великого могола.
С гравюры
XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Разработанный императором маршрут плавания на Мадагаскар пролегал в стороне от оживленных морских трасс. Миновав Зунд и выйдя в Северное море, русские фрегаты должны были держать путь в Атлантику, взяв курс на Шотландию и Ирландию. В гавани по пути заходить разрешалось только в случае поломки, но производить ремонт следовало в кратчайшие сроки, так, чтобы, не теряя времени, идти дальше. Прибыв к месту назначения, в район пиратской базы на острове Сент-Мари, Вильстер мог поднять российский флаг и представить свои верительные грамоты некоей «высокомудрой особе» – «королю Мадагаскарскому», как его именует инструкция Петра. Подписывая ее «ваш приятель», император, по-видимому, полагал, что имеет дело с суверенным правителем острова, неким «владеющим королем». Облеченный полномочиями посланника Вильстер должен был «оного короля склонить к езде в Россию» – «ежели зимой, то в Колу, понеже там никогда не мерзнет, а ежели летом, то в Архангелгородский порт».

Замысел Петра не исчерпывался возможной «протекцией» пиратам Мадагаскара: Вильстеру следовало плыть дальше, в Индию. Данная ему инструкция гласила: «...явитесь там Великомогучему Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть...» В случае успеха предприятия пиратским заливом Мадагаскара отводилась роль отправной базовой стоянки России на торговых путях в Индию...

Покинув Рогервик, корабли не прошли и пары миль, как попали в шквальное ненастье. Лили жестокие декабрьские ливни и «с переменою снег», с севера налетел порывистый ветер.

Мокрые паруса отяжелели и опасно кренили суда. Флагманский «Амстердам-Галей» дал сильную течь. Помпы едва успевали откачивать соленую воду, корабль чудом не пошел ко дну. Спасла близость берега, пробоину кое-как залатали. Но в целом корабли пребывали в плачевном состоянии, о продолжении похода не могло быть и речи. Пришлось вернуться в Ревель и встать на ремонт. Из Петербурга в адрес ревельских властей и командиров экспедиции полетели угрозы с требованием ускорить дело. Столичные чиновники предупреждали о строгой ответственности «за нерадение» и намекали на «жестокий гнев» вспыльчивого государя. Обстановка накалилась до предела. Самого Вильстера решили упрятать подальше – ему приказали уехать из Ревеля и тихо сидеть в Рогервике, пока не закончится ремонт кораблей. Одноногий адмирал, несмотря на все увещевания, решил остаться на «Декронделивде» в ревельской гавани, чтобы самому надзирать за работами. В объяснительном донесении он сообщал: «...неотлучно на корабле из каюты не выхожу и содержу почти под мягким арестом, и выходу имею только, когда уже темнота ночная настит, и меня б никто не видал. Токмо я человек не таков, чтоб

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мне дело поверенное оставить и не смотреть; ныне я сам вижу, что и при мне работою зело мешкотно отправляются, а ежели бы мне быть в Рогервике наипаче бы мешкота явилась». И все же кораблям так и не пришлось выйти в море. 21 января 1724 года случилась беда – не рассмотрели отцы-командиры. При перегрузке якоря с «Амстердам-Галея» фрегат перевернулся, в открытые пушечные порты хлынула вода, и корабль затонул. Погибло 16 матросов – они не успели выбежать из трюма.

Г. фон Мардефельд. Портрет царя Петра I. 1707 год

Император «принял нещастие в немалом соболезнании», но, как объяснял генерал-адмирал Федор Апраксин, человек тут не властен: «хотя жаль, что такой случай постигает, однакож оное строится ни от кого иного, но от воли божеской». Из Петербурга поступило распоряжение главному командиру Ревельского порта готовить новые суда и выйти в море «как возможно наискорее, понеже медленность их ни на коим ином так жестоко не взыщется как на вас». Было приказано обшить днища фрегатов коровьями шкурами, которые в южных морях предохраняли от моллюсков. Но шкур на ревельских складах не нашлось, как не нашлось и нужного количества основных досок, гвоздей и даже подвод.

Потянулась переписка о поставках. Все висело на волоске, в том числе и судьбы руководителей. Брань, препирательства, угрозы посадить всех под арест и взаимные упреки сыпались как из рога изобилия, и наконец 4 февраля Вильстер получил письмо от Апраксина, в котором сообщалось: «его императорское величество указал намеренную вашу экспедицию удержать до другого благополучного времени». Самому вице-адмиралу предписывалось «без умедления» ехать в Петербург.

Что изменилось в Петербурге к февралю 1724 года? Может быть, в столице пришли к выводу о технической невозможности организовать плавание в столь короткие сроки или решение императора было продиктовано опасением, что тайна операции может раскрыться? Все, кто писал о Мадагаскарской экспедиции, на этом эпизоде и больших знаках вопроса рассказ заканчивали. Однако, как свидетельствуют архивные источники, тогда, зимой 1724 года, никакой речи об отмене экспедиции не шло и ставить точку было еще рано... ❶

Флот Петра I. Гравюра

Продолжение следует.

Шлем князя
Ярослава
Всеволодовича.
Начало XIII века.
Хранится
в Оружейной
палате

ВЛАДИМИР ВДОВИНИЦА НОВОСТИ

ЧУДО БРАТОУБИЙСТВА

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

КРЕСТЬЯНКИ АНИСЬЯ ЛАРИОНОВА И НАСТАСЬЯ ВАСИЛЬЕВА ИЗ СЕЛА ЛЫКОВО, РАСПОЛОЖЕННОГО НЕПОДАЛЕКУ ОТ ЮРЬЕВА-ПОЛЬСКОГО, УТРОМ 9 АВГУСТА 1808 ГОДА ОТПРАВИЛИСЬ В СОСЕДНИЙ ЛЕСОК ЗА ОРЕХАМИ. ПРОБИРАЯСЬ СКВОЗЬ КУСТАРНИК, ОНИ ЗАМЕТИЛИ ЧТО-ТО СВЕТЯЩЕЕСЯ НА КОЧКЕ. ЭТО ОКАЗАЛСЯ СТАРИННЫЙ ШЛЕМ, ЛЕЖАВШИЙ НА ПРОРЖАВЕВШЕЙ КОЛЬЧУГЕ. НАХОДКУ ПЕРЕДАЛИ ДЕРЕВЕНСКОМУ СТАРОСТЕ, КОТОРЫЙ, РАЗГЛЯДЕВ ОБРАЗ АРХАНГЕЛА НА НАЛОБЬЕ, ПЕРЕДАЛ ЕЕ МЕСТНОМУ ПОПУ. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕСЛАЛ РЕЛИКВИЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I. С ЭТИХ СОБЫТИЙ НАЧИНАЕТ ОТСЧЕТ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ.

ШЛЕМ БЫЛ БОГАТО орнаментирован, а также содержал надпись: «Великий архистратиг Господень Михаил, помоги рабу своему Феодору». Он явно относился к XII–XIII векам и уже при первой публикации был атрибутирован как принадлежавший великому князю Ярославу Всеволодовичу, крещенному Федором. Конечно, правителей с именем Федор было немало, но образный ход мыслей историка эпохи романтизма никак не мог обойти тот факт, что находка произошла примерно в 20 километрах от места легендарной Липицкой битвы 1216 года, с поля которой, как известно по летописи, князь Ярослав вынужден был бежать. Теперь этот уникальный памятник хранится в Оружейной палате Московского Кремля и экспонируется как «Шлем князя Ярослава Всеволодовича» – древнейший из сохранившихся артефактов такого рода. В деревне Лыково в прошлом году в честь него даже установили памятный монумент «Шишак».

КНЯЖЕСКИЕ РАСПРИ

А случилось все более восьмисот лет назад. Тогда миром правил великий князь Всеволод Большое Гнездо, сын Юрия Долгорукого, отец-прародитель всех переживших Средневековье правителей нашей страны, включая московских царей. Его столицей был Владимир-Залесский. Моущество князя простиралось на запад вплоть до Днепра, нередко его пересекая, а на восток – до Средней Волги, нередко пересекая и ее. Автор «Слова о полку Игореве» писал, что воинство князя Всеволода может «Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать». Впрочем, на западе Руси, в Галицко-Волынских землях, расклад сил давно уже был иным. Единство страны оставалось формальным, хотя и общепризнанным. Считалось, что никто, кроме Рюриковичей, в русских землях править не должен, но Галич уже призывал на свой престол венгерского коро-

ля, а на Вольни хозяйничали поляки. Обратное тоже случалось. В начале XIII века повелителем Западной Руси был галицко-волынский князь Роман Мстиславич, создавший могущественную державу, с которой считались не только соседи. Именно ее поддержки искал византийский император Алексей Ангел, бежав туда в 1204 году из захваченного латинянами Константинополя. Но летом 1205 года во время похода в Польшу князь Роман погиб в случайной стычке, чем вверг весь запад Руси в гражданскую войну, растянувшуюся более чем на сорок лет. В нее пытались втянуть и Всеволода Большое Гнездо, который имел владения и на юге – княжение в Переяславле-Русском (ныне Переяслав в Киевской области Украины. – Прим. ред.). Представителем Всеволода выступал здесь его малолетний сын Ярослав, отправившийся на юг еще 10-летним – в 1201 году. После смерти Романа галичане решили пригласить к себе кого-то именно из суздальской династии. Послали за Ярославом. Тот запросил согласие других князей, в том числе киевского. Киев еще считался «матерью городов» – городом, пользовавшимся не только своим старинным авторитетом, но и экономически успешным. Великие правители из Галича и Суздаля туда уже не ездили, но старались контролировать древнюю столицу, за которую боролись менее состоятельные родственники, в основном из смоленской и черниговской ветвей династии. Правил в Киеве тогда Рюрик Ростиславич, внук Мстислава Владимировича, брата Юрия Долгорукого, то есть двоюродный племянник Всеволода Большое Гнездо, чьим ставленником и являлся. Споры за старейший стол возникали постоянно, князья ссорились, менялись, воз-

вращались. Это стало почти нормой. Непостоянством отличались и некоторые городские общины, например Новгород и Галич. Пока Ярослав в 1206 году ехал на княжение в Галич, галичане передумали и пригласили к себе черниговца, Владимира Игоревича, сына того самого князя Игоря Святославича, о котором рассказывает «Слово о полку Игореве». Обиженный Ярослав вернулся в Переяславль и долго упрекал родичей за позор, подстрекая восстановить справедливость. Пока

На юге тогда междоусобицы разгорались регулярно. И мотивами зачастую служили вовсе не материальные интересы, а престиж, репутация, династия. Рюрик Ростиславич семь раз занимал Киев и столько же раз был изгнан оттуда. Всеволод Чермный дважды изгонял Рюрика из Киева, на который в итоге променял родной Чернигов. За Киев боролись. Но Всеволод Большое Гнездо не стал. Вот когда его сын Ярослав, в 1209 году посаженный князем в Рязани, вступил в конфликт там, то суздальский властелин рассердился. Огнем и мечом он прошелся по рязанским городам, надолго отбив у рязанцев желание возмущаться. В землях под властью Всеволода не было войн. Пока южане грызлись между собой, северяне богатели. Но в 1212 году великий князь Всеволод умер. И мир треснул.

НОВГОРОДСКАЯ ССОРА

На смертном одре Всеволод пожелал передать владимирский стол старшему из сыновей, Константину, а второго по старшинству, Юрия, наделить Ростовом. Но Константин потребовал иного передела: он хотел сохранить за собой столицу в Ростове и заполучить Владимир. У этих требований была своя логика: Ростов – древний региональный центр, традиционный и богатый, а Владимир – пусть и любимый князьями, но молодой пригород: на тот момент город насчитывал менее 100 лет. Умиравший Всеволод не стал договариваться, а просто изменил завещание: великокняжеский стол и Владимир – Юрию, а Константину – только Ростов. Ярослав получил Переяславль-Залесский, а также Тверь и Волоколамск. Четвертому сыну, Святославу, достался Юрьев-Польский, малолетним Ивану и Владимиру – небольшие уделы и опека старших. Констан-

Итог приидешии мизретоу аи си зъ великии константини всеволодъ еростъ ацы : новшестеи наидъише

Встреча князей Мстислава Мстиславича и Константина Всеволодовича Ростовского. Лицевой летописный свод. XVI век

те раскачивались, черниговцы, опасаясь за положение в Галиче, перешли в наступление. Черниговский князь Всеволод Чермный двинулся на Киев, выгнал оттуда Рюрика, а Ярославу направил предложение добровольно удалиться «к отцу», что тот спешно и сделал. В 1207 году он отъехал во Владимир. Обиду на представителей черниговской династии Ярослав, кажется, сохранил на всю жизнь: достаточно вспомнить его непримиримую борьбу с сыном Всеволода Чермного Михаилом.

тин даже на похороны отца не приехал, хотя некоторые летописцы писали, что он был болен. Между братьями разразился конфликт. Старшинство никто не отменял, но бороться в одиночку у Константина не было сил. Ярослав и Святослав присягнули Юрию, а потом двинулись с войсками на Ростов. Судя по всему, происходили и стычки, о которых имеются глухие летописные свидетельства, в 1213–1214 годах, но в целом распределение владений сохранялось в соответствии с завещанием отца. Константина принуждали смириться. Оказалось, ненадолго. Для обострения вдруг появился важный повод, изменивший соотношение сил. И повод этот подал Ярослав.

В 1215 году неугомонный князь Мстислав Мстиславич Удалой (Удатный) оставил скучный Новгород и отправился искать счастья на юге Руси, где война и весело. Новгородцы решили вернуться к союзу с консервативной суздальской династией. Они всегда были зависимы от Северо-Востока – житницы и кормилицы, ведь суздальский хлеб обеспечивал их благополучие. Это был тот рычаг, которым регулярно пользовались суздальские князья. «Много гадав», новгородцы выбрали себе князем «Всеволодовича, Юрьева внука», то есть потомка великого князя Юрия Долгорукого – именно такой акцент содержится в местной летописи. Когда Ярослав прибыл на берега Волхова, его встречала торжественная процессия именитых горожан, возглавляемых архиепископом. И «того же лета» 25-летний княжич явил свой нрав. Были арестованы боярин Якун Зуболомич и новоторжский посадник Фома Доброщич. Причем князь отправил их в поруб в свою Тверь. Затем по доносу каких-то Федора Лазутинич и новоторжца Ивора обвинения были возведены на тысяцкого Якуна Намнежича. Ярослав вынес вопрос на вече, где толпа поддержала осуждение Якуна и ринулась на разграбление его имения. Сам чиновник скрылся, но люди успели схватить его

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Князь Ярослав Всеволодович. Фреска церкви Спаса на Нередице близ Великого Новгорода. Середина XIII века

жену. Утром Якун явился к князю в сопровождении посадника и пытался оправдаться. Ярослав ничего слушать не стал, а, кроме того, приказал арестовать Христофора – сына Якуна. Это случилось 21 мая 1215 года.

Источники не дают нам никаких намеков на причины опалы Якуна и других. Полагают, что корни конфликта лежали во взаимоотношениях городских фракций. И, судя по всему, вопрос касался некоей ситуации в отношении «пригорода» – Торжка (Нового Торга). Это был пункт на границе с суздальскими владениями, расположенный на притоке Волги – реке Тверце. Через Торжок проходил главный маршрут подвоза хлеба в Новгород из Северо-Восточной Руси. Уже первое

летописное упоминание Торжка связано с его пограничной ролью: в 1139 году Юрий Долгорукий, «разгневавшись», отказался от правления у новгородцев и разграбил («взя») Новый Торг. Кажется, что в 1215 году история повторялась.

Конфликт развивался по нарастающей. Вскоре «прусе» (жители Прусской улицы Новгорода. – Прим. авт.) в чем-то обвинили, а потом, собравшись, убили неких Острата и сына его Луготу, скинув трупы в ров. Ярослава это возмутило, и он предъявил новгородцам претензии, в том числе, вероятно, за то, что казнь свершилась без его ведома. Некоторые исследователи полагают, что пострадавшие, должно быть, принадлежали к сторонни-

кам князя, а «прусе» – нет. Как бы то ни было, но логика летописи распределяет эти события в одну повествовательную последовательность, итогом которой оказывается уход Ярослава из Новгорода «того же лета». Князь хлопнул дверью. Но ушел не к себе в Переяславль, а в Торжок! Причем прихватил с собой заложников из новгородцев, которых отпустил только после того, как «сам сяде на Торжку», то есть обосновался там на княжение.

И в том же году случился неурожай – мороз побил всходы. «А на Торжку», как отмечает завистливый летописец, «все цело бысть». Однако Ярославу виделось иначе, и он приказал перекрыть снабжение Новгорода, «не пусти в город ни воза». Началась дороговизна и голод: «...зло бысть вельми: купляхуть кадь ржи по 10 гривен, а овса – по 3 гривне; а репы воз – по 2 гривне; едяху люди соснову кору и лист липов, а инии – мох». Многие умерли. Везде – по улицам, на торгу, в полях – валялись трупы, объедаемые собаками. Смерть коснулась и более северных пригородов. Много было погибших в областях Води, откуда люди начали сбегать: «а вожжа не помроша, а останок разидеся; и тако, по грехом нашим, разидеся власть наша и град наш», – заключает летописец. Горожане пытались решить проблему переговорами. В Торжок отправили представительное посольство во главе с посадником. Но Ярослав не только не уступил, но и захватил всех переговорщиков; и даже не только переговорщиков, но и всех торговых людей новгородских, оказавшихся поблизости. На Волхове события были восприняты как катастрофа. Там дали весть своему бывшему князю Мстиславу Мстиславичу, который вызвался заступиться.

11 февраля 1216 года он пришел в Новгород, арестовал Ярослава наместника, присягнул жителям и отправил в Торжок ультиматум: «мужи мои и гость пусти, а сам с Торжку поиди, а со мною любовь возми». Ярослав, кажется, был в бешенстве. Он захватил всех граждан Новгорода, каких нашел – более 2 тысяч человек. Вывел в поле, обобрал – конфисковал все имущество и коней – и в кандалах разослал по своим суздальским городам. Война стала неизбежной.

Утро перед Липицкой битвой.
Лицевой летописный свод. XVI век

МАСШТАБНАЯ «ЗЛОБА»

Можно предположить, что Ярослав не рассчитывал на смелость оппонентов. Но с теми оказался отчаянный князь Мстислав, который уступать не привык. Собрали всех, кто мог держать оружие, и 1 марта 1216 года выступили на восток по Селигерскому пути. Средневековые войны на 95 процентов состояли из грабежей, а не полевых сражений или даже стычек. Кроме того, при перевесе сил противника упорство встреча-

лось редко. Жизнь дорожили, укрывались в городах, сбегали. В данном случае Мстислав повел себя по традиционной схеме. Он не собирался штурмовать Торжок. Как только новгородцы вступили в области за Валдаем, начались грабежи и сбор «зажитья». Князь предупредил только, чтоб никого не убивали: «только голов не емлите». И счастливы были новгородцы, наконец отъезвись: «исполнишася кормом, сами и кони». Кстати, грабили они свои, новгородские волости.

Ярослав в это время начал собственное наступление. Он обратился к братьям Юрию и Святославу, которые его поддерживали. И нацелились они стратегически верно: не на новгородские земли, но на вотчину князя Мстислава, который представлялся возмутителем спокойствия. 10-тысячный полк князя Святослава осадил Ржев, где засел отряд из 100 человек во главе с воеводой Яруном. Но Мстислав был скор. Лишь узнав о нападении, он подхватил своего брата Владимира Псковского с дружиной в пять сотен и спешно («в борзех») ринулся на спасение, атаковал осаждавших и успешно отогнал.

Война разрасталась. К Мстиславу с братом присоединился двоюродный брат Владимир

Рюрикович со смолянами. Миную Торжок, они двинулись вдоль Волги на Переяславль-Залесский – столицу Ярослава. Суздальский отряд был разгромлен под Тверью; после чего пожгли Шешу, Дубну, Кснятин и городки далее. По пути интервентов встретил посол ростовского князя Константина Всеволодовича... с поклоном. И ситуация обрела иной оборот. Старший брат Всеволодовичей вступил в союз с новгородцами и смолянами, превратив

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ситуацию в гражданскую войну на Северо-Востоке Руси. Теперь новгородские ссоры перекатили в продолжение борьбы за власть во Владимиро-Суздальском княжестве.

Ярослав оказался в западне. Он срочно бросил Торжок, побывал в стольном Переяславле, откуда выступил, собирая ополчение, на соединение с братьями Юрием и Святославом. Войско они собрали беспрецедентное. Всех! С Ярославом были отряды его сторонников из Новгорода и Торжка, а также переяславцы; с Юрием и Святославом «вся сила Суздальской земли», полки муромские, городские и даже бродники. Согнали даже простых селян: «погнано бо бяше ис поселей и до пещец». Современники событий поражаются масштабу междоусобной злобы: «Страшно же чудо и дивно, братье, поидоша бо сынове на отцы, а отцы на дети, брат на брата, раб на господина». Коалиционный новгородско-смоленско-ростовский корпус столкнулся с общесуздальской армией в районе рек Гза и Липица у города Юрьева-Польского.

БЕСПОЛЕЗНОЕ КРОВОПРОЛИТИЕ

Мстислав и Константин в последний раз попытались урезонить Юрия

с Ярославом: «верните что взяли, волости и людей». Но все тщетно. Те просто посмеялись. На их стороне было численное превосходство, так что им казалось, что угрозы оголодавших грабителей, пришедших из далеких земель и совративших ростовских «схизматиков», выглядят нелепо. Позднейшая летописная повесть об этих событиях красочно повествует, как братья пировали и похвалялись друг перед другом, деля ожидаемые трофеи вплоть до Киева и Галича: «Не бывало

такого прежде никогда, чтоб кто пришел ратью в Суздальскую землю и цел ушел».

Но бой, разразившийся 21 апреля 1216 года, сложился иначе. Новгородцы шли на войну, вдохновляясь подвигами предков. Летопись зафиксировала отсылку к событиям битвы на Колокше, когда в 1097 году новгородцы с ростовцами, возглавляемые Мстиславом Владимировичем Великим, разгромили в тех же местах черниговцев с муромцами Олега Святославича (Горисла-

вича). Отрады Мстислава и Константина сражались конными. Кажется, что первым дрогнул суздальский полк Юрия, против которого стоял Константин с ростовцами. Видать, братья резали братьев без желания. Завидев его отступление, побежали и те, что были с Ярославом. Вскоре разгром превратился в резню. Число погибших, израненных и плененных ужасало современников – «бесчисленное число», так что «не может ум человек домыслити», а иные в реках утонули. Летопись отмечает 9233 «избитых» суздальца, из которых 60 попали в плен. Со стороны новгородцев погибших названо пять плюс один смолянин.

Даже если цифра 9233 – это общая численность суздальских полков, а не число погибших, то и тогда перед нами одно из самых многочисленных и кровопролитных сражений русских междоусобиц. «О, многи победы, братье, бесчисленное число, яко не может ум человек домыслити избитых и повязанных», – заключал летописец.

Около 10 тысяч – это численность всего мужского населения одного из заметных удельных княжеств. Силы стороны в Липицкой битве были сопоставимы с численностью противников в крупнейших европейских сражениях тех лет.

Например, испанской армии в битве при Лас-Навас-де-Толоса 16 июля 1212 года, уничтожившей власть Альмохадов на Пиренеех. Или французской армии в битве при Бувине 27 июля 1214 года, обеспечившей изгнание Англии с континента.

Ярослав после боя выжил. Он в одиночку примчался в Переяславль, где попытался изготавиться к обороне. Юрий бежал во Владимир, где остались одни попы, чернецы да бабы с детьми – «непротивный род». Дер-

Войска князя Мстислава пробились к обозам противников. Лицевой летописный свод. XVI век

веча). Тогда они бились пешими. В этот раз они тоже предпочли расседлать коней. Более того, они пошли в битву голыми – в чем мать родила: как пришли в этот мир, так и уйти должны, идя на смерть. Новгородцы сняли штаны и сапоги, лишь рубахи, наверное, оставили: «порты сметаша с себе, еще же и сапоги с ног сметав, и поскочиша босы, пещь, яко же олени». Их отряд бился против отрядов Ярослава. Князю показывали его место в мужской иерархии.

Деталь шлема князя Ярослава Всеволодовича. Начало XIII века

РИА-НОВОСТИ

жать осаду было не с кем. Победители, как и положено, день простояли на поле битвы, а потом двинулись к Владимиру. Юрий предпочел сдаться и уступить княжение старшему брату. Константин пожаловал страдальцу в удел Городец-Радилов на Волге. Ярослав тут же запросил о мире. И получил его. Константин был исключительно незлобивым и великодушным

правителем. Он пожаловал новгородцев, обеспечивших ему отцовский стол; утвердил у них князем Мстислава; захоронил погибших и постарался успокоить волнения. Мир был его девизом.

А нас не может не поражать то, что весь этот кошмар, разорение и кровь оказались едва ли не бесполезны и вскоре забыты. Все «успехи» новгородско-

ростовской коалиции уже через несколько лет сошли на нет. Уже в начале 1218 года умер Константин, и великим князем вновь стал Юрий. Мстислав Мстиславич еще в 1217 году окончательно покинул Новгород ради Галича. Новгородцы пытались продолжать опираться на смоленскую династию, но уже в 1220 году запросили к себе князя у того же Юрия, а весной 1223 года снова приняли у себя Ярослава. Круг замкнулся. Междоусобицы тогда не улеглись. Они вообще сами не улеглись. Их смёл другой враг, который именно в эти годы начал свой поход на запад. Уже в 1223 году монгольские завоеватели докатились до русских земель, когда в битве на Калке их встречал в числе других воинов князь Мстислав Мстиславич. В 1237 году евразийская империя обрушилась на рязанские, а в следующем году – на владимиросудальские земли, когда в битве на Сити погиб князь Юрий Всеволодович, ждавший помощи от брата Ярослава. Но Ярослав не успел. Он вообще не стал биться с монголами, предпочтя договариваться. В 1243 году он первым из русских князей отправился на поклон в Орду к Батю. В 1246-м Ярослав поехал в столицу монголов Каракорум на съезд, где был отравлен и скончался на обратном пути. Ярослав Всеволодович был виновником событий на Липице, его же числят виновником утверждения ига. Славные дела, которые он свершал на западных рубежах, затмил собой его сын Александр, который запомнился в веках Невской битвой и Ледовым побоищем. Но русские резали русских с остревением, несопоставимым с тем, с которым противостояли иноземным захватчикам. И, кажется, не любят об этом вспоминать. Даже историки редко пишут про Липицкую трагедию, предпочитая любоваться только шлемом, предположительно брошенным трусливо бежавшим князем, пытавшимся убить своих братьев. ❶

В.П. Верещагин. Епископ Кирилл находит обезглавленное тело великого князя Юрия на поле сражения на реке Сить

СЕРЕБРЯНЫЕ НОГИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ФИЛИПП ЕФРЕМОВ СТАЛ СВОЕГО РОДА ВТОРЫМ АФАНАСИЕМ НИКИТИНЫМ, СОВЕРШИВ ПОЛНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ БЕГСТВО ИЗ БУХАРСКОГО ПЛЕНА В ИНДИЮ И ВЕРНУВШИЕСЯ В РОССИЮ. ДЛЯ СОВРЕМЕННИКОВ ВООБЩЕ-ТО ОН БЫЛ «ПЕРВЫМ НИКИТИНЫМ». «ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» ТВЕРСКОГО КУПЦА ОПУБЛИКОВАЛИ ТОЛЬКО В 1821 ГОДУ, ТОГДА КАК «СТРАНСТВОВАНИЕ» ЕФРЕМОВА ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛО СВЕТ НА 36 ЛЕТ РАНЬШЕ.

Ф ИЛИПП ЕФРЕМОВ родился в 1750 году в Хлынове (позднее – город Вятка) в семье секретаря духовной консистории Сергея Ефремова. В 13 лет, как утверждал сам Филипп, он

попал в армию, где почти сразу был произведен в капралы. В 15 лет получил унтер-офицерский чин каптенармуса. Его «странствование» началось в июне 1774 года. Во время пугачевского бунта Ефремова отпра-

вили на заставу Донгуз – одно из укреплений по реке Яик (позднее – Урал). На заставу напало около 500 мятежников. Гарнизон из 20 солдат и казаков отбивался, пока не закончился порох. Филипп не собирался сдаваться, не выпускал ружье из рук и сокрушался о том, как его потерял: «один из мятежников ударил по ружью саблей, отрубил в левой руке моей большой палец, отчего из рук оно выпало».

В плену Ефремов не задержался – в первую же ночь умудрился бежать с двумя солдатами. Отлежавшись в траве на берегу реки, беглецы направились в Оренбург, до которого было около 15 километров. Дойти до города им было не суждено: «...вдруг из-за горы выехали киргисцы, – писал Ефремов в своей книге, – до двух сот человек, взяли нас и, посадив на лошадей, подвязав ноги на брюхо лошадиное, увезли в свои улусы». Кочевники держали узников два месяца, залечили раны, а с наступлением зимы продали проезжим бухарцам. За унтер-офицера дали четыре телячьи шкуры.

Самарканд середины XIX века на картине Василия Верещагина «Торжествуют»

ПЛЕННИК-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ

Вместе с торговым караваном русских узников погнали в Бухарское ханство. Зима выдалась суровая, в холодной и голодной степи невольники умирали один за другим. Ефремову повезло, его пожалел армянский купец Айваз из Астрахани: кормил, сажал на лошадь и верблюда. В Бухаре хозяин подарил Ефремова аталыку (визирю) Даниял-бию – влиятельнейшей фигуре при дворе бухарского хана Абулгази. Аталык поставил пленника к «дверям, где его жены и наложницы, стражем». Новоиспеченный евнух оскотления избежал, освоил персидский язык и был назначен «десятником» в ханское войско. Даниял-бий оценил способности русского офицера, предложив ему перевести послание российской императрицы, доставленное посланником хана муллою Ирназаром. Ефремов рассказывает, что «не мог зреть сухими глазами, без слез» на «российское письмо».

Аталык решил обратиться Ефремова в ислам: «...но как я на то не согласился, для чего приказал мучить меня и пытаться потамошнему, то есть поить солью по три дни. <...> положат в большую деревянную чашу пуд соли, наливают в нее воды горячей и, когда соль разойдется и вода простынет, тогда свяжут в утку и кладут в рот деревянную палку; человека повалят затылком на ту чашу и соль льют в рот. Ежели не пожалеют, то чрез сие мучение чрез день другие умирают, для того что соль у человека живот весь переест. А если захотят кого сберечь, тому, после каждого мучения, дают пить теплого овечьего сала по три чашки, кое сало соль всю вберет в себя и так верхом и низом живот очистит, и будет жив». Русского офицера убивать не собирались – кормили после каждого мучения «салом». Поняв, что Филипп от своей веры не откажется, аталык потребовал, по крайней мере, принести ему присягу, что и было исполнено – «только из пристрастия языком, а не душою».

Ефремов получил повышение, с войском участвовал в сражениях и походах, побывал в Самарканде, Хиве, Каракуле, Мерве, Чарджуу, Коканде, Хазараспе. За верную службу аталык пожаловал русского пленника «землю, с коей собиралось в год доходу до трех сот червонных» – немалая сумма. Но Ефремов не думал о карьере при бухарском дворе – намеревался при удобном случае бежать. Среди сотен русских пленников в Бухаре, как он писал, не было таких, кто не помышлял о побеге. Все старались бежать в Россию ближайшим путем – на север через степи. Таких беглецов бухарцам не составляло труда изловить. Кара за побег была суровая.

Бухарский хан Абдулазиз, правивший в 1645–1681 годах. «Храбрый, великодушный хан, любитель науки», как отзывались о нем современники

Бухарское войско на старинном рисунке. Во времена Ефремова войско считалось сильнейшим в регионе

ГЕОГРАФ, ЭТНОГРАФ, КРАЕВЕД

В Бухарском ханстве Филипп Ефремов пробыл пять лет. Вел дневник. Делал записи только о том, что его интересует. Окружающий пейзаж, например, ему без надобности: даже странно, что один из исследователей записок Ефремова назвал их «первой географией Узбекистана». Его труд – это уникальные сведения по этнографии и краеведению, почти лишенные географии. Безразличие к природе и архитектуре унтер-офицер с лихвой компенсировал интересом к сельскому хозяйству, ремеслам, быту, военному делу, дворцовым интригам, правосудию... Законы в ханстве царили суровые. Казнили даже за мелкое воровство: мужчин – на виселице, женщин – закапывали по грудь в землю и забивали камнями. Преступления против человека судились по принципу око за око.

Побыв гаремным стражем, Филипп разобрался в любовных утехах: «У каждой жены и наложницы имеются особливые комнаты. Мужья спят с ними по очереди; к другой же никак приступить не может. Любители (то есть любовники. – Прим. авт.) приходят к ним в женском платье, а иногда ходят женщины, сказывая мужьям своим, якобы в гости, а вместо одного – к другим людям, которые сводят, где любители приходят, и с ними веселятся». Сам Ефремов тоже не лишен был женского внимания: влюбилась в него пленная персиянка, служившая у аталыка ключницей. О бухарской артиллерии, единственной в регионе, Ефремов писал, что «из пушек попадать не умеют». Использовалась артиллерия как эффективное средство устрашения: «...приближаясь к неприятельскому городу, велит палить из всех пушек и мортир, и там от одного звука страшатся, идут в подданство и платят дань, и таким образом все тамошние города под владение Бухарии пришли». Шелководству и выращиванию шелковичных червей Филипп посвящает две страницы – в это ремесло он вник досконально.

Страшных болезнетворных червей изучил на собственной шкуре: «От оной нечистоты у чело­века в теле зарождаются ришты (в медицине – дракункулёз. – Прим. авт.), наподобие волосати­ков. В котором месте зародится, то место будет жестоко свербеть; потом будет пузырек. Как время будет приходить, чтоб ей из тела вон выходить, то пузырек лопнет, выйдет в вершок, в самую тонкую нитку язык. <... > У меня первой год вышло 15, на другой 22, на третий 30 из всех мест: из языку, даже и из естества. Потянувши, выдет с вершок и более, а как почувствую, что больно, то оберну на хлопчатую бумагу, чтоб не уходи­ла назад в тело. И прикладывал тутовые листья с постным мас­лом, которая выходит чрез пят­надцать и двадцать дней в самую толстую нитку, длиною аршин и более. В одно время у меня порва­лась, и так нога распухла, ника­ким образом ходить невозможно. Бывает жар и лом. Летом почти всякий человек ходит на косты­лях, они за счастье признают, еже­ли она будет летом».

В отличие от Ефремова бухарцы уделяли особое внимание пого­де и даже связывали похолодания со скорым покорением Россией: «Бухарцы же примечают, что, ко­нечно, их городам быть в россий­ском владении: когда не было рус­ских, то не видели снегу и холоду».

ПОСОЛ АТАЛЫКА И «КУПЕЦ-ТАТАРИН»

Планируя побег, Ефремов про­явил завидную смекалку. Во время похода на Хиву летом 1780 года он в очередной раз проявил героизм и был ранен. Главнокомандую­щий отправил Филиппа в Бухару залечить раны и передать доне­сение аталыку. Через несколько дней Ефремов должен был воз­вращаться к войску. Сообразил, что в этот момент удобно будет отправиться не в Хиву, а в проти­воположную сторону – в Коканд, к китайской границе – так его хвата­ются не скоро. За «сто червонных» он уговорил придворного писа­ря написать грамоту, представля­ющую его послом аталыка в Коканд. Печать для грамоты попросил вы­

Кашгар в XVIII веке. Город столетиями был важнейшим торговым перекрестком на караванных путях

В 1875 году художник Василий Верещагин прошел почти тот же путь Кашмир–Ладакх, что и Филипп Ефремов. Картина «Монастырь в скалах», Ладакх

красть влюбленную персиянку-ключницу, которая, рискуя жизнью, выполнила просьбу – «с тем только, чтобы ее взять с собою, то я побожился ей, что не оставлю». План удался: вскоре аталык приказал Ефремову возвращаться в Хиву, вместо чего он с двумя русскими пленниками направился в Коканд. Увезти возлюбленную не получилось. Сам Ефремов, видимо, очень переживал из-за этого: позже в новых редакциях своих «странствий» он по­разному описывал этот эпизод. Объективно ситуация была тако­ва: исчезновение ключницы ата­лык заметил бы сразу же, устро­ил бы розыск, и убежать было бы гораздо сложнее.

По дороге, признавая Ефремо­ва за посла, путников снабжали

провизией и кормили их лоша­дей. В Коканде беглецы не задер­жались, двинулись дальше на восток – в приграничный с Кита­ем город Маргилян. Там Филипп переделался купцом-татарином и примкнул к каравану, идущему в китайский город Кашгар. Чтобы не вызвать подозрений, Ефремов разузнал, какой товар везет кара­ван, и накопил такого же.

Миновав Ош, караван стал под­ниматься к перевалам высотой более 3 тысяч метров: «У одной горы воздух весьма тяжелый: пе­шего человека захватывает дух, отчего умирают. Тут мой това­рищ, один русский, помер; и так погреб я его ночью по христиан­скому закону, потому что днем хоронить было не можно, опасаясь мосульман».

В Кашгаре Ефремов был уже не­досыгаем для бухарского хана. Теперь его поджидали другие опасности. Китайские власти запре­щали европейцам посещение региона под страхом смерти. Известный немецкий путеше­ственник Георг Форстер – участ­ник кругосветного путешествия Джеймса Кука 1772–1775 годов – пытался попасть в Кашгар че­рез несколько лет после Ефремо­ва. Сделать ему этого не удалось. А русские беглецы искусно вы­давали себя за «татар». Из Каш­гара они предприняли двухне­дельную поездку в Аксу, пытаясь выяснить возможность проезда в Россию через Синьцзян. Убедив­шись, что это невозможно, верну­лись в Кашгар и решили двигать­ся на юг – в Тибет.

«НИЩИЙ» ПАЛОМНИК

Ефремов закупились нужным в Индии товаром, приобрел также «молодого арапа» – чернокожего мальчика. Путешественникам предстоял труднейший путь – зимой преодолеть горные перевалы выше 5 тысяч метров. Описывая дорогу, Ефремов верен себе. О Каракоруме – грандиозной горной гряде с высочайшими вершинами и отвесными скалами – лишь два слова: «горы высокие». А вот о жизни местного населения пишет подробно: «Часто видел я употребление в пищу пшеничного толокна, которое мешают густо в чайной воде и оною же потом запивают». Ефремов имеет в виду «цампу» – основную пищу тибетцев – муку из слегка поджаренных зерен ячменя. Успел он вникнуть и в семейные драмы: «...ежели жена не полюбилась, можно жениться на другой. И женщины с мужьями обходятся так же. Буде любит ее муж и сверх чаяния увидит с любителем (любовником) обращаящуюся, то и говорить не смеет, опасаясь, чтоб не отошла прочь. Там женска пола больше, ежели мужского».

Ефремов потерял своего последнего спутника. «Есть гора весьма высокая; во оной воздух тяжелый всегдашний туман, человеку и лошадям захватывает

дух, отчего и умирают. Тут мой товарищ помер, коего похристиански похоронил». Сведения о людях Ефремов фиксировал тоже очень избирательно. Пишет о бухарцах с труднопроизносимыми для русского языка именами, а о бежавших с ним «русских товарищах», которых сам похоронил, не сообщает ровным счетом ничего, даже имен.

Через 35 дней пути караван пришел в Лех – столицу буддийского княжества Ладакх. Ефремов жил в городе около месяца. Здесь он вновь изменил свой

Василий Верещагин. Ледник по дороге из Кашмира в Ладакх

Монастырь Хемис неподалеку от Леха, где якобы было найдено «Тибетское Евангелие»

образ и легенду: «...пришли 3 человека нищих мосульман, которые шли на поклонение в Мекку к Магометову гробу, и я сказал, что туда иду, и, сообщаясь с ними, надел такую же нищенскую одежду».

Паломнический путь лежал через мусульманский Кашмир. Паломники покидали суровые скалы Тибета, спускаясь в лесистые кашмирские горы. Дорога шла вдоль глубокого ущелья Инда. Двигались по горному серпантину пешком: «...горы высокие и на лошадях там не ездят; есть такие между каменьями места, что едва можно человеку пройти, и товар носят на спинах».

На подорожье от Леха в Кашмирскую долину не миновать монастырь Мульбек, где на отвесной скале выбит барельеф Будды-Майтреи – Будды-грядущего. Повидавших много современных путешественников барельеф впечатляет изяществом и масштабом. Ефремов гиганта на скале почему-то не заметил. А вот о «шерсти на волах мягкой, как шелк» разузнал подробно – как и какие из нее ткнут вещи. Сам того не зная, он описывает известный в России тончайший «кашемир». А вот еще одно наблюдение из жизни кашмирцев: «Под платьем держат с жаром горшок, оплетенный таловыми прутиками, с рукояткой, от коего жару брюха у них пегие; а буде сядут, поставят между ногами». Комментаторы «странствий» оставляют это место без внимания. Честно сказать, я бы и сам не понял, как и зачем «держат с жаром горшок», если бы не видел сам подобное явление в деревнях Кашмира. В холодное время года там носят плотное пончо. В доме топить не любят, да и серьезных печей не имеют. На вечерних посиделках за каляном подогрев индивидуальный: сядут на пол, прячут ноги под пончо, а между колен ставят оплетенный лозой глиняный горшок с горячими улями. Получаются такие конусообразные существа, пускающие дым – прямо спящие вулканы...

**МАЙОР «ЧЕСТНОЙ
ФАМИЛИИ»**

Из Кашмира паломники пошли дальше на юг: переправились по канату в «сиделке» через бурную реку Ченаб и спустились с гор в индусское княжество Джамму. Недалеко от города Джамму Ефремова вновь одолел ришта: распухла нога. Спас его «набожный» старик-кашмирец. Мусульманин лечил «паломника» у себя дома целый месяц, позаботился и о его спутниках. Правда, они, не дождавшись выздоровления Филиппа, ушли. Последний паломник бросил его в Дели, «скрывшись безвестно».

«Остался я со слугою своим арапом и куда идти, не знал, – вспоминал свое отчаяние странник. – Воспомянув Бога, проговорил по-персидски. Мимоидущий человек остановился со мною и говорил: «Какой ты человек?» Прохожий оказался армянин по имени Симион. Странников он приютил у себя в доме, а после отправил с купеческим караваном в Лакхнау – крупный город в долине Ганга. Симион снабдил Ефремова письмом к местному английскому священнику – своему другу, сказав, что тот поможет добраться до Англии.

Священник принял странника «ласково». Оказалось, до того он жил в Петербурге и Ораниенбауме. Мир, как видно, и тогда был не очень велик. Но тут вмешался комендант города Медлитон, вознамерившись Ефремова «определить в свою службу». Пришлось русскому офицеру в очередной раз менять образ. Филипп по милости священника оделся в европейское платье и по его совету стал выдавать себя «майором честной фамилии, а именно: графа Чернышева родственник». Видимо, имелся в виду Андрей Гаврилович Чернышев – комендант Санкт-Петербурга в 1773–1797 годах. Сговорились они вовремя. Едва Филипп вернулся к себе в караван-сарай, как был арестован по приказу коменданта. Держали его в казематах два дня. Услышав историю

Повозка богача в Дели на картине Василия Верещагина

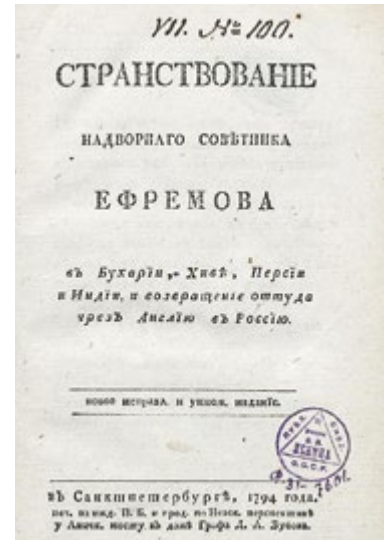
«честного майора», подтвержденную и священником, комендант отпустил Ефремова, дав ему рекомендательное письмо к своему приятелю Роберту Чэмберсу – второму судье Верховного суда Калькутты.

До столицы Британской Индии Ефремов добирался долго. Два дня ехал в «индейской коляске, подобно чухонской телеге с зонтиком, в кою впрягают 2 вола», а затем более месяца на лодках по Гангу. Получается, Ефремов пробыл на Индостане чуть менее года, преодолев около 2500 километров. Характерны его впечатления: Тадж-Махал, величественные крепости из красного песчаника в Агре и Дели, огромные могольские мечети и гробницы, необычные индусские храмы – вся окружающая архитектура осталась незамеченной. Фиксирует он только количество ворот во всяком городе. Впечатлило русского странника, как ездят на слонах: он основательно разобрался, как и какого размера делают «ящики» для пассажиров на слоне, из каких материалов бывают балдахины и прочие украшения. Рассказывая о дороговизне лошадей в Индии, Ефремов вторит Афанасию Никитину, хоть и разница между их путешествиями более трехсот лет: «Лошадей <...> приводят на

продажу из других земель, корм дорогой, и сходнее иметь людей 20, нежели одну лошадь».

Особый интерес он проявил к индийским верованиям. Писал, что те, кто верят «в корову – ежели кто из иноверных станет бить оную, то покупают, а если купить не на что, тогда весьма плачут». Насмотрелся Ефремов в священных городах Ганга на ритуальные омовения и сожжения умерших. Описывает он и поразительный обряд убийства тяжелобольных: «...старый человек возьмет больного за голову, окунет в реку, а как захлебнется, тогда столкнут совсем его в реку, коих утопших уносит в море». А следующий эпизод осквернения ритуальной пищи приключился едва ли не с самим Ефремовым: «...приходят к болванам, обливают им головы маслом и разведенною в воде краскою, а другие варят пищу... В то время если кто, не ведая, придет чего просить, тогда им своя пища уже делается погана; отдают ее тому приходящему; будут с него требовать за пищу денег, чего она им стоит, и если не отдаст, то и суд прикажет заплатить».

Судья Калькутты бескорыстно скитальцу помогать не хотел – за билет на корабль пришлось отдать арапа «мистеру Чэмберсу».

«Странствование» Ефремова
1794 года издания, лично
подготовленное автором

ДВОРЯНИН, НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК

Пятидесятилетнее плавание вокруг Африки через Индийский и Атлантический океаны закончилось в ирландском порту Кэлтаун. Далее «в наемной карете» Ефремов добрался до Лондона. Российский посланник в Лондоне Иван Матвеевич Симолин выдал страннику паспорт и отправил морем в Санкт-Петербург, где ему надлежало явиться к графу Александру Андреевичу Безбородко. Едва достигнув родины, 26 августа 1782 года Ефремов явился к графу. Безбородко, фактически руководивший внешней политикой страны, им очень заинтересовался. Тогда активно налаживались дипломатические связи с Бухарой, требовалась достоверная информация о центральноазиатских ханствах. Граф разместил Ефремова у себя и вскоре представил его Екатерине II, обрядив странника в азиатское платье. Императрица оценила подвиг унтер-офицера, даровав ему 300 рублей. Дальнейшая жизнь Филиппа Ефремова сложилась благополучно. «По знанию бухарского, персидского и других азиатских

языков» он был принят в Коллегию иностранных дел, сопровождал бухарского посланника в Оренбург. В 1786 году назначен в Астраханскую портовую таможенную директором. В последующие годы Ефремов служил во многих городах страны – от Моздока до Одессы. Удостоился дворянства, женился, вырастил троих детей. В 55 лет в чине надворного советника получил 500 рублей пожизненного ежегодного пенсионера. Первое издание путевого дневника Ефремова вышло через три года после его возвращения. Называлось – «Российского унтер-офицера, а ныне коллежским ассессором Филиппа Сергеевича Ефремова девятилетнее странствование и приключения

Александр Андреевич Безбородко, видный государственный деятель времен Екатерины II и Павла I

В официальном описании герба Ефремовых записано о пленении и «свободном странствовании» родоначальника

в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим». Напечатано было «без согласия и ведома» автора, как потом утверждал Ефремов. В 1794 году уже сам Филипп опубликовал «новое исправленное и умноженное издание». Третье издание книги вышло в 1811 году в Казани усилиями литератора Петра Кондырева, им же и переделанное на основе бесед с автором. «Странствование» Ефремова было довольно популярно у публики, но к середине XIX века было совсем забыто. Так же, как и сам автор: последние годы жизни Ефремова, дата смерти, имена потомков преданы забвению. И все же судьба его «хождения» гораздо счастливее других первых русских путешественников в Индии. Афанасий Никитин умер, немного не дойдя до дома, а записки его были открыты только через 350 лет. Семен Маленькой, бывший с торговой миссией в Индии с 1698 по 1701 год, умер на пути домой, в Персии. О его дневнике ничего не известно. А Ефремов и на своем дворянском гербе оставил память: на щите герба изображена дорога и неутомимые серебряные ноги – символ невероятной одиссеи. ❀

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА СЧИТАЮТ САМЫМ ЗАГАДОЧНЫМ, САМЫМ СТРАННЫМ ПИСАТЕЛЕМ XX ВЕКА. НО ВЕРНЕЕ БЫЛО БЫ ЕГО НАЗВАТЬ САМЫМ СОСТРАДАТЕЛЬНЫМ И ЧЕЛОВЕЧНЫМ. ВПРОЧЕМ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ЭТИ СВОЙСТВА ДУШИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СТРАННЫЕ ДЛЯ СТОЛЕТИЯ, СОТРСАЕМОГО РЕВОЛЮЦИЯМИ И ВОЙНАМИ. КОГДА МАСШТАБ ИСТОРИИ ОКОНЧАТЕЛЬНО ЗАСЛОНИЛ ЧЕЛОВЕКА, ПЛАТОНОВ ВЫВЕЛ ЕГО НА СВЕТ БОЖИЙ, ОБНЯЛ И ПОЖАЛЕЛ.

КОГДА ВЕК XIX СОВСЕМ одряхлел, когда лето 1899 года отсчитывало последние дни, в Ямской слободе Воронежа в семье машиниста паровоза и дочери часового мастера родился перенец. Запись о крещении Андрея Платоновича Климентова

появилась в метрической книге 28 августа. Сам будущий писатель во всех анкетах указывал, что родился 1 сентября.

Пунктир детства также расплывчат в истории жизни. Факты: Андрей был старшим ребенком в семье, мать его, урожденная Лобочихина Мария Васильевна,

родила еще десятерых, выжить суждено было пятерым; отец, Платон Фирсович Климентов, был в городе уважаемым рабочим, о нем писали в местных газетах, называли изобретателем и рационализатором; собственного дома у семьи не было, снимали квартиры. Все прочее –

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТЯРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Андрей Климентов.
1910-е годы

интерпретации разной степени драматичности. Драматичность порой зашкаливает. Например, литературовед Владимир Васильев писал, что Платонов уже «в малолетстве испытал тяжесть нищенской сумки» и «непосильный, под стать заматеревшему мужику наемный труд».

За недостаточностью точных свидетельств о жизни писателя слишком велик соблазн восстановить детали по его прозе: по страшному рассказу «Семен», в котором на семилетнем мальчике лежит тяжкая обязанность заниматься младшими братьями и сестрами, отвлекать их от голода. По «Чевенгуру», где сирота Саша Дванов ходит с холщовым мешком для милостыни по дворам. Сам Андрей Платонович не особенно заботился о том, чтобы облегчить работу биографам. Он писал: «Жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности». В разное время он то вспоминал, как нестерпимы были голодные муки брата Пети, который ел огрызки яблок, то свидетельствовал, что сам в детстве не голодал. Противоречия. Все переплелось: и собственный опыт, и наблюдения впечатлительного ребенка.

Снова факты. В 7 лет Андрей Климентов пошел учиться в церковно-приходскую школу, после – окончил полный курс городского училища, который оплатили родители. Без сомнения, Андрей помогал матери с братьями и сестрами, не мог не помогать, мать он чуть ли не

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Большая
Девицкая улица
в Воронеже.
Начало XX века.
В 1920 году
на этой улице
жил Андрей
Платонов.
С 1990-го улица
носит его имя

Среди делегатов
губернского
съезда
журналистов.
1921 год

боготворил. Конечно, он помогал и отцу в обеспечении семьи: с 14 лет старший сын в семье занимался бумажной работой в страховом обществе и трудился помощником машиниста, с 16 – работал литейщиком на трубном заводе. Но родители едва ли требовали от сына огромных жертв. Можно говорить о том, что в юности будущий писатель много самостоятельно читал, ведь уже ранняя его публицистика наполнена отсылками к Ключевскому, Достоевскому, Розанову, Ницше, Шпенглеру, Фрейдю, Вейнингеру. А в стихах, которые, по собственному признанию, Платонов начал сочинять с 12 лет, даже невооруженным глазом видно влияние Фета, Блока, Некрасова. В 1918 году Андрей Климентов поступил в Воронежский университет на физико-математическое отделение, откуда вскоре перевелся на историко-филологическое.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РЕВОЛЮЦИЯ КАК СУДЬБА

Сегодня считается, что дебютировал Платонов в 1917 году с рассказом «Сережка». Рассказ этот совершенно изумительный – совсем короткий, но удивительно емкий и яркий, по-своему модернистский. С 1918 года Платонов сотрудничает с несколькими воронежскими газетами: публикует стихи, рассказы, рецензии, очерки и эссе. Над стихами молодого поэта часто иронизировали, проза порой вызывала бурю негодования, зато публицистике Платонова горячо поддержали. Летом 1919 года с мандатом «Известий» Воронежского губисполкома его откомандировали в деревню под Новохоперск для агитационно-просветительской работы. В революционную деятельность Платонов бросился со всем жаром души. «Мне сравнялось 19 лет, и столько же было XX веку, – вспоминал он, – во мне молодость, острота личной судьбы, а в мире одновременно революция». В 1920-м он написал заявление в РКП(б). Разумеется, его приняли.

Платоновская публицистика того времени страстная, огненная: с призывами к уничтожению врагов в духе позднего Горького, с богоборчеством в духе Ницше, с намерением разрешить наконец половой вопрос в духе... тут, кажется, уже в своем собственном

духе, но в активном переосмыслении идей Федорова, Вейнингера и Фрейда. Все это искренне – едва ли в таких вещах, как «Христос и мы» или «Душа мира», Платонов решал партийные задачи, скорее, он пытался распутать узлы собственной мятущей души. Богоборчество – это острое переживание утраты детской веры. «Отчего так тяжело? Отчего от пустяка возможна катастрофа всей моей жизни? – запишет Платонов на обороте одной из рукописей. – Господи Боже мой! Если бы Ты был, был, был, каким я знал Тебя в детстве? Этого нет, этого нет. Это я знаю наверное». А стремление упразднить пол и низкие влечения – это, пожалуй, от молодости, от бурления этих самых влечений, уводящих от более важного, настоящего.

В стремлении к этому важному разочарованный в созерцательности литературы Андрей Платонов бросает университет и идет учиться на электротехническое отделение Воронежского рабочего железнодорожного политехникума. Из-за разногласий в понимании этого важного Платонов ссорится с секретарем партийной ячейки и выходит из РКП(б). В жажде настоящего дела, потрясенный голодом в Поволжье, он становится мелиоратором и бросается в борьбу с засухой на Воронежской земле. По выражению Виктора Шкловского, он «хотел дать воду человеку и земле».

Все эти перемены, однако, не избавили Андрея Платонова от волнений сердца. В начале 1920-х развивается его бурный роман с Марией Кашинцевой: в апреле 1922-го они уже вместе живут, а в сентябре у них появляется сын Платон. Писать молодой инженер и глава семьи меньше не стал. В этот период печатается несколько рассказов, еще Андрей Платонович впервые замахивается на большую форму, но роман «Немые тайны морских глубин» так и останется незаконченным.

У здания электростанции в селе Рогачевка, построенной под руководством Андрея Платонова. 1925 год. В центре – А. Платонов, справа – М. Платонова, слева – П. Климентов (брат писателя)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Наконец выходит сборник стихов «Голубая глубина».

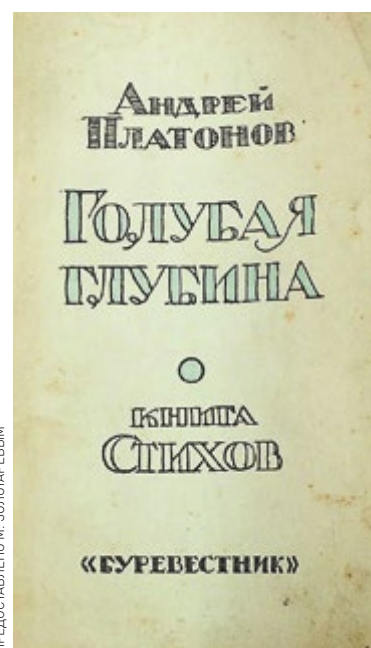
Поэзия Платонова – очень важный момент. К своему лирическому чувству Платонов относился с большим трепетом: долго пытался пристроить рукопись, настаивал, чтоб стихи публиковали без правок, терпел издевательские отказы издателей. При этом поэзию Платонова, наверное, нельзя назвать выдающейся с литературоведческой точки зрения (многое вторично, многое сыро), но она дает ключи к пониманию его прозы. Филологи, говоря о Платонове, неизбежно говорят о стилистике,

о языке, причем часто рассуждают так, будто это что-то отдельное, выработанное сознательным усилием, в то время как язык Платонова – это, может быть, только способ мировосприятия. Язык Платонова таков, потому что он так чувствовал и видел мир. Этот язык, хоть и подлинно поэтический, отчего-то совсем не согласуется со строгими формами стихосложения, он просто не покоряется этим формам. Вероятно, именно поэтому «Голубая глубина» – единственный поэтический сборник Платонова, позже художник полностью реализует себя в прозе.

Мария Платонова с сыном. Алушта. 1927 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги стихов А. Платонова «Голубая глубина» (Краснодар, 1922)

С женой
и сыном.
Коктебель.
1936 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЗРЫВ 1927-ГО

В 1926 году, устав от практического преобразования жизни, вновь почувствовав необходимость перемен, Платонов переезжает в Москву. Настоящее дело – это снова литература, настоящая жизнь – в столице.

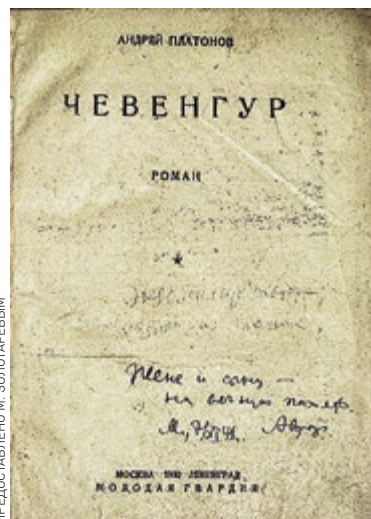
Переезжает Платонов все еще как инженер, как идущий на повышение советский служащий. Он избран в ЦК Союза сельского хозяйства и лесных работ. Но прослужил он менее месяца, а потом его, по собственному признанию, выгнали. Позднее писатель объяснит это внутренними интригами и своим неумением по неопытности их разглядеть: «Тут я встретился с такими удивительными людьми, часть были профессора, часть инженеры. Совершенно непонятно, как их терпели. Я сказал, что работа в таком виде совершенно ничемная, ненужная, сказал руководителям профсоюза». Терпеть не захотели Платонова. Ненужным оказался он сам.

Дальше безденежье, выживание семьи писателя из дома, голод, болезнь сына. Все, что предложила судьба в это время, – командировка в Тамбов для работы в прежней должности мелиоратора. В Тамбове навалилось все и сразу. На работе обстановка недружественная: склоки, интриги. Брак на расстоянии тоже, кажется, трещит по швам: Андрей Платонов отчаянно ревнует жену, жена – его. Усугубляет все проклятый, разорванный на два города быт. Платонов чувствует

страшное одиночество, злость на судьбу и страх не успеть в жизни что-то самое важное.

Именно здесь, в Тамбове, с писателем произошел странный, мистический случай. Проснувшись однажды ночью, он увидел за столом у печки, где обычно сидел, самого себя. Двойник сидел и, полуулыбаясь, быстро писал, не поднимая головы. Знак? Скорее, визуализация уже понятого и принятого – видение рождения великого писателя.

Платонов начинает все заново, ищет, пробует. Двигается на ощупь от пародийно-абсурдистской «Фабрики литературы» и едкого «Антисексуса» к странному, не похожему ни на что «Эфирному тракту». К слову, повесть эту писатель закончил в час ночи 1 января 1927 года. Закончил и заплакал. Переход совершился. Дальше – больше. Работа кипит: в январе Платонов пишет «Епи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный лист
верстки романа
«Чевенгур».
1930 год.

В СССР впервые
опубликован
в 1988 году

фанские шлюзы», в феврале – «Город Градов», весной – «Сокровенного человека». Наталья Корниенко, главный редактор академического Собрания сочинений Платонова, называет этот тамбовский период советского классика его «Болдинской осенью».

Со всем этим богатством писатель возвращается в Москву. В столице все по-прежнему очень зыбко, но все же Платонова печатают в «Молодой гвардии», выходит книга. Тогда же Платоновых окончательно выселяют из Центрального дома специалистов, несколько месяцев они живут в Ленинграде у отца Марии Александровны, еще какое-то время Платонов пользуется гостеприимством Пильняка. В этих условиях Андрей Платонович пишет «Ямскую слободу» и «Чевенгур» – вещи, в которых с огромной силой выплеснулись и впечатления детства, и тамбовская тоска, и московская неприкаянность. Вещи, в которых автор задается мучительными вопросами: чем стала революция в России, кому останется она, революция, когда народ погибает, что такое отдельный человек с его малостью и неприкаянностью в этой стихии?

Поражает, с какой наивностью и упорством писатель пытался эти работы опубликовать. Издать такое в молодой стране, в которой все только развивается и хорошеет, мыслимо ли? Георгий Литвин-Молотов из «Молодой гвардии», к которому обратился Андрей Платонович за помощью в издании и который не раз помогал Платонову в литературных делах, в замешательстве. Он понимает, каковы могут быть последствия, хочет уберечь товарища от опрометчивого шага. Горький, которому Платонов отправил рукопись «Чевенгура», отвечает, что изданию романа помешает «анархическое настроение» автора. И все же отрывки романа выходят в 1928 году в журналах – в «Красной нови» и «Новом мире». Критика молчит – не знает, как реагировать. Команда «бить» еще не дана.

УДАР

В 1929 году команду дал сам Сталин: он прочел вышедший в сентябрьском номере «Октября» рассказ Платонова «Усомнившийся Макар» и пришел в недоумение. Страна переживает «год великого перелома», а тут сомневающиеся, желающие, чтоб люди думали за себя сами, чтоб социализм строился не чиновничьими бумажками! Такая литература советской власти была не нужна. Публикация в «Октябре» была признана ошибочной – началась травля. Платонова обвинили в мелкобуржуазности и анархизме, припомнили ему сотрудничество с Пильняком, как раз в это время впадшим в опалу.

В Воронеже параллельно с этими московскими событиями разворачивается «дело мелиораторов». Многие работы по гидрофикации и электрификации, которыми руководил Платонов, объявили провальными. К началу 1930 года почти все бывшие коллеги Андрея Платоновича были под следствием и давали против него показания. Писателю грозила жуткая участь одного из своих героев – инженера Бертрана Перри из «Епифанских шлюзов». Сестра жены писателя Валентина Трошкина вспоминала: «Многие просто боялись с ними общаться, ждали, что Андрея вот-вот заберут».

Не забрали. Два процесса, в одном из которых Платонов фигурировал как литератор, а в другом как инженер, каким-то чудом не слились в одну катастрофу. «Дело мелиораторов» то ли по бюрократической неразберихе, то ли еще из-за какой фантастической путаницы обошло писателя стороной. А в литературе удар, как оказалось, был предупредительным. Все-таки пинали Платонова как своего, больше в назидание другим. Нужно было сделать правильные выводы.

От Платонова ожидали чего-то более ясного и громкого, героического. И в 1931 году он публикует в «Красной нови» бед-

С женой Марией.
Между 1939
и 1942 годами

няцкую хронику «Впрок», чем вызывает у Сталина уже настоящий приступ ярости. И следом – новую волну травли. В ту пору в ходу были покаянные письма. И Платонов тоже пишет, но его обращение к вождю, скорее, можно назвать объяснением. Не объяснительной, а именно объяснением. Так, изливая душу, пишут другу, брату или любимой женщине после

Обложка повести
«Епифанские
шлюзы»
(М., 1927)

размолвки. Платонов не был ни диссидентом, ни даже просто разочаровавшимся в социализме, о противоречиях и тяготах жизни в молодом Советском Союзе он писал с болью, опасаясь, что революция будет загублена бюрократией. Все это, кажется, и пытался объяснить Платонов Сталину. Он искренне уверял вождя, что хотел бы искупить свою вину перед советским обществом новой вещью, сообщал, что уже начал над ней работать.

По предположению исследователя творчества Платонова, Алексея Варламова, речь в письме шла о «Котловане»! Желать вписаться в новую, тоталитарную, тотально идеологическую, античеловеческую действительность и работать над «Котлованом» – каково?! Для Платонова противоречий здесь не было. Позже он объяснял: «Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего».

Таковыми же страшными, как и «Котлован», оказались написанные в это же время пьеса «14 красных избушек» и повесть «Ювенильное море». Изображаемая автором реальность такова, что в ней колхозников наказывают за килограмм пшеницы, голодают и умирают дети, мать предлагает использовать тело своего мертвого ребенка в качестве приманки для рыб («Наука говорит, что мертвые не чувствуют ничего»), а секретарь гуртовой партиячейки достает для совхоза кровельное железо, расплавиваясь своим телом и абортom. С этим писатель всерьез рассчитывает вернуться в советскую литературу. И рассчитывает весьма деятельно: он отправляет рукописи издателям. Писателя игнорируют. В архивном фонде «Художественной литературы» сохранилась

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тверской бульвар в Москве. 1930-е годы. С 1931 года и до своей смерти в доме №25 жил писатель

рецензия О. Резника на «Ювенильное море»: «Отдельные недостатки и язвы нашего аппарата, отрицательные явления жизни столь выпячены, что в общем создают картину сплошной бракованности всей системы. <...> Об издании данной вещи не может быть и речи».

Долгое время после выхода злополучной бедняцкой хроники у Платонова не издавалось ничего. Он писал критику Леопольду Авербаху, который его поносил в газетах, не раз обращался за помощью к Горькому, который порой даже не удоставлял ответом. Платонову нужно было как-то жить, содержать семью, но и не только, ему важно было чувствовать себя нужным, иметь право называть себя советским писателем, работать и видеть результаты своей работы. Он тяжело переживал, когда его отталкивали, когда ему не верили.

А ему не верили. Теперь уже известно, что с 1930 года Андрей Платонович находился под наблюдением ОГПУ–НКВД–НКГБ. Весной 1934-го на писателя поступило такое вот донесение: «Платонов считает, что Сталин должен в частности прекратить «поток холуйского славо-

словия» по своему адресу. <...> Надо добиваться развития серьезной литературы, честной и прямой. Теперь, когда все процессы являются высочайшим трагическим напряжением, литература должна быть криком, должна обнажать сущность вещей». Говорил ли Андрей Платонович именно так, с уверенностью сказать нельзя: сообщение осведомителя ОГПУ – это даже хуже, чем прямая речь в мемуарах. Но говорить он так мог. Во всяком случае, именно так он поступал – обнажал в своей прозе суть вещей.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ, СВОЙ – СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Это кажется невероятным, но в начале 1934 года власть вновь решила дать писателю шанс: в феврале в журнале «30 дней» напечатали рассказ «Любовь к дальнему», в марте Платонова включили в писательскую бригаду для поездки в Туркмению. От коллег-писателей Платонов в этой командировке сразу откололся: ему стыдно участвовать в обильных трапезах, в то время как здешний народ живет в скудости, ему не по душе праздное времяпрепровождение в стране, где человек каж-

дый день вынужден бороться с пустыней и жарой, с жестокостью и невежеством других людей.

По возвращении Андрей Платонович, как всегда, много работает: пишет рассказы, повесть «Джан», работает над романами «Македонский офицер» и «Счастливая Москва». Опубликовать удалось только рассказ «Такыр», за который автора вновь раскритиковали и вновь перестали какое-то время печатать. То, что казалось оттепелью, обернулось новыми заморозками.

В 1936-м Платонов начал сотрудничать с «Литературным критиком», там под псевдонимом Ф. Человеков он публикует рецензии и литературоведческие эссе. Платоновские взгляды на литературу и братьев по перу так же своеобразны, как его проза. Ко всем начинающим, незаметным, ищущим себя Платонов-критик снисходителен, считая, что «лучше писать рассказы, чем хулиганить в подворотне». А вот с литературными авторитетами не церемонится: Толстого ругает за пренебрежение к правде народной жизни, Грина упрекает в бегстве в фантазии и сны, Пришвина – в «елейной сентиментальности».

В мрачном 1937-м Платонов заключает со «Знаменем» и «Советским писателем» договор на роман «Путешествие из Ленинграда в Москву». Для работы над этой вещью писатель повторяет знаменитый путь Радищева. «Вижу много хорошего <...> народа, – пишет Андрей Платонович жене. – Народ весь мой бедный и родной. Почему, чем беднее, тем роднее? Ведь это же надо кончать. <...> В школу ходят не все за отсутствием одежды-обуви». Да, судьбу этой работы после таких-то впечатлений, да еще учитывая репутацию автора, можно было предсказать заранее. Но рукопись избежала даже мытарств по издательствам, она была утеряна в 1941-м во время эвакуации семьи в Уфу.

СЫН ЗА ОТЦА

Настоящее горе в семье Платоновых случилось в 1938 году: арестовали 15-летнего сына Платона. Сначала Тоша просто пропал, Андрей Платонович искал его по больницам и моргам. Позже через Фадеева семья узнала, что сын под следствием, что он будто бы являлся участником молодежной фашистской организации, планирующей свержение советской власти. Приговорили к десяти годам. Абсурд. Дикость. Но в то время – в порядке вещей.

Был ли связан арест сына с деятельностью отца? Едва ли. Ждали ли наверху от Платонова покаяний и отречений? Пожалуй. Но порадовать «отца народов» у Платонова не получилось: можно переступить через гордость, но не через любовь. «Мне кажется, что плохо, если отказывается отец от сына или сын от отца, – писал Платонов вождю. – Я от сына никогда не могу отказаться, я не в состоянии преодолеть своего естественного чувства к нему. Я считаю, что если сын виновен, то я, его отец, виновен вдвое <...> меня надо посадить в тюрьму и наказать, а сына освободить. Сын мой ведь всего подросток».

Письма Сталину – а их было несколько – Андрей Платонович передавал через Шолохова. Автор «Тихого Дона» хлопотал как только мог. Обращались к власти и представители Союза писателей, и врачи, следящие за состоянием несовершеннолетнего Платона в тюрьме. Тотика вытащили через два с половиной года. Он вернулся с поорванным здоровьем и в тяжелое время – перед войной. Жизнь уже не сулила ему ничего хорошего. Платон успел жениться, стать отцом и в 1943 году умер от туберкулеза.

ВОЙНА. ПУТЕШЕСТВИЕ В АД

Записная книжка Платонова за 1941 год открывается пометкой: «Я живу, можно сказать, плохо. Но это ничего: я привык жить плохо. Жив – и ладно. Больше я ничего и не имею,

На фронте

С женой и сыном. Надпись на фото: «Последняя фотография с сыном перед отправкой Платонова на фронт. Москва, 1942 г., ноябрь»

Книга рассказов Платонова «Броня». 1942–1943 годы

художественных замыслов самого упаднического характера. Но почти ничего из того не будет осуществлено. Зачем? Все равно не напечатают. Помимо прочего задумывается роман «Путешествие в человечество». Если бы это путешествие на бумаге все-таки свершилось, думается, для читателя это стало бы самым настоящим путешествием в ад. И едва ли в то время и в таком состоянии Андрей Платонович смог бы осветить этот ад, как всегда у него получалось, нежностью своего сердца и самой высокой поэзией. Не потому ли, щадя своего сокровенного читателя, Платонов выбрал молчание?

Но писатель все еще хочет быть полезным стране и через это, конечно, своей семье: ему остро необходимы как для физического выживания, так и для душевного равновесия публикации и вообще работа. Только в июле 1942-го Платонов наконец-то попадает в качестве военного корреспондента на фронт. Зачислили, как сам он говорил, в «команду выздоравливающих».

Рассказы теперь выходят один за другим – страшные, жуткие, но и пронзительные. Очередное литературное воскрешение Платонова случилось после принятия в печать разрывающего сердце рассказа «Броня». В нем есть эпизод, где женщина носит хоронить отравленных немцами младенцев, продол-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С женой и дочерью Машей.
1950 год

жая при этом с ними разговаривать и петь им леденящие кровь колыбельные: «Жили-были люди, // Померли все люди. // Нарожались черви...» Это ад, но его устроил враг – значит, ужас уместен и даже необходим. Если в описание ужаса проникает вдруг какое-то религиозное чувство, как во «Взыскании погибших», то это тоже теперь ничего, ведь и для Сталина все теперь братья и сестры.

Платонов на фронте не работает – он живет. Живет на износ души, пропуская через сердце страдания измученного русского народа. Сослуживцы Платонова вспоминали, как после боя он мог броситься к убитым и целовать их в губы.

В июле 1944-го Андрей Платонович возвращается домой. Или правильнее сказать, его возвращают, доставляют буквально на носилках: у него тяжелый туберкулез, каверны в легких, кашель с кровью.

«НАШЛИ СЕБЕ ВРАГА»

Казалось бы, мирное время, новые надежды – жить бы и процветать семье. В семье как раз в октябре родилась дочь Маша. Но ведь на счастье нужны силы. И хоть небольшая благо-

склонность судьбы. А больной и ослабший Андрей Платонович вновь попал в немилость советской власти. На этот раз, последний уже в его биографии раз, его предали литературной анафеме за рассказ «Возвращение» – в «Новом мире» он вышел под названием «Семья Иванова». Горькую, но при этом трогательно-светлую историю про запутавшихся людей объявили клеветой на советскую семью, «дурной достоевщиной». Сохранившиеся донесения в НКГБ того времени свидетель-

На крыльце главного корпуса туберкулезного санатория «Высокие горы». Москва. 1948 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В гостях у Л.И. Гумилевского. Конец 1940-х годов

ствуют о крайне тяжелом, отчаянном душевном состоянии Андрея Платоновича. «За что вы меня преследуете? Вы, вы все? – восстанавливает речь писателя осведомитель. – Товарищи – я знаю, преследуют из зависти. Редакторы – из трусости. Их корчит от испуга, когда я показываю истинную русскую душу, не препарированную всеми этими азбуками коммунизма. <...> Нашли себе врага в лице писателя Платонова! <...> мне трудно. У меня туберкулез второй степени, я харкаю кровью. Живу материально очень плохо, а нас 6 человек (с семьей проживали отец и теща Андрея Платоновича, а также его внук. – Прим. авт.), работник я один, все малые и старые. Я устал за войну. Меня уже кроют и будут крыть все, что бы я ни написал».

Несмотря на болезнь, Платонов продолжал писать рассказы и пьесы, но хоть что-то зарабатывать удавалось лишь обработкой народных сказок. Писатель обращался к Жданову и Фадееву, просил помощи в издании прозы, но Фадеев мог предложить лишь пособия из Литфонда. Писатель умирал медленно и мучительно, не только страдая физически, но и бесконечно переживая за близких, которых ему суждено оставить.

Андрей Платонович Платонов умер 5 января 1951 года. Похоронен 7 января, в воскресенье, на православное Рождество. ❀

ВСТРЕТИМСЯ У ГОСТИНОГО

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ БЕЗ ЗДАНИЯ ГОСТИНОГО ДВОРА НЕ ПРЕДСТАВИТЬ. ХОТЯ ОН НЕ БЫЛ ПЕРВЫМ В ПЕТЕРБУРГЕ, ДО НЕГО БЫЛО ПОСТРОЕНО ПЯТЬ ГОСТИНЫХ ДВОРОВ. ОДНАКО ОН СТАЛ ПЕРВЫМ КАМЕННЫМ И САМЫМ БОЛЬШИМ ПО ПЛОЩАДИ – КРУПНЕЙШИМ НА ТОТ МОМЕНТ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

Словосочетание «гостинный двор» сложилось еще в допетровской Руси

СЕГОДНЯ ГОСТИНЫЙ Двор популярен не столько как торговый комплекс, сколько как место встречи: здесь находится вестибюль одноименной станции метро. Обычно там играют музыканты, промоутеры экскурсионных бюро раздают листовки, фланируют туристы – в общем, жизнь кипит. Причем снаружи универмага более бурно, чем внутри. Гостинный Двор вытянут более чем на километр, но здание при этом смотрится компактно, строго и элегантно. Поскольку Гостинный «раздается и в ширину, и в высоту», над ним всегда видно небо, и не обязательно серое, перед ним – открытое пространство. А в былые времена там, где нынче бульвар с липками и лавочками, ездили кареты и стояли извозчики.

БОЛЬШОЙ И КАМЕННЫЙ

В 1735 году купцы, торговавшие в гостином дворе на Санкт-Петербургском острове (кстати, первом построенном в городе в 1705 году), подали в Сенат челобитную с просьбой позволить устроить лавки на Большой першпективной дороге, как тогда называли Невский проспект.

В том же году императрица Анна Иоанновна не отказала. Место под лавки в указе определялось так: «От Адмиралтейства к Невскому монастырю, по правую сторону першпективной дороги...» Здесь решено было построить каменный гостинный двор, а купцам разрешили временно обосноваться на участке Невского, примыкающем к нынешней Садовой улице, пока не будет утвержден проект гостиного двора. Так на месте будущего каменного торжища появились деревянные лавки. Их начали строить в 1737 году, уже после страшного пожара, опустошившего столицу годом ранее. В июле 1748 года появился указ императрицы Елизаветы Петровны о строительстве на том же месте каменного гостиного двора. Первый проект был разработан архитектором Антонио Ринальди, но споры о том, кто будет финансировать строительство, в итоге похоронили стройку. Та же судьба постигла проект, разработанный в 1757 году Франческо Растрелли: из-за дороговизны купцы отказались его финансировать. Третий проект гостиного двора, разработанный архитектором Жаном-Мишелем Батистом Валлен-Деламо-

том, был утвержден в мае 1761 года. Строили долго – 24 года. Открылся Гостинный Двор лишь в 1785-м. Здание было возведено в форме неправильного четырехугольника, расположеном проспектом, Садовой улицей, Чернышевским переулком (ныне улица Ломоносова) и Гостиной (ныне Думской) улицей. Позднее, в 1780-е, по проекту архитектора Джакомо Кваренги со стороны Гостиной улицы и Чернышева переулочка и по Екатерининскому (ныне Грибоедова) каналу был построен Малый Гостинный Двор, а в 1797–1798 годах между Гостиным Двором и городской думой был воздвигнут Перинный ряд. Сразу же после открытия каменный Гостинный Двор на Невском проспекте был назван Большим. – Это первое здание в Петербурге, построенное в стиле строгого классицизма, – рассказывает заведующий культурным центром ОАО «Большой Гостинный Двор» Нина Арсентьева. – А через столет, когда наступила эпоха модерна, фасад был видоизменен по проекту Альберта Бенуа. До 1954-го он оставался в таком виде, пока не решили сделать реконструкцию, после чего на базе Гостиного Двора открыли универсальный магазин. Изначально по плану Деламота на каждом этаже было 148 магазинов. Когда в XX веке Гостинный Двор перестраивали, внутренние залы объединили. А внешний облик вернули к первоначальному. Гостинный Двор имеет четыре линии, которые раньше носили иные названия. Невская была Суконной, Садовая – Зеркальной, Ломоносовская и Перинная назывались Малой и Большой Суровскими – в честь города Сурожа (Судака), откуда привозили колониальные товары. На Суконной линии торговали тканями, там же располагались офицерские магазины и книжные лавки. На Зеркальной – посудой. В XVIII веке Гостинный был не только местом торговли, но и клубом по интересам и ярмаркой невест. Крытые галереи

Гостиного Двора в строящемся городе притягивали публику. До постройки Пассажа в 1848-м Гостиный Двор был элитным магазином. Там торговали дорогими товарами: золотыми и серебряными изделиями, зеркалами, мехами, тканями, фарфором, кружевами, книгами. А вот продукты, кроме чая и кофе, не продавали. Тут были и узкоспециальные магазины: для кормилиц, кучеров, лакеев, лиц духовного звания. В Перинные ряды шли за изделиями из пуха и перьев. Во внутреннем каре располагались оптовые магазины. Малый Гостиный Двор должен был повторять облик Большого Гостиного Двора, там находились лавки с мебелью и интерьерными товарами.

В ЛАВКАХ

«Молодцы» – так называли гостинодворских зазывал или сидельцев. Они заманивали покупателей в лавки. Зычный голос и терпение – нужно было сидеть весь день у лавки и выкрикивать требуемое – неприменные профессиональные требования. Сидельцев и мальчиков звали по имени, вспоминает публицист Фаддей Булгарин. А вот приказчиков – по имени-отчеству. Причем хозяева предпочитали нанимать холостых приказчиков.

Этикет был грубоват: позволялось схватить потенциального клиента под локоть и увлечь в лавку под уговоры: «Хоть посмотрите, какой у нас товар». Мужика зазывалы называли «купцом», солдата – «кавалером», молоденькую горничную – «умницей».

Интересно, что свою карьеру в Гостином Дворе начинали некоторые известные люди. К примеру, будущий актер Алексей Яковлев служил у своего опекуна-купца зазывалой, потом завел собственное дело, но чах в лавке. Чтобы скоротать время, Яковлев декламировал... трагедии. За этим занятием застал его один из директоров Ассигнационного банка, тайный советник Николай Перепечин. Зоркий глаз мецената рассмотрел талант мо-

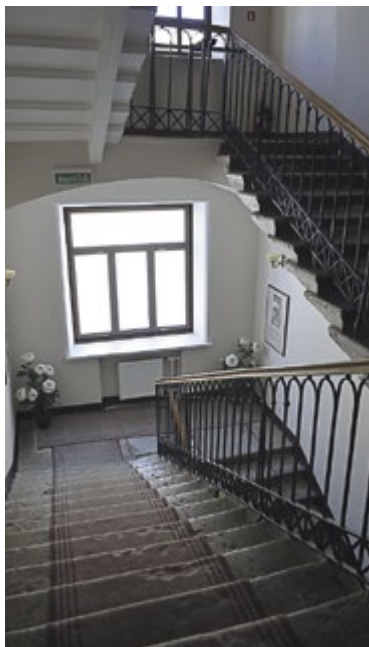

В 1998 году на втором этаже Гостиного Двора разместилась галерея высокой моды

лодого купца, который вскоре оставил торговую службу и стал актером. В 1870-е помощником управляющего бумажным складом, контора которого находилась в Гостином, служил будущий писатель Всеволод Гаршин. Торговля в лавках велась весь год, приказчики и купцы не отдыхали и по воскресеньям. Обедать бегали в соседние трактиры. Пили чай вприкуску, или, на языке гостинодворцев, «с угрызением». Окрестные трактиры

продавали кипяток для чая. Многие купцы обедали у себя в лавках, а некоторые укладывались после обеда поспать. Проснувшись, отпирали лавки.

Газовое освещение появилось в Петербурге (на Дворцовой площади, Невском проспекте и прилегающих улицах) еще в 1830-е. Введение газового освещения в Гостином Дворе смущало торговцев, поскольку они привыкли работать только до сумерек, к тому же сильно опасались пожаров. В лавках было холодно. Ведь вплоть до 1840-х, когда были изобретены относительно безопасные способы отопления и освещения, помещения Гостиного не разрешалось ни отапливать, ни освещать (при этом почти в каждой лавке были выведены дымовые трубы). И для персонала, и для посетителей такие условия были более чем суровы. Малый Гостиный Двор до распространения парового отопления никогда не отапливался. Бытописатель Михаил Пыляев пишет, что гостинодворцы, чтобы скоротать время, играли в шашки – около каждой лавки стояла скамья, на середине которой рисовали «шашельницу». Хорошая тренировка смекалки и хитрости.

Лестница в храм Серафима Вырицкого и музея

ПАСТЬ В НОГИ ИСАКОВУ

В Гостином Дворе в XIX веке было много книжных магазинов. Одним из старейших книготорговцев Гостиного Двора был Яков Алексеевич Исаков – личность легендарная и весьма интересная. В 12 лет его отец, столяр Охтенских адмиралтейских поселений, пристроил сына мальчиком в лавку Панькова, торговавшего иностранными книгами. Спустя шесть лет, в 1829 году, «мальчик» вы-

купил лавку у своего хозяина за 1500 рублей ассигнациями. В борьбе с конкурентами Исаков пошел самым простым путем: резко снизил цены на иностранные книги, после чего его лавка не знала отбоя от покупателей. В его магазин навдывались даже Пушкин с князем Вяземским. Бывали здесь и другие литераторы. Кроме того, Исаков открыл при своем магазине библиотеку, а затем стал торговать и русскими книгами.

Единственная лестница, ведущая на второй этаж Гостиного Двора с улицы

Инструкция по управлению Гостиным Двором хранится в Музее истории купечества

С 1841 года Исаков стал еще и издателем: он издавал детские книги, учебные пособия, книготорговые каталоги, а также атласы Юлиана Симашко – едва ли не лучшие атласы того времени. Но, пожалуй, главное дело его жизни – издание собрания сочинений Александра Сергеевича Пушкина. Если говорить точнее, он трижды издавал шеститомное собрание сочинений «солнца русской поэзии». К тому же это именно Исаков в 1858 году вместе с товарищем и секундантом Пушкина на дуэли Константином Данзасом отправился на Черную речку. Результатом стала заметка о месте дуэли с приложением точного плана местности. Правда, вышла она в газете «Голос» только в 1880 году. А в 1863 году Исаков издал брошюру «Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина». Неслучайно в 1870-е в переписке двух современников один из них писал другому: «Исакову лет 70. Если узришь его, пади ему в ноги. Он знал Пушкина и пивал с ним вино кометы». В XIX веке пиар-менеджеров не было, но пиар, понятное дело, существовал. Стараниями журналистов. Вот и Фаддей Булгарин,

«поэт лавок», поспособствовал. Он знал гостинодворскую жизнь изнутри и подношениями купцов не брезговал. Потому его фельетоны о Гостином, мягко говоря, флюгерные – от мадригалов до филиппик. Он написал о магазине купца Исакова в Гостином Дворе как о «настоящем чуде» и сделал реверанс скромности купца, после которого читатель должен умилиться и немедленно отправиться в его лавку: «Вообразите, что он до сих пор даже не хотел пустить объявление в свет о своем магазине».

«МАВРИКИЕВА КАМОРКА»

В 1840-х годах управляющим у Исакова был еще один легендарный книготорговец и издатель – Маврикий (Болезлав Мауриций) Осипович Вольф. В 1853 году он уже создал свою фирму – «Универсальную книжную торговлю М.О. Вольфа». Магазин этого купца второй гильдии располагался правее лавок Исакова, почти у центрального входа в Гостиный Двор.

Маврикий Вольф, которого Николай Лесков называл «царем русской книги», был крупнейшим петербургским книготорговцем и издателем. Первую же

Перинная линия и Музей восковых фигур

изданную им в 1853 году книгу, «Общедоступную механику», ждал небывалый успех. Вскоре издатель обзавелся собственной типографией, а затем и словолитней. Чуть позже открыл свой магазин в Москве.

Нельзя обойти вниманием и другую сторону издательской деятельности Вольфа: в 1861 году он начал выпускать журнал «Вокруг света», с 1863-го – ежемесячные «Библиографические известия» и детский журнал «Забавы и рассказы». В 1864 году приступил к изданию журнала «Заграничный вестник». Он издавал ежемесячное издание «Картинные галереи Европы», организовал журнал для семей-

ного чтения «Задушевное слово». А в 1870 году начал выпускать справочную газету, где печатались афиши, реклама и объявления о работе.

Во второй половине 1870-х годов у Вольфа в Суконной линии происходили регулярные собрания литераторов, известные в мемуарной литературе под наименованием «почти-клуб» или «Маврикиева каморка». Здесь собирались Лесков, Гончаров, Григорович, Салтыков-Щедрин, Майков, Полонский, Минаев, Случевский. Во время своих приездов в Петербург почти непременно заходили Островский, Писемский, Мельников-Печерский. Как-то раз появился даже

Восстановительные работы Невской линии после Великой Отечественной войны

Катков. Бывал в «почти-клубе» и Достоевский.

О том, что после возвращения из-за границы в 1871 году Достоевский комплектовал свою библиотеку, приобретая книги в том числе и в магазине Вольфа, свидетельствует в своих мемуарах его жена, Анна Григорьевна. Она упомянула, как однажды в рождественскую ночь ее муж «похвалился <...> новой, сегодня купленной у Вольфа книгой, очень для него интересной, которую собирался ночью читать». Федор Михайлович заходил в магазин Вольфа не только как покупатель. В 1870-е годы между Достоевским и Вольфом установились деловые отношения: в «Универсальной книжной торговле» в Суконной линии Гостиного Двора продавались «Бесы», «Идиот», «Записки из Мертвого дома», позднее – «Дневник писателя» и «Братья Карамазовы».

ГОСТИНОДВОРСКИЙ МАРКЕТИНГ

Быт и нравы гостинодворцев весьма колоритно воссоздает очерк «Гостинный Двор», написанный Фаддеем Булгариным в 1843 году. «Слово «рынок» на гостинодворском языке уничижительное – кустарный товар или попорченный», – объясняет Булгарин. И пишет: «Только начинающие или те, которым не по-

счастливилось «расторговаться» (что на гостинодворском языке означало «разбогатеть»), сосредотачивают все свое имущество в двух лавках. Настоящие аристократы Гостиного Двора почитают лавку свою только вывескою образцов товаров, а дела ведут на стороне».

Гостинный Двор в прямом смысле ярмарка тщеславия, где провинциальная барыня с претензиями вмиг становится добычей хищных лавочников. Типичную

Арки
Ломоносовской
линии

Колокола
храма Серафима
Вырицкого,
вид на Академию
музыки Елены
Образцовой

ситуацию описал Булгарин, а читатель, помнящий современные рынки 1990-х, возможно, заметит сходство коммерческого стиля. «Только для вас», «такого товара нет в целом ряду-с», – услужливо жужжат мальчишки, а приказчики обступают и водят вокруг нее хороводы. И выйти из маркетингового дурмана без покупки сложно. Цена сбита, и покупательница рада, но не догадывается, что барыш купца – 50 процентов, притом что ее обмерили на полтора аршина. И все потому, морализаторствует Булгарин, что барыня выбрала лавку, где принято торговаться, не представляя себе иного стиля торговли. Купцы, видя опытного покупателя, в подобные игры с ним не играли.

В 1846 году писатель Егор Расторгуев издает «Прогулки по Невскому проспекту». «Снаружи он <Гостинный Двор> полон богатств <...>. Но высшая и богатая публика мало его посещает, – сообщает он. – Петербургские господа и госпожи приезжают сюда только по расчетам экономии». Расторгуев писал, ссылаясь на болгаринскую «Северную пчелу» 22 марта 1844-го, что лучшие магазины Невского находятся на солнечной (то есть левой, если смотреть от Адмиралтейства) стороне Невского. Гостинный – на правой.

Мемуарист сокрушается снобизмом дам, которые гонятся за иностранными товарами и конфузятся признаться, что вещь куплена в Гостином. Расторгуев убежден: многие товары отечественных фабрик не уступают по качеству заграничным. Он критикует дедовские обычаи торговли: заманивать покупателя в темную лавку, чтобы он не смог рассмотреть товар, запрашивать втридорога, а потом вопреки божбе отдавать товар ниже цены, будто бы себе стоящей. Показывать хороший товар вместе с худым, подменять хороший худым, выдавать русское за иностранное и так далее.

МУЗЕЙ И ЦЕРКОВЬ

Музей истории купечества Санкт-Петербурга и России размещается в здании, построенном в 1869 году специально для комитета по управлению Большим Гостиным Двором и Перинной линией. Здесь проходили заседания и располагался гостинодворский староста. В комитет выбирали трех самых уважаемых купцов – на три года с правом дальнейшего переизбрания. Гостинодворским старостой был, как правило, разорившийся купец, работал он за зарплату. В его подчинении была артель из 50 сторожей. Принимали сюда только тех, кто имел билет проживания в Петербурге. Учитывая, что в Петербурге было 20 процентов постоянного населения, остальные – приезжие, отбор был строгим.

– К 300-летию Петербурга сделали выставку, посвященную купечеству города, – говорит Нина Арсентьева. – Решили создать музей истории купечества. С музеем открыли храм Серафима Вырицкого в этом же здании в 2014-м. В Гостином Дворе своей церкви никогда не было, но дело в том, что здесь начинал свою трудовую деятельность в одной из лавок Василий Николаевич Муравьев, который станет почитаемым в Петербурге святым – Серафимом Вырицким. Он родился в 1866 году в Ярославской губернии, в 9 лет остался сиротой. Его привезли в Петербург. Начав с мальчишка на побегушках, он сделал удивительную карьеру. В 17 лет стал первым помощником хозяина – старшим приказчиком в пушной лавке. Хозяин предложил молодому человеку стать компаньоном, а у того были свои планы на жизнь: он хотел уйти в монастырь, но духовник сказал, что его место в миру. Василий женился, начал свое дело. К концу XIX века стал купцом второй гильдии, входил в пятерку самых известных и богатых меховщиков Петербурга. В 1920-м вместе с женой принял постриг. Коммерсанты считают его своим покровителем.

В храме
Серафима
Вырицкого

Идея создать музей купечества принадлежит руководству Гостиного Двора. Музей, по сути, отдел Гостиного Двора и занимает два небольших зала. Экспонаты приносили в дар экскурсанты, что-то покупали в скупке. Пока экспозиция скромна. Фарфоровая посуда фабрики братьев Корниловых, швейная машинка, ножи для резки бумаги, обувь, косметика, советские купюры, униформа сотрудников универмага. На стене музея оставлен фрагмент родной кладки здания. Это единственное сооружение того времени, которое было построено по распоряжению Екатерины II без применения дерева.

Фото о. Серафима
в Музее истории
купечества

XX век Гостиный Двор пережил тяжело. Заколоченные витрины, брошенные во время революции 1917-го лавки. С 1918 по 1922 год, пишет Игорь Богданов в книге «Большой Гостиный двор в Петербурге», в Гостином торговле не было. Во время Великой Отечественной войны Гостиный сильно пострадал: фугасная бомба разрушила 10 секторов корпуса. В 1942-м из-за попадания зажигательных бомб более недели горели Невская и Перинная линии. Каменные стены выстояли. В 1954-м Совет Министров решил на базе Большого Гостиного Двора открыть первый в Советском Союзе внедренный универсальный магазин. Реставрировали Гостиный Двор восемнадцать лет. На галереях теперь можно пройти свободно, а в советское время там выстраивались хвосты очереди за дефицитом. Сейчас это представить сложно, как и историю с золотым кладом, который случайно нашли в полу Гостиного Двора во время реконструкции 26 октября 1965 года. Некоторые гостинодворцы не были уверены, что власть большевиков продлится долго, потому схоронили сбережения прямо в лавках. Во время реконструк-

ции Гостиного Двора строители взломали пол в помещении №87 на углу Садовой и Ломоносовской линий. В одном из кирпичей что-то заблестело. Золото червонное – 8 кирпичей, общий вес которых 128 килограммов. Выяснилось, что до революции в ремонтируемых помещениях находился ювелирный магазин братьев Морозовых, поставщиков двора Его Императорского Величества.

ГЕРОЙ НА ГАЛЁРЕ

Гостинный Двор многократно ометился в русской литературе. Пригожий Улиан из повести «Лафертовская маковница» Антония Погорельского служил «сидельцем в Суконном ряду». «Денег у него больших нет, зато жалованье получает изрядное, и кто знает, может быть, хозяин когда-нибудь примет его в товарищи!» – шептала о нем соседка влюбленной Маше. Не зря шептала.

Цензура запретила в повести «Нос» Гоголя сцену встречи майора Ковалева с Носом в Казанском соборе, где Нос набожно молился. И в прижизненных изданиях эта встреча произошла в Гостином Дворе. А в 1917 году советские издатели по рукописи восстановили пассаж про Казан-

ский собор. Так что Нос – молится, а майор Ковалев в Гостином бегаёт по лавкам. А вот Агафья Пшеницына из «Обломова» по лавкам Гостиного, скорее всего, ступала степенно – она там башмаки заказывала, что говорит о ее достатке. Герои Достоевского часто навещали в Гостинный Двор. В повести «Двойник» в первый день событий в Гостинный заезжает Голядкин. Бродит под арками Гостиного Двора Лебядкин в «Бесах»... Гостинный Двор оживал не раз и в поэзии: у Некрасова, Саши Черного, Ольги Берггольд...

В советский фольклор Гостинный вошел как «антропологический» герой. На «галёре» вечно

Немало героев русской литературы бродило по аркам Гостиного Двора

Музей истории купечества Санкт-Петербурга и России при Гостином Дворе

толклись фарцовщики, мошенники облапошивали приезжих. *На галёре облом, а на центре без лоха не купишь Кренделей и лимонов, и локти понтуются тонко.*

Это цитата из стихотворения Евгения Мякишева «Тусовка» 1986 года. «Прямой перевод» примерно такой: «На галерее Гостиного Двора на сей раз продавца наркотиков найти не удалось, а в других известных местах центра города купить желаемое удалось бы только при помощи случайного человека, поскольку только у него нет следов уколов». Смысл в том, что в этих всем известных местах всегда было много милиционеров, которые отлавливали наркоманов, а на галерее Гостиного Двора тусовалось много спекулянтов самого разного рода.

Сегодня слово «галёра» мало у кого вызовет ассоциации с Гостинным Двором, который народ по-свойски зовёт «Гостинкой». Забыта «стена плача» – длинный забор вдоль Невской линии в 1990-х, возле которой старушки продавали «оппозиционную» прессу и книги. Забора нет, идеологическая уличная торговля подувала, но не исчезла. А встречи «у Гостинки» по-прежнему популярны. 📍

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СПОРТИВНЫЙ ХАРАКТЕР

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

СОРОК ЛЕТ НАЗАД В МОСКВЕ ПРОХОДИЛИ ЛЕТНИЕ XXII ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ. ЭТО БЫЛА ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ОЛИМПИАДА, ПРОВЕДЕННАЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРАНЕ. НЕЗАДОЛГО ДО ЕЕ НАЧАЛА НЕКОТОРЫЕ СТРАНЫ ПО ПРИЗЫВУ США ОТКАЗАЛИСЬ ЕХАТЬ В МОСКВУ В ЗНАК ПРОТЕСТА ПРОТИВ СОБЫТИЙ В АФГАНИСТАНЕ...

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ В Олимпиаде-80 приняло участие более 5 тысяч спортсменов из 80 стран. Советские спортсмены завоевали 195 олимпийских медалей, в том числе 80 золотых. В составе сборных СССР по разным видам спорта выступали лучшие спортсмены советских республик. Не остались в стороне и Прибалтийские республики, делегировав в советскую сборную на XXII Игры своих спортивных

звезд, блиставших в баскетболе, волейболе, гандболе, гребле, плавании, легкой атлетике, парусных гонках. Только от одной Латвии на Олимпиаду-80 в Москву отправились 13 спортсменов, с помощью которых СССР завоевал золото в баскетболе (женщины), волейболе (мужчины), легкой атлетике (метание копья) и в олимпийских соревнованиях по парусному спорту, проходивших в это же время в Таллине. Сегодня имена олимпийских чемпионов и призеров Латвии

увековечены в Латвийском национальном музее в Риге. Здесь выставлены не только медали олимпийцев, но и их форма, наградные кубки, дипломы, сувениры, фотографии...

Самих чемпионов – участников Московской Олимпиады застать дома можно далеко не всех: кто-то переехал в другие страны, а кто-то уже покинул наш мир... Но мне повезло: неподалеку от меня в Юрмале уже много лет живет знаменитый волейболист, звезда некогда самой популярной в Латвии волейбольной команды «Радиотехник» Павел Селиванов, более пятнадцати лет игравший в составе сборной СССР. Павел Селиванов – двукратный чемпион мира и победитель Кубка мира, четырехкратный чемпион Европы, чемпион СССР, заслуженный мастер спорта СССР, неоднократный призер Спартакиад народов СССР, победитель Игр доброй воли, а также обладатель серебряной медали Олимпийских игр в Монреале (1976 год) и золотой – Олимпиады в Москве.

В свои 67 лет чемпион находится в отличной форме. Сегодня Павел работает тренером в рижской волейбольной спортшколе

и тренирует сборную женскую команду Латвии. В 2014 году он был награжден орденом Трех Звезд 4-й степени. Это высшая государственная награда Латвии.

ЖАРКИЙ ИЮЛЬ 1980-ГО

Мы сидим в Юрмале, пьем ароматный кофе и вспоминаем такой же жаркий июль 1980-го. Вся страна тогда следила за развитием событий на Олимпийских играх в Москве.

Павел Селиванов находился тогда в самой гуще событий, но, как он заверяет, по поводу бойкота Игр со стороны США и некоторых стран сборная СССР по волейболу особо не переживала.

– А нам-то чего было переживать? – вспоминает Павел. – В Москву на волейбол приехали практически все сильнейшие команды мира, – говорит чемпион Олимпиады-80. – Атмосфера была нормальная. Итальянцы приехали, поляки, немцы, румыны, болгары... Американцев не было? Но их тогда и не могло быть на Олимпийских играх, они же только в 1979 году начали играть в волейбол. Первый раз американцы у нас выиграли партию на первенстве мира в 1982 году в Аргентине. Партию! Нашими главными соперниками с давних пор были поляки, вот с ними играть было сложнее всего. Классная команда была! На предыдущей Олимпиаде, в Монреале, они нас обыграли, потом мы у них чемпионат Европы выиграли, затем снова они у нас выиграли. Так и шли – ноздря в ноздю. Но вот что интересно: при этом именно с поляками мы больше всего дружили вне спортивной площадки. И кстати, до сих пор дружим. Переписываемся, в гости друг к другу ездим... В Москве с поляками мы играли в разных подгруппах, но в финал в итоге вышли болгары и мы. Игра была ровная, честно сказать, ничем особым не запомнилась. Сборная СССР выиграла со счетом 3:1, завоевав олимпийское золото.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НЕ СПУГНУТЬ УДАЧУ!

Старшим тренером мужской сборной СССР по волейболу тогда был легендарный Вячеслав Алексеевич Платонов, именно под его руководством команда выиграла Олимпийские игры. Московская Олимпиада была первой победной в жизни Платонова. До этого советские волейболисты неизменно побеждали во всех турнирах, в которых участвовали, в том числе и в первенстве мира по волейболу. А вот на Олимпийских играх нашим ребятам упорно не везло, в последний раз олимпийское золото советским волейболистам удалось выиграть только в 1968 году в Мехико. А дальше... как будто их кто-то слазил. Понятно, что уж в Москве выиграть нужно было во что бы то ни стало. Это все сознавали. И волновались, естественно.

Спустя сорок лет после Московской Олимпиады чемпион Павел Селиванов по-прежнему в отличной спортивной форме. Юрмала. Лето 2020 года

Волейбольная команда «Радиотехник» дала главный старт будущему игроку сборной СССР. Рига. 1975 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Тренер, конечно, тоже волновался, хотя этого не показывал. Ребята его уважали и слушались беспрекословно, между собой называя Платоном. Почти за месяц до Игр он строго-настрого запретил всей команде стричься до окончания олимпийского турнира. Причем не только игрокам, но и медикам, и массажистам, и тренерам. Чтобы не спугнуть удачу! Поэтому на пьедестале почета наши волейболисты стояли совсем не посоветски длинноволосыми...

1 августа 1980 года в 21 час 24 минуты игроки сборной СССР стали олимпийскими чемпионами. По словам Павла Селиванова, восторг они при этом испытали невероятный!

В волейбольной советской сборной Селиванов был единственным игроком из Латвии, долгие годы он по праву считался одним из лучших принимающих подачи в команде.

Среди выдающихся игроков той сборной Павел упоминает знаменитого Вячеслава Зайцева из Ленинграда – семикратного чемпиона Европы, который 17 раз входил в списки сильнейших игроков СССР, а в 2013 году был принят в Зал волейбольной славы в США как один из лучших волейболистов XX века. В команде его, естественного, звали Зайцем. Еще одна звезда волейбола в личном списке Селиванова – центральный блокирующий Александр Савин, 13-кратный чемпион СССР из Обнинска, тоже вошедший в американский Зал волейбольной славы. Главного нападающего в сборной все ласково называли Слоном. Наверное, из-за двухметрового роста. Я, конечно, поинтересовалась у Павла, как его называли в команде.

– В рижском «Радиотехнике», где я играл, какого-то прозвища у меня, пожалуй, и не было, – пожал плечами Павел. – А вот в сборной меня почему-то все звали Пантелеем. Даже не знаю почему! Кто-то придумал, и это прозвище ко мне прилепилось. Но я и не возражал – Пантелей так Пантелей...

«ЭТО БЫЛА КЛАСНАЯ ШКОЛА»

Павел Селиванов из обычной семьи, причем совсем не спортивной: отец – инженер, мама – домохозяйка. В волейбол он начал играть еще в школе.

– Вся наша жизнь – это цепь случайных совпадений, – после третьей чашки кофе философски заметил Павел. – Правильно играть в волейбол меня еще в детстве научил мой первый тренер, Валдис Лавринович, за что я ему очень благодарен. Это такая игра, что если ты не можешь подавать мяч и принимать подачу, то – все, играть вообще не сможешь. А подачи с каждым годом становились все сложнее и сложнее. Меня потом и в сборную-то взяли благодаря этим навыкам.

Вторым его тренером, о котором он тоже вспоминает с большой теплотой, был общепризнанный мэтр латвийского волейбола Зигисмунд Григолюнович.

– Это был невероятный целеустремленный человек, он везде старался меня впихнуть, куда только можно, – с улыбкой вспоминает Павел, который теперь и сам опекает своих подопечных. – Какая-то сборная команда к нам приезжает, и, если там вдруг образуется свободное место, он меня всеми правдами и неправдами туда буквально силой заталкивает. И у него все получается! К примеру, я даже не смотрел в сторону «молодежки» СССР, понимая, что мне до них как до Луны. Но Григолюнович каким-то чудом устроил-таки меня туда на стажировку – попробовать. И это была классная школа!

Затем в 1972 году Селиванов попал в крепкую рижскую волейбольную команду «Радиотехник» при одноименном заводе. Как пришел на пробы, так и остался здесь на 15 сезонов – до 1987 года. Пока на пенсию не ушел! С 1978 по 1987 год команда единогласно выбирала его своим капитаном. В составе «Радиотехника» он и стал чемпионом СССР (1984), чемпионом и неоднократным призером Спартакиад народов СССР. В 1975–1986 годах Селиванов неизменно выступал в соста-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Сборная СССР по волейболу. Стоят (слева направо): Вильяр Лоор, второй тренер Владимир Паткин, Владимир Дорохов, старший тренер Вячеслав Платонов, Павел Селиванов, Юрий Панченко, Олег Молибога. Сидят: Валерий Кривов, Вячеслав Зайцев, Владимир Чернышов, Федор Лащёнов, Владимир Кондра. Лежат: Александр Савин, Александр Ермилов. Москва. 1980 год

Заветная олимпийская медаль Селиванова сейчас хранится в Латвийском музее спорта

ве сборной СССР на всех официальных соревнованиях.

Вспоминая Московскую Олимпиаду, Павел высоко оценивает уровень организации быта спортсменов – комфортные условия проживания в Олимпийской деревне, удобные залы для тренировок, усиленное питание. Но кроме тренировок и соревнований, они в Москве почти ничего не видели – ни открытия Олимпийских игр, ни их торжественного закрытия с улетающим в небо олимпийским Мишкой. Такова уж судьба профессиональных спортсменов, хотя в советские годы нельзя было говорить, что это и есть твоя основная работа. Приходилось выдумывать, что трудятся на заводе или на фабрике. А в свободное время бегают в спортзал – потренироваться перед очередным чемпионатом. От политических спекуляций и шумихи, по словам Селиванова, их всегда прикрывал Вяче-

слав Платонов – по всеобщему признанию, лучший волейбольный тренер XX века (в 2002 году включен в Зал волейбольной славы в США. – Прим. авт.). Своих ребят он никому в обиду не давал. Правда, в Москве никаких неприятностей у советских игроков не было. А вот до этого с провокациями Павлу Селиванову сталкиваться доводилось.

– Как раз перед Московской Олимпиадой мы играли турнир в большом спортивном зале в Бельгии. В какой-то момент на трибунах вывесили плакат с надписью «Свободу странам Балтии!», – вспоминает Павел. – Но мы на это вообще никак не отреагировали и продолжали бить по мячу. И тут прямо на наше поле кто-то бросил взрывпакет! Ну, я, недолго думая, схватил этот пакет и... перебросил его на площадку противника, в угол, где никого не было. Бахнуло там довольно громко, но никто не пострадал. Мне дали желтую карточку, и игра продолжилась.

Через четыре года в ответ на бойкот Московской Олимпиады Советский Союз отказался принимать участие в Олимпиаде-84, которая проходила в Лос-Анджелесе. Тренер волейбольной сборной Вячеслав Платонов был единственным, кто не побоялся публично высказаться против этого решения властей, считая, что успешное выступление

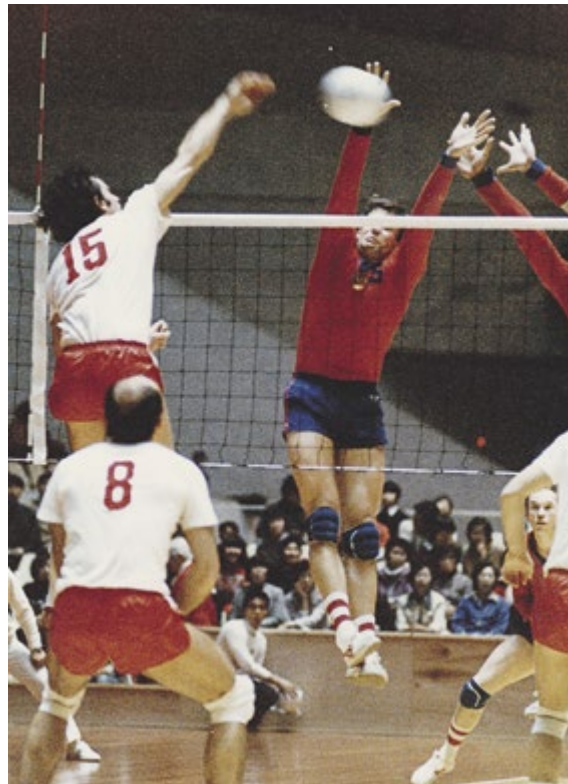
ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

на Олимпиаде принесло бы стране гораздо больше пользы, чем бойкот. Его команда была готова сразиться с любым противником и повторить свой успех. Но... В итоге советские спортсмены поехали только на турнир «Дружба-84», в котором участвовали социалистические страны, а также спортсмены из Японии, Франции, ФРГ, Швеции, Великобритании, Канады, Испании, Италии...

«МЫ БЫЛИ САМЫЕ ВЕЛИКИЕ»

Я интересуюсь у олимпийского чемпиона, не получал ли он, став знаменитым спортсменом, «неприличные» предложения от иностранцев.

– Один раз в Америке было дело, – с улыбкой признается Павел. – В 1975 году мы играли в Мэдисон-сквер-гарден – это самая большая крытая спортивная арена в Нью-Йорке. Вы не поверите, но тогда мы могли себе позволить играть против американцев даже без пасующего игрока. И с легкостью их обыгрывали, против нас они были нулевые. Америка еще только создавала свою профессиональную волейбольную лигу. А мы уже были самые великие! Американцы переманили к себе двух лучших игроков из Польши. Я их хорошо знал, вот они мне и предложили остаться

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в Америке и вместе играть в новой лиге. Я отказался, дело не дошло даже до обсуждения суммы контракта. У меня в Латвии осталась семья – жена, сын, родители. Я знал, что для них это может обернуться большими неприятностями...

Но, положив руку на сердце, надо признать, что советские спортсмены у себя на родине не были

В 1970–1980-е годы советским волейболистам на европейских площадках равных не было

В составе сборной команды СССР по волейболу Павел Селиванов играл под номером 8

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

обделены благами. За ту же Олимпиаду-80 Селиванов, как и другие наши чемпионы, получил 4 тысячи рублей, победа на чемпионатах мира приносила им каждый раз по 1500 рублей, кроме того, зарплата – 600–800 рублей в месяц, что по тем временам было совсем неплохо. «Конечно, мы были привилегированной частью общества, в этом плане жаловаться нам было не на что», – подтверждает знаменитый волейболист.

Павел Селиванов считает себя патриотом Латвии, но, между прочим, он один из немногих латвийских спортсменов, кто в прошлом году публично высказался в поддержку российской олимпийской сборной, которую обвиняли в употреблении допинга. «Конечно, поддержал, а как же иначе? – говорит Павел. – Это же было совершенно несправедливо! Накажите виновных, но за что остальных спортсменов отстранять? Это все равно как всех беженцев называть террористами. Я против такого нечестного подхода».

Свои олимпийские медали и спортивные дипломы многократный чемпион Европы и мира уже давно передал в местный Музей спорта. Говорит, иконостас дома сооружать не собирается. «Я не считаю себя героем, спорт – это просто моя работа, – объясняет Павел. – Хотя если бы звезды по-другому сложились, был бы, наверное, как и мой отец, радиоэлектронщиком. Все-таки в свое время я окончил Рижский политехнический институт, причем учился и сдавал все экзамены по честному, без скидок на спортивные достижения».

В подтверждение своих слов бывший студент РПИ на протяжении нескольких минут без запинки перечисляет мне имена и фамилии своих институтских профессоров, а также предметы, которые он у них изучал почти полвека назад, и оценки, заработанные на экзаменах. Как потомственный гуманитарий, простите, воспроизвести эту часть его рассказа не рискую, но – уважаю. Вдвойне. 📖

ПОМОРСКИЙ «ПИЛИГРИМ»

АВТОР

ДМИТРИЙ ЗЛОДОРОВ [ВАШИНГТОН]

ОКОЛО ТРЕХ ЛЕТ НАЗАД РОССИЙСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК СЕРГЕЙ СИНЕЛЬНИК ВМЕСТЕ С ЖЕНОЙ МАРИНОЙ И СЫНОВЬЯМИ-ПОДРОСТКАМИ СВЯТОСЛАВОМ И ЯРОСЛАВОМ ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ ПО ВСЕМУ СВЕТУ НА ПОМОРСКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ ЛАДЬЕ «ПИЛИГРИМ» – КОПИИ СУДНА XVIII ВЕКА.

ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ «Пилигрим» добрался до Америки и перезимовал недалеко от Вашингтона, пока экипаж готовился к новому этапу в России. Зимовка затянулась из-за коронавирусной инфекции.

Синельник планировал вернуться в США и возобновить плавание еще в марте, но из-за карантина и закрытых границ приехать смог лишь в конце мая. И только в конце июня Сергей смог возобновить путешествие. Семья в этот раз осталась

дома. Из-за пандемии к Сергею не смогли присоединиться и опытные путешественники из других стран, которым не удалось получить американские визы: консульства США их пока не выдают. Так что мореплаватель набрал команду из энтузиастов, что называется, на месте. Но, как известно, нет худа без добра. Синельник обрел новых друзей среди русских американцев – таких же энтузиастов, как и он сам. Из них и набирается новая команда «Пилигрима». Сергей благодарит всех тех, кто помогал ему в ремонте судна, снабжении припасами, оплате стоянки – это несколько десятков человек. Путешественник признает, что назвать всех не получится, а забыть и обидеть кого-то не хочется.

Подготовка к спуску на воду заняла более месяца, сначала нужно было «подтянуть» простоявшую на суше несколько месяцев ладью. «Деревянное судно нельзя долго держать

Сергей Синельник ставит парус на «Пилигриме»

МИХАИЛ ТУРГИЕВ/РИА НОВОСТИ

на берегу, оно начинает рассыхаться, – объясняет Сергей. – Мы две недели потратили только на то, чтобы дерево «напитать» водой. Снаружи поставили садовые распылители, а внутри клали на обшивку мокрые полотенца». За это время на борту «Пилигрима» побывало около 200 человек. Приезжали из Вашингтона, Балтимора и других городов посмотреть на диковинное судно. Их не смущало даже то, что стояло оно на ремонтной базе и, чтобы оказаться на палубе, требовалось вскарабкаться по высоченной лестнице».

«ИЗ ВАРЯГ В ПЕРСЫ»

У кругосветного плавания «Пилигрима» есть предыстория. Сергей уже давно ходит под парусами, за его плечами много тысяч морских миль на яхтах и судах разного типа. Однако плавание на деревянной ладье, по его словам, это особенное ощущение. «Деревянное судно – это как будто живой организм, здесь своя жизнь. Когда я впервые прочувствовал это – был поражен, так что теперь мне уже непросто плавать на других лодках», – признается он. Синельник уверен, у деревянных судов особая философия и теплота. «Здесь своя атмосфера, живой

«Пилигрим»
на стоянке

материал, поэтому когда мы приходим в тот или иной порт, то порой даже на берег выходить не хочется», – отмечает он.

До «Пилигрима» в жизни Сергея была ладья «Русич», которую они с братом-близнецом Александром и друзьями построили по образцу новгородской ладьи X–XII веков. На ней ребята ходили к берегам Австралии, и это было, можно сказать, первой частью нынешнего путешествия. «На «Русиче» мы прошли до Южной Тасмании. А сначала у нас был путь «из варяг в персы» – от Онежского озера до Каспийского моря, о котором мы написали книгу», – говорит Сергей. Путь из «варяг в персы» в древности был таким же важным, как и путь из «варяг в греки»: по нему наши предки с севера добирались до знаменитого Шелкового пути.

Это было первое путешествие Синельников на деревянной ладье. Вместе с ними шли друзья: исторические реконструкторы Олег и Лариса Калеткины, академик Российской академии наук Андрей Богданов и другие. Помощником капитана был Илья Подгорных, а по берегу, параллельно движению ладьи, около тысячи километров по степной и полупустынной зоне Поволжья шел конный отряд Павла Болдорера.

После похода «из варяг в персы» три года готовились к следующему путешествию. Новую экспедицию на «Русиче» братья посвятили знаменитым русским путешественникам – Афанасию Никитину и Николаю Миклухо-Маклаю. «Мы дошли до Шри-Ланки, а потом отправились в Австралию», – говорит Сергей. Потом, по его словам, преодолели Бассов пролив и добрались до Тасмании.

Естественно, во время стоянок в портах российские путешественники пользовались повышенным вниманием публики. Например, в тасманской столице Хобарте на крупнейшем в Южном полушарии фестивале деревянных кораблей «Русич» окружила настоящая стена из любопытствующих.

Сергей
Синельник
с сыновьями
Ярославом
и Святославом
на борту ладьи
«Пилигрим»

МЧС ВОЛНУЕТСЯ

Синельник не устает повторять, что «Пилигрим» строили с Божией помощью и всем миром. Помогали члены команды, друзья, коллеги. «В строительстве нам помогли и русские, и новозеландцы, и австралийцы, которые ходили с нами в плавания прежде, и наши соотечественники за рубежом», – рассказывает Сергей. Многие были доделаны или приобретены уже в пути.

Прототипом «Пилигрима» стала ладья «Преподобный Зосима», которая в конце XVIII века ходила от Соловецких островов до Архангельска. Строили «Пилигрим» на базе морского клуба «Полярный Одиссей» в Петрозаводске у известного корабеля Виктора Дмитриева (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2019 год, статья «Мечта адмирала». – Прим. ред.). Естественно, сделать точную копию древней ладьи сейчас невозможно. Например, братья Синельник и их товарищи склепали свой корабль медными гвоздями, тогда как древние поморы, работавшие только топором, для тех же целей использовали пропитанный смолами еловый корень.

«Из ребят, которые ходили с нами в плавания прежде, образовался морской клуб «Пилигрим», они помогают собирать снаряжение и средства. Оказывает поддержку и Федор Конюхов – наш друг и учитель. У нас на борту солнечные батареи с воздушного шара, на котором он пролетел вокруг света, его спасательный жилет и GPS», – рассказывает Сергей. Кстати, с Конюховым связан один забавный эпизод. Знаменитый путешественник отдал Сергею свой спасательный буй, но забыл предупредить, что он с воздушного шара, который зарегистрирован в Великобритании. В подмосковной электричке Синельник, видимо, случайно задел тестовую кнопку, и сигнал пошел на Туманный Альбион. В результате британская береговая охрана сообщила российскому МЧС, что Конюхов терпит

ФОТО АВТОРА

Сергей Синельник с женой Мариной и членами и гостями экипажа «Пилигрима». США. 2019 год

бедствие на воздушном шаре под Москвой. Наши спасатели связались с путешественником, а тот, в свою очередь, позвонил Сергею: «Ты уж привези мне буй обратно, а то МЧС волнуется».

ПОЛЕ НАДЕЖДЫ

Кто-то по сарафанному радио назвал плавание «Пилигрима» молитвенным. Сергей по этому поводу слегка смущается: «Это сильно сказано – ну какие из нас молитвенники. Мы несем православную культуру». Он напоминает, что поморы издревле ставили поклонные кресты в тех местах, где бывали. Один из них был обнаружен на Шпицбергене, и надпись на нем гласила примерно следующее: «Кто бороздит моря, тот вступает в союз со счастьем, ему принадлежит мир, и он жнет, не сея, потому что море есть поле надежды». «Это говорит о том, что наши предки любили море, не боялись его. Мы по мере сил пытаемся продолжить эту традицию», – отмечает Сергей. Мореход уверен, в море без молитвы нельзя, и напоминает по-

словицу: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился».

Он вспоминает, как несколько лет назад в плавании на «Русиче» после выхода из Джибути подхватил острый отит. На тысячу миль вокруг никого не было, имевшиеся антибиотики не помогли. Сергей чувствовал себя очень плохо, но помощи ждать было неоткуда. И тогда он попросил: «Господи, помоги!» На следующий день на горизонте неожиданно появился корабль. Путешественники включили радию и услышали вопрос на русском языке: «Вы что тут делаете?» Оказалось, моряки с российского спасательного судна «Светлогор», шедшие своим курсом, увидели вдали родной флаг и пошли навстречу ладье. Они передали посылку с медикаментами и бензин для генератора. Сергей говорит, что подобных случаев в его жизни немало: «Были моменты, когда погибал и ангелы несли на руках». Например, несколько лет назад Сергей с братом Александром проехали по всем континентам на мотоциклах «Урал». В север-

ФОТО АВТОРА

ной Кении их поджидала встреча с пиратами, в Сахаре потеряли друг друга в пустыне, но затем чудесным образом встретились. А был момент, когда мотоцикл потерял управление и летел метров 150, но никто не пострадал...

МУЗЕЙ НА БОРТУ

Путь «Пилигрима» «из варяг в Штаты» начался около трех лет назад из Петрозаводска. Сначала была стоянка в Эстонии, затем в Финляндии, Дании, зимовка в Германии, где русской ладье на пять месяцев дали бесплатный причал. После этого были Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия, Канарские острова, Кабо-Верде, Карибские острова. И везде «Пилигрим» принимал участие в различных фестивалях, регатах, смотргах. На его борту побывали тысячи людей, получивших возможность прикоснуться к русской культуре.

Путь был трудный и занял больше времени, чем планировалось. Свой рубикон Синельник вместе с семьей перешел в начале прошлого года в районе Ка-

нарских островов. Оттуда пути назад уже не было. «Ты понимаешь, что если пойдешь дальше – то вернуться уже нельзя: пассаты дуют с северо-востока на юго-запад, и путь только один – через океан», – говорит Сергей. В тот момент Сергей шесть суток делил ночные вахты с супругой, а сыновья брали на себя основную работу днем.

В каютах «Пилигрима» размещен музей изделий народного промысла, выставка макетов, диорам, фотографий и поделок старинного деревянного судостроения и русского зодчества,

Сергей Синельник у руля «Пилигрима» на стоянке близ Вашингтона. Лето 2019 года

Музей русского деревянного зодчества на борту «Пилигрима». Лето 2019 года

размещена коллекция моделей русских исторических лодок, информационный щит знакомит посетителей с историей и культурой России. «Везде распиарены викинги, но люди не знают о наших традициях мореплавания, – сокрушается Синельник. – Например, когда мы на «Русиче» были в Австралии, все говорили: O, Viking boat! А я не уставал повторять, что это русская ладья и русичи еще до викингов ходили в Средиземное море».

В прошлом году путешественников очень тепло приняли прихожане русского православного храма в городе Джексонвилл (штат Флорида), в Чарлстоне (штат Южная Каролина) и в Йорктауне (штат Вирджиния). Местные русские общины помогли с причалом, в окрестностях Вашингтона эту миссию взяло на себя посольство России в США. Впрочем, американцы тоже поддерживают русских мореплавателей. Как только «Пилигрим» пристал к берегу в американском Форт-Лодердейле, хозяин соседней лодки помог в решении вопросов с иммиграционной службой.

В Йорктауне, неподалеку от которого расположена военная база, посмотреть на ладью пришла целая группа курсантов. Их командир сказал, что изучает русский язык и хотел бы, чтобы его подопечные поближе познакомились с русской культурой. О планах Сергей пока предпочитает не говорить: ситуация из-за пандемии такая, что все может измениться в любой момент. Изначально экипаж планировал идти на Великие озера, однако один из шлюзов на пути пока закрыт. Кроме того, путешественникам надо продлить разрешение на пребывание в водах США. Синельник намеревается пройти по Великим озерам до Чикаго или Дулута. После чего, по всей вероятности, ладью придется перевозить по суше до Западного побережья. По оценкам капитана, «волоку» займет в общей сложности более полутора тысяч километров. Однако пока это мечты и планы. ❧

МОДНИЦЫ И ЩЕГОЛИ ПРОШЛОГО

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

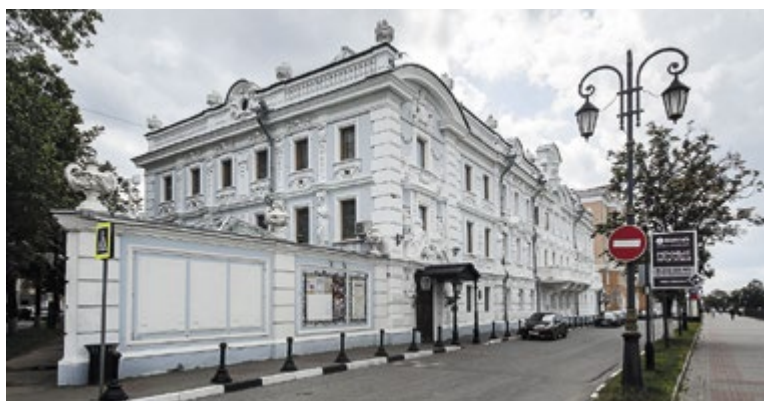
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ИСТОРИЯ ЭТОЙ ВЫСТАВКИ НАЧАЛАСЬ С САМЫХ ОБЫЧНЫХ ПУГОВИЦ, КОТОРЫЕ ПРИНЕСЛИ В НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК НАСЛЕДНИКИ МЕСТНОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА. ПРЕДСТАВИТЬ ПОСЕТИТЕЛЯМ В ПРЕДДВЕРИИ ЖЕНСКОГО ПРАЗДНИКА 8 МАРТА ЭКСПОЗИЦИЮ ТОЛЬКО ИЗ РАЗНООБРАЗНЫХ ЗАСТЕЖЕК СОТРУДНИКАМ МУЗЕЯ ПОКАЗАЛОСЬ НЕДОСТАТОЧНО. И ТОГДА ВОЗНИКЛА ИДЕЯ ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ ЕЩЕ И САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ТКАНИ И КОСТЮМЫ ИЗ ОБШИРНОГО МУЗЕЙНОГО СОБРАНИЯ, СОЗДАННЫЕ ИЛИ БЫТОВАВШИЕ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В XVIII–XX ВЕКАХ. ВЫСТАВКУ НАЗВАЛИ «ТЕКСТИЛЬ И СТИЛЬ».

МЕСТО ДЛЯ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ ИЗ ВСЕХ МУЗЕЙНЫХ ПЛОЩАДОК ВЫБРАЛИ НЕ СЛУЧАЙНОЕ – усадьба Рукавишниковых. Залы роскошного, несколько лет назад отреставрированного особняка как нельзя более подошли для показа текстильных сокровищ. Возведенный в 1875–1877 годах по страстному мечтанию одного из представителей знаменитой династии нижегородских купцов, Сергея Михайловича Рукавишниковова, помпезный дворец, украшенный кариатидами и атлантами, гордо возвышается на Верхне-Волжской набережной. В начале XX века мечты отца о великолепном доме-дворце описал в своем нашумевшем романе «Проклятый род» его сын, поэт-символист Серебряного века Иван Рукавишников: «...будущий дом его, велик и пре-

красен. Тысяча каменщиков будут строить его. Чертежи-планы из Москвы и из Петербурга. И будет дом – дворец. И во дворце сто комнат. И зала в два света. И лестница-мрамор – какого нет нигде. <...> Пусть со всей Волги полюбаваться съезжаются. Где стоять дворцу тому? Не в улице же узкой, где дома по обе стороны. Давно решил, что здесь, на набережной...»

После революции, весной 1918 года, Иван Рукавишников вместе с братом Митрофаном занимался организацией в бывшей родовой усадьбе краеведческого музея, ставшего впоследствии главным зданием Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ). С момента основания и поныне усадьба Рукавишниковых привлекает восторженные взгляды горожан и гостей города.

Усадьба Рукавишниковых – дом-дворец на Верхне-Волжской набережной

ИЗ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ

Выставка со звучным названием «Текстиль и стиль» разместилась в пяти залах старинного особняка, последовательно рассказывая о текстильной истории Нижегородского края. В начале экспозиции можно увидеть самые древние предметы из представленной коллекции. Это облачения священнослужителей, предметы церковного обихода, в основном поступившие из ликвидированных в 1920-е годы храмов и монастырей Нижнего Новгорода и губернии. «Красивый саккос середины XVIII века из коричневого шелка, затканый пестрыми цветами и золотыми листьями, происходит из Спасо-Преображенского кафедрального собора, взорванного в 1929 году. Он находился на территории Нижегородского кремля, а в советское время на его месте было построено здание Дома Советов. Две роскошные фелони из цветного бархата родом из красивейшего Ворсменского Островоезерского монастыря и Благовещенского монастыря Нижнего Новгорода», – рассказывает заведующая отделом истории НГИАМЗ Татьяна Александровна Кузьмина.

Примечательно, что изначально саккос символизировал собой одежду скорби и покаяния и изготавливался из самой грубой власнищы. Само же слово в переводе с иврита значило «мешок, одежда из мешковины, рубище». Однако еще с византийских времен саккосы стали шить из богатых тканей, а правители нередко награждали ими священнослужителей. Представленные на выставке облачения сшиты из дорогостоящих и роскошно декорированных шелков, парчи, бархата как российского, так и западноевропейского производства. Рядом можно увидеть образцы подобных тканей XVIII–XIX веков, украшенные серебряными и золотными нитями.

Есть в собрании музея (находится на реставрации. – Прим. авт.) и особо ценный экземпляр. «Это саккос, по легенде, сшитый из наряда императрицы Екатерины II, который она подарила од-

Фелонь из бархата изумрудного цвета с золотным шитьем (Россия. XVIII–XIX века) и стихарь церковнослужителя детский из коллекции фотографа А.О. Карелина

ному из священнослужителей во время своего визита в Нижний Новгород в 1767 году», – говорит Татьяна Александровна. Такая практика дарения одежды с царского плеча в церкви и монастыри, а затем повторного использования дорогостоящих тканей для изготовления облачений церковнослужителей была широко распространена в прошлые века. О том, как выглядели оригинальные власнищы для умерщвления монашеской плоти, мож-

но узнать, рассмотрев на выставке замечательный экземпляр из конского волоса, происходящий из коллекции Андрея Осиповича Карелина, известного нижегородского художника и фотографа второй половины XIX века. Карелин прославился постановочными фотографиями, за которые неоднократно получал награды в России и за рубежом. Для их создания он нередко использовал предметы старины, особенно костюмы, из собранной им

Ленты-закладки книжные. Россия. XIX век

И СВЕТСКИЙ, И НАРОДНЫЙ

Следующая экспозиция рассказывает о светских и традиционных народных костюмах, бытовавших в XVIII веке на территории Нижегородского Поволжья. Одним из самых первых поступлений музея в 1896 году, когда он назывался еще по-другому – Нижегородский городской художественный и исторический музей – и находился в Дмитровской башне кремля, стал роскошный мужской комплект из вышитого камзола и кюлот. Подобные костюмы сохранились в собраниях главных музеев Санкт-Петербурга и Москвы, из чего можно понять, что нижегородское дворянство старалось не отставать от столичных модников и следовало общепринятым тенденциям придворной моды. Этот костюм екатерининских времен шит из шелка, изготовленного на российских шелкоткацких фабриках. К концу XVIII века они уже успешно производили отечественный шелк, практически не уступающий по рисунку и качеству западным аналогам.

Большинство изумительных вышитых тканей, размещенных в виде панно на стенах в этой части выставки, музейщики достали из так называемого «шереметевского комода». Это реальный предмет мебели из Юринского замка нижегородских дворян Шереметевых, чья обширная коллекция почти в полном составе поступила в музей после революции.

В музейной мизансцене, посвященной XVIII веку, помимо тканей и костюма привлекает внимание занятая скульптурная группа мейсенского фарфора «Портной графа Брюля, едущий на козле». Она рассказывает веселую историю о портном, пожелавшем поужинать с королем, и остроумном графе, придумавшем, как исполнить желание своего портного, мастерство которого он высоко ценил, но при этом не нарушить придворный этикет. Как гласит история создания популярной

обширной коллекции. Наиболее ценные ее экземпляры в 1929 году были переданы его сыном в музей.

Настоящей жемужиной этой части экспозиции является недавно отреставрированная митра. Ее нашли в одном из захоронений Спасо-Преображенского кафедрального собора в удручающем состоянии. По сути, она представляла собой комок из остатков газета, золотой вышивки, икон-«дробниц», бисера и металла. Реставратору фондов музея «Усадьба Рукавишниковых» Светлане Калашниковой пришлось приложить немало усилий и потратить много времени, чтобы бережно отделить сохранившиеся элементы и затем укрепить их на специальном реставрационном шелковом газе.

Совершенно удивительным текстильным памятником является представленная на выставке книга на ткани «Описание Эфесской иконы Богоматери Одигитрии, переписанное с древнего холста старицей Шарпанской обители Евдокией», относящаяся к 1910-м годам. Написанная чернилами по холсту, рукопись рассказывает о

чудотворной иконе, скопированной с древнего списка и хранившейся в старообрядческом Шарпанском скиту. Упоминается в ней и о «разорителе скитов Мельникове», которого многие знают как известного нижегородского писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского, автора книг «В лесах» и «На горах». Привлекают внимание в экспозиции и искусно сделанные, украшенные золотым шитьем старообрядческие бархатные четки – лестовки. Из названия несложно догадаться, что они символизируют собой лестницу духовного восхождения с земли на Небо. В той же технике золотой вышивки оформлены и книжные закладки.

Шелковый саккос из Спасо-Преображенского кафедрального собора Нижнего Новгорода. Середина XVIII века

Образцы российских и западноевропейских тканей XVIII–XIX веков

с XVIII века скульптурной миниатюры, граф вышел из положения, взяв с собой во дворец фарфоровую скульптуру своего протеже. Вероятно, такая статуэтка украшала собой гостиную кого-то из нижегородских дворян, отличавшихся хорошим чувством юмора.

Однако центром притяжения в этом зале почти для всех посетителей музея является витрина с красочными традиционными костюмами разных народов, проживавших в XIX веке на Нижегородской земле. Легко узнаваем русский девичий костюм села Безводное из шелкового сарафана, расшитой золотной вышивкой епанечки, которую в местной традиции называют «кафтанчик», рубахи-рукавов с кружевом и красивой девичьей повязки, украшенной жемчугом и цветным стеклом. Такой нарядный костюм носит название «троицкий», так как надевали его в селе на престольный праздник Троицу (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2019 год, статья «Хранители». – Прим. ред.). Водили девушки в таких нарядах хороводы на берегу Волги да пели песни протяжные. Красота!

Рядом красуется, пожалуй, самый известный народный костюм Нижегородской губернии – «чернухинская дивная обряда» – из села Чернуха Арзамасского уезда. Многоцветный и яркий, он поражает искусной золотой вышивкой на оплечьях рубахи – мышках и головном уборе – «сороке». Созданием такой сияющей красоты занимались монахини Николаевского женского монастыря и Алексеевской общины в Арзамасе. Их золотошвейные мастерские получали заказы на вышивку не только из разных губерний России, но даже из Константинополя и Иерусалима. Стоила такая работа недешево. «По воспоминаниям старожил, для того чтобы заказать подобный комплект девушке на свадьбу, семья отдавала целый воз пшеницы», – рассказывают в музее. Дополняют и без того нарядный

На заднем плане – девичий костюм села Безводное, который называли «троицким», с расшитым золотными нитями «кафтанчиком». На переднем плане – девичий костюм Нижегородской губернии и головная повязка-лента с жемчужным очельем

Костюм придворного: камзол, жилет, кюлоты. Россия. Конец XVIII века

чернухинский костюм пестрые сапожки-«вязанки».

Так как в XVIII веке на территории Нижегородской губернии мирно проживали представители различных народов, то в музейной экспозиции можно увидеть и бело-красные мордовские и марийские костюмы, с характерными нагрудными украшениями с монетами, и пестрые красочные костюмы татар-мишарей, дополненные вышитой обувью.

ТАКОЙ РАЗНЫЙ XIX ВЕК

В зале, посвященном XIX веку, внимание сразу же привлекает необычный, яркий женский костюм. На первый взгляд своим красочным декором он очень напоминает народную одежду, но что-то подсказывает, что таковым он не является. Действительно, это так называемый «костюм в русском стиле», который появился в России на волне всеобщего увлечения русской национальной культурой в последней четверти XIX века. Очень нарядный, он, как правило, состоял из кофты и передника в бело-синие-красных цветах, которые были сшиты из чередующихся вышитых крестом и кружевных полос, дополненных однотонной юбкой. Вдохновленный красочностью и богатым узором традиционного русского народного костюма, такой комплект был к месту в городе и на даче, его носили юные представительницы среднего класса и аристократки. На этюдных фотографиях Андрея Карелина можно увидеть молодых нижегородок, одетых в подобные

Первой мировой войны», – рассказывает Татьяна Александровна. Светлое свадебное платье представлено на фоне изумительной красоты и разноцветья уникальной коллекции платков и шалей из собрания известного нижегородского предпринимателя, одного из последних городских голов, Дмитрия Васильевича Сироткина. В 1919 году в его усадьбе чекисты обнаружили клад, в составе которого оказались сундуки с дорогими тканями, народными костюмами и роскошным собранием платков и шалей.

Еще одна мизансцена демонстрирует женские наряды в стиле модерн для разного времени года. Вот легкое летнее платье из батиста, дополненное шляпкой из соломки и кружевным зонтиком. В таком наряде легко представить себе юную нижегородку, прогуливающуюся по набережной теплыми летним вечером под руку с галантным кавалером. Визитный костюм, искусно отделанный вышивкой и кружевом, полностью соответствует тенденциям общеевропейской моды стиля модерн. Третий, шелковый костюм, для более прохладного времени года, украшен контрастной бахромой, что несколько напоминает традиционную отделку нижегородского народного костюма.

Разнообразные аксессуары: веревки, сумочки, роскошные бисерные воротнички, перчатки и, конечно, пуговицы, винюницы выставки, такие разные, в зависимости от эстетических предпочтений той или иной эпохи, – помогают посетителям погрузиться в прошлое и понять стилевые предпочтения жителей города и губернии. Рассматривая выставку, можно многое узнать и о следовании модным тенденциям, и о вкусах нижегородцев, и об умении местных портных. В этом помогают не только предметы одежды, но и картины местных художников, дополняющие экспозицию.

яркие полосатые комплекты, один из которых и представлен на выставке.

Вся экспозиция в этом зале состоит из небольших мизансцен, повторяющих характерные дамские занятия того времени. Вот уголок швеи или модистки. Он наполнен отрезами тканей, журналами мод, шкатулкой для рукоделия, пяльцами, вышивкой, утюжком и, конечно, швейной машинкой – к тому времени уже незаменимой помощницей женщины. Следующая сцена знакомит посетителей с утренним дамским туалетом, когда горничная помогает прихорашиваться своей госпоже. Домашнее платье «хозяйки» принадлежало Варваре Михайловне Бурмистровой – родной сестре Сергея Михайловича Рукавишникову, владельца усадьбы. Костюм горничной, состоящий из юбки и кофты с удлиненной баской, сшитых из набивных материй, отражает тенденции проникновения городской моды в народную среду.

Рассматривая костюмы, выставленные в музее, невольно

задумываешься о судьбах тех людей, которым они принадлежали. Была ли, к примеру, счастливой семейная жизнь той девушки, чье прелестное свадебное платье и венок из флёрдоранжа мы видим на выставке? «Это платье принадлежало маме одной из сотрудниц музея советского времени. В нем та выходила замуж в 1914 году, а вскоре после свадьбы новоиспеченного мужа забрали на фронт начавшейся

«Чернухинская дивная обряда» – женский костюм села Чернуха Арзамасского уезда

«Костюм в русском стиле» конца XIX века

ОТ НЭПА К СОВЕТСКОЙ МОДЕ

XX век – это время, когда фабричное производство окончательно отвоевывает пальму первенства у трудоемкого ручного труда. В ярких фабричных тканях теперь форсят и городская модница, и сельский щеголь. Зал, посвященный этому времени, начинается с мужского комплекта из фиолетовой шелковой рубашки, черных штанов, жилета и картуза. Такой костюм в начале XX века чаще всего носили под влиянием городской моды крестьяне и рабочие. В период и после революции он стал своего рода отличительным костюмом большевиков. Похожий образ сделал своей визитной карточкой знаменитый на всю Россию нижегородец – пролетарский писатель Алексей Пешков, более известный под псевдонимом Максим Горький. В своих «Воспоминаниях» Иван Бунин так описал его облик: «Ходил он теперь всегда в темной блузе, подпоясанной кавказским ремешком с серебряным набором, в каких-то особенных сапожках с короткими голенищами, в которые вправлял черные штаны». Или вот еще: «Под крылаткой желтая шелковая рубашка, подпоясанная длинным и толстым шелковым жгутом кремового цвета, вышитая разноцветными шелками по подолу и вороту».

В начале 20-х годов под влиянием новой экономической политики (НЭП) возобновила свою работу Нижегородская ярмарка. В музее можно увидеть занимательный плакат 1923 года, на котором изображен Владимир Ленин с перстом, указующим на ярмарку, призывающий «укреплять торговлю и через торговлю доказать смычку города с деревней», а также «через Нижний укрепить связь СССР со странами Востока».

До окончательного закрытия в 1929 году на ярмарке состоятельные нижегородские модницы могли приобрести одежду по европейской моде. Те, кому блага НЭПа были не по средствам, обеспечивали себе модную одежду рукоделием, перешивая старые

Наряды нижегородских модниц 20-х годов XX века

платья, перекраивая купленные дешевые вещи, конструируя модные модели из тканей, которые удавалось «достать», обращаясь к выкройкам из журналов мод», – рассказывают в музее. На выставке представлено несколько женских нарядов того периода.

В это же время плодотворно творила знаменитая уроженка Нижегородской губернии, модельер двух эпох Надежда Петровна Ламанова (см.: «Русский мир.ru»

№5 за 2017 год, статья «Королева иглы и нитки». – Прим. ред.), сумевшая органично соединить традиции народного костюма и новую европейскую моду на прямые укороченные вышитые платья. К сожалению, музей не обладает работами прославленной землячки, но, возможно, это дело будущего.

XX век – время довольно быстрой смены мод, поэтому на выставке он представлен, что называ-

Плакат, посвященный Нижегородской ярмарке 1923 года

ется, «крупными мазками». Вот, к примеру, красивое концертное платье с ручной росписью по шифону, относящееся уже к 1940-м годам. Как замечает Татьяна Александровна, «в музее есть комплекс предметов наших артисток, которые в годы войны выезжали в действующую армию, чтобы поддержать и поднять боевой дух солдат». Дополнением к нему служат роскошные китайские туфли с хризантемами кон-

ца 1940-х годов – времени начала русско-китайской дружбы. Здесь можно увидеть трогательную композицию: женский плащ-пыльник с изящной вышивкой, шляпка и сумочка в тон, а рядом – мужской образ в военной шинели и патефон. В послевоенные годы людей, одетых таким образом, можно было встретить на улицах не только Нижнего Новгорода – в ту пору Горького, – но и по всей стране.

Мизансцена на тему моды 30–50-х годов XX века

Часть коллекции пуговиц нижегородца Н.В. Баринова

Мода 1960-х годов легко узнается в костюме с укороченной юбкой, а 1970-е – в моделях с использованием синтетических тканей. В советское время, как рассказывают сотрудники музея, существовала интересная традиция пополнения фондов. Помимо вещей, которые поступали от жителей города и сотрудников музея, экспонаты приобретались специальной фондово-закупочной комиссией, часть музейных предметов – это обязательные образцы продукции местных фабрик. Так, на выставке представлено детское пальто с фабричным знаком «Горькшвейпрома». Есть здесь и дамские сумочки из Богородска – старинного центра кожевенного дела, на которые сквозь витрину заглядываются современные модницы. И ювелирные украшения в технике знаменитой казачковской филигранны. В центре зала можно увидеть планшеты с теми самыми пуговицами горьковского коллекционера Николая Владимировича Баринова, с которых и началась выставка. Они рассказывают о советской моде ничуть не меньше, чем предметы одежды.

ОТ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Заключительная часть экспозиции рассказывает историю двух значимых творческих объединений, которые были организованы в Нижнем Новгороде в послевоенные годы XX века: Строчевышивальной лаборатории как отдела Проектно-конструкторского бюро, занимавшегося традиционными нижегородскими промыслами, и Горьковского дома моделей.

Основной деятельностью Строчевышивальной лаборатории, как можно понять даже из названия, было создание современных моделей одежды, украшенных вышивкой. «Сотрудники организации много работали в фондах нашего музея с коллекцией народного костюма. Поэтому в их моделях можно увидеть отсылки и к полхов-майданской, и к городецкой росписи», – поясняет Татьяна Александровна. Впечатляет на выставке элегантное красное платье с золотой вышивкой на рукавах, напоминающей золотошвейные оплечья чернухинского народного костюма. Его автор – главный художник лаборатории в 1970–1980-х годах Ольга Азарьевна Бакшаева.

В советские годы помимо костюмов в лаборатории создавались вышитые головные уборы, сумки, папки и многое другое. В музее хранятся не только готовые изделия, но и большая коллекция альбомов с уникальными образцами вышивки. Это стало возможным благодаря тому, что в лихие 1990-е годы новые собственники не выбросили их за ненадобностью, а бережно отнесли к художественному наследию и более сотни предметов передали в музей.

В советское время запоминающейся визитной карточкой города был Горьковский дом моделей (ГДМ). Основали его 1 апреля 1949 года совсем не для смеха. Главной целью подобных объединений тех послевоенных лет было обеспечение населения красивой и удобной одеждой. Модной ее тогда никто не называл. За свою полувековую историю ГДМ успеш-

Изделия Горьковского дома моделей и фрагменты фотосессий для советских журналов. 80–90-е годы XX века

Подарочная папка с вышивкой, напоминающей оформление старинных нижегородских народных костюмов. Строчевышивальная лаборатория. 1970-е годы XX века

но справлялся с поставленной задачей и считался одним из лучших в стране. В период расцвета число сотрудников Дома моделей достигало тысячи человек, а количество разрабатываемых моделей, которые затем поступали в производство, доходило почти до 2 тысяч в год.

Художники-модельеры ГДМ – такое гордое наименование носила в те времена профессия, которая сейчас всем известна под обезличенным названием «дизайнер», – создавали модели, пользовавшиеся успехом не только в СССР, но и за рубежом. На выставке можно увидеть и изысканное платье-сарафан, дополненное шалью, и вечерние платья

1980-х годов с характерными широкими плечами, мода на которые снова вернулась в наши дни, и интересную мужскую рубашку с символами Олимпиады-80, и мужскую куртку с шевроном XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в 1985 году в Москве. В 1990-е годы ярко вспыхнувшая звезда Горьковского, в те годы уже Нижегородского, дома моделей закатилась, не пережив перипетий бурных лет.

На первый взгляд может показаться, что славная текстильная история Нижегородской земли осталась в прошлом. Однако это не совсем так. наших современников по-прежнему восхищают традиционные народные костюмы этого региона, хранящиеся во многих музеях страны. Каждый год выходят кружить хороводы на поляны-венцы по-над Волгой местные жители в передаваемых по наследству старинных сарафанах и «кафтанчиках». А новое поколение нижегородских дизайнеров небезуспешно ищет баланс между мировыми модными тенденциями и текстильными традициями родного края. **Н**

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.ru

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2

www.ruskiymir.ru